

 ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 38 СЕНТЯБРЬ 1985

НА ПУТИ ИЗ ЛЕДОВОГО ПЛЕНА

БРЯНСКУ — 1000 ЛЕТ

БЕРЕЖЛИВОСТЬ:
РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

РУССКИЕ ГЕРОИ
ФРАНЦУЗСКОГО
СОПРОТИВЛЕНИЯ

Нижневартовск. М. С. Горбачев беседует с рабочими компрессорной станции.

Телефото В. Мусаэльяна, В. Кузьмина (ТАСС)

ПРЕБЫВАНИЕ М. С. НА ТЮМЕНСКОЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 38 (3035)

14—21 СЕНТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1985

4 сентября в Тюменскую область — важнейший нефтегазовый регион страны — прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

М. С. Горбачев посетил предприятия по добыче нефти и газа Самотлорского месторождения, встречался с буровиками, монтажниками, строителями, инженерно-техническими работниками, побывал на газлифтных компрессорных станциях № 2 и № 3, комплексном сборном пункте № 3 нефтегазодобывающего управления «Самотлор-нефть», на буровой установке мастера В. С. Рыбакина.

Во время встреч на предприятиях с нефтяниками, с жителями Нижневартовска М. С. Горбачев обратил особое внимание на необходимость ускоренного строительства жилья, развитие сети социально-бытовых учреждений, объектов культуры.

При посещении буровой установки М. С. Горбачев в ходе беседы с рабочими интересовался их трудовыми успехами, а также тем, что им мешает работать эффективнее, лучше.

Вечером в горкоме партии состоялась беседа М. С. Горбачева с руководителями нефтяной промышленности Тюменской и Томской областей, местных партийных и хозяйственных органов.

В беседе участвовали В. И. Долгих, Б. Н. Ельцин, А. К. Антонов, Н. К. Байбаков, Б. Е. Щербина, Г. П. Разумовский, А. Н. Яковлев, Г. П. Богомяков, А. Г. Мельников, министры СССР.

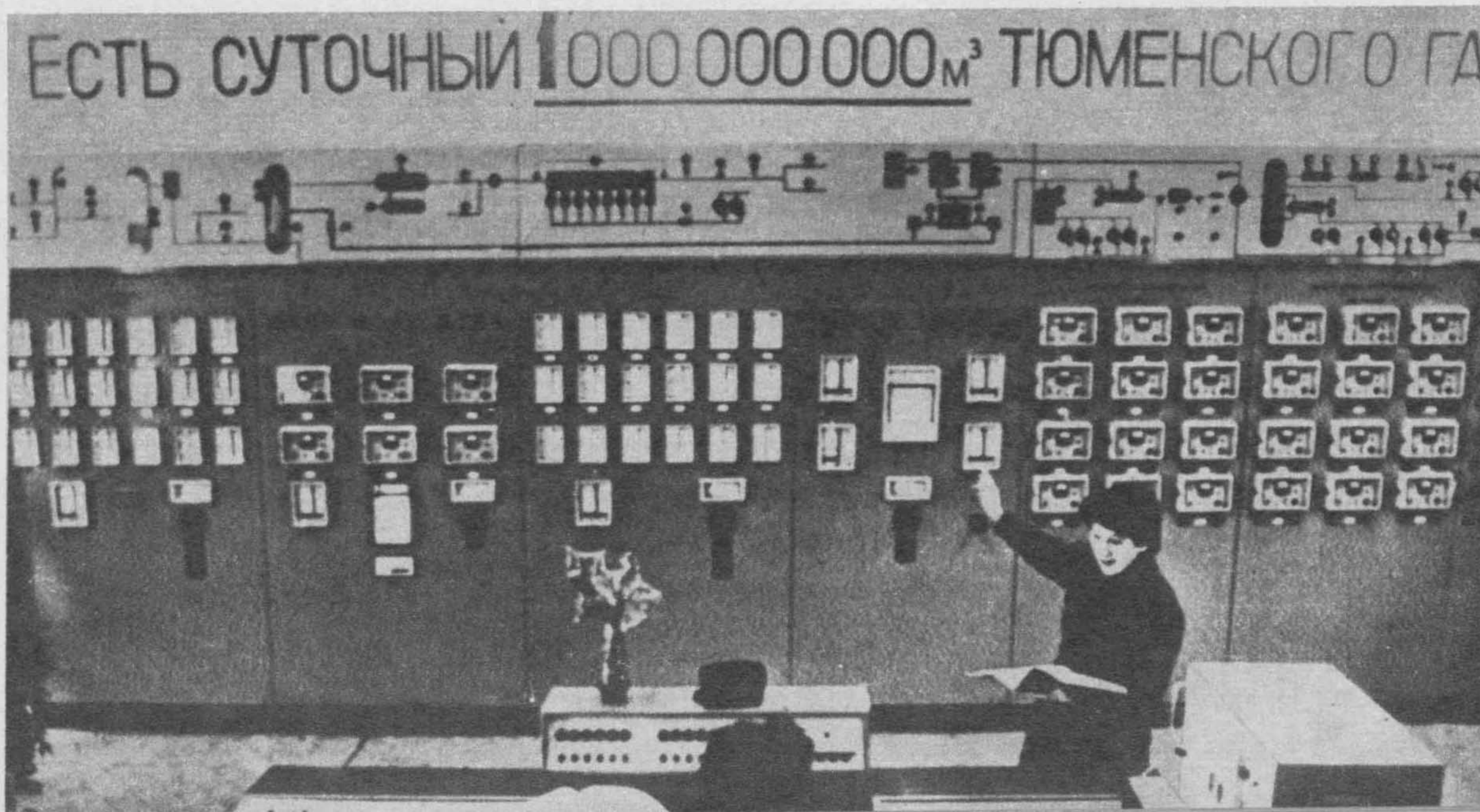
Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев 5 сентября прибыл из Нижневартовска на Уренгой — в крупнейший район газодобычи. Он посетил мощную установку

комплексной подготовки газа — один из передовых объектов отрасли, побывал на заводе комплексной подготовки газового конденсата к транспортировке.

Во второй половине дня М. С. Горбачев прибыл в Сургут, осмотрел Сургутскую ГРЭС, ознакомился с ходом строительства ГРЭС-2, беседовал с монтажниками и испытателями, которые готовят второй блок к пуску в конце этого месяца.

Затем М. С. Горбачев посетил центральную базу производственного обслуживания электрогрузовых установок, где осмотрел нефтегазопромысловую технику.

В Сургутском горкоме партии состоялась беседа М. С. Горбачева с руководителями министерств, объединений, главков, местных партийных, советских и хозяйственных органов, специалистами. Обсуждены вопросы ускоренного развития в Тюменской области нефтя-

Уренгойское производственное объединение по добыче газа. Управляющий.

Телефото Н. Малышева (ТАСС)

На целиноградской земле. М. С. Горбачев беседует с комбайнерами.

Телефото В. Мусаэльяна, Ю. Лизунова (ТАСС)

ГОРБАЧЕВА ЗЕМЛЕ И В ЦЕЛИНОГРАДЕ

ной промышленности, электроэнергетики, транспортного строительства, комплексного возведения жилья, объектов социально-бытового и культурного назначения.

В беседах, которые носили сердечный и деловой характер, рабочие предприятий, жители Нового Уренгоя и Сургута говорили Михаилу Сергеевичу, что они и их трудовые коллективы единодушно одобряют и поддерживают курс партии на укрепление дисциплины и порядка, на искоренение пьянства, линию, взятую на борьбу за экономию и бережливость каждого на своем рабочем месте.

5 сентября М. С. Горбачев прибыл в Тюмень. 6 сентября здесь состоялось совещание партийно-хозяйственного актива Тюменской и Томской областей, на котором обсуждены задачи дальнейшего развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, эффективного использования ресурсов.

В работе совещания участвовали Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Ельцин, заместитель Председателя Совета Министров СССР А. К. Антонов, Н. К. Байбаков, Б. Е. Щербина, ответственные работники ЦК КПСС, министры СССР и РСФСР, руководители ряда объединений и предприятий, секретари партийных организаций.

Совещание открыл М. С. Горбачев. Он сказал, что Центральный Комитет КПСС принял решение провести это совещание, чтобы обсудить пути реализации постановления Политбюро ЦК КПСС о комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1986—1990 годах.

Перед партийно-хозяйственным

активом выступил М. С. Горбачев. Его выступление было выслушано с большим вниманием.

* * *

6 сентября М. С. Горбачев отбыл из Тюмени в Целиноград. 7 сентября в первой половине дня Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев посетил Шортандинский район Целиноградской области, где осмотрел на полях в действии образцы новой сельскохозяйственной техники, встретился и беседовал с механизаторами, ознакомился с деятельностью Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства (ВНИИЗХ).

На хлебном поле состоялась теплая, деловая беседа Михаила Сергеевича с комбайнерами тракторно-полеводческой бригады Героя Социалистического Труда С. И. Гав

рилюка о применении интенсивных методов земледелия, преимуществах использования бригадой коллективного подряда.

Создание стабильности в земледелии, интенсивной технологии для получения высоких урожаев зерновых, роль науки в сельском хозяйстве — об этом состоялся всесторонний разговор во ВНИИЗХ.

На центральной площади Целинограда М. С. Горбачев возложил цветы к памятнику В. И. Ленину.

Состоялась беседа Михаила Сергеевича с жителями города, которые выразили горячую поддержку внутренней и внешней политике КПСС и Советского государства.

В поездке с М. С. Горбачевым были член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаев, секретарь ЦК КПСС В. П. Никонов, заместитель Председателя Совета Министров СССР А. К. Антонов и З. Н. Нуриев,

заведующие отделами ЦК КПСС В. А. Карлов, Г. П. Разумовский, А. Н. Яковлев, управляющий делами ЦК КПСС Н. Е. Кручина.

Во второй половине дня в Целинограде состоялось совещание партийно-хозяйственного актива областей Казахстана, краев и областей Сибири и Урала по вопросам реализации Продовольственной программы, ускорения научно-технического прогресса в сельском хозяйстве и других отраслях агропромышленного комплекса.

С большой речью на совещании выступил М. С. Горбачев.

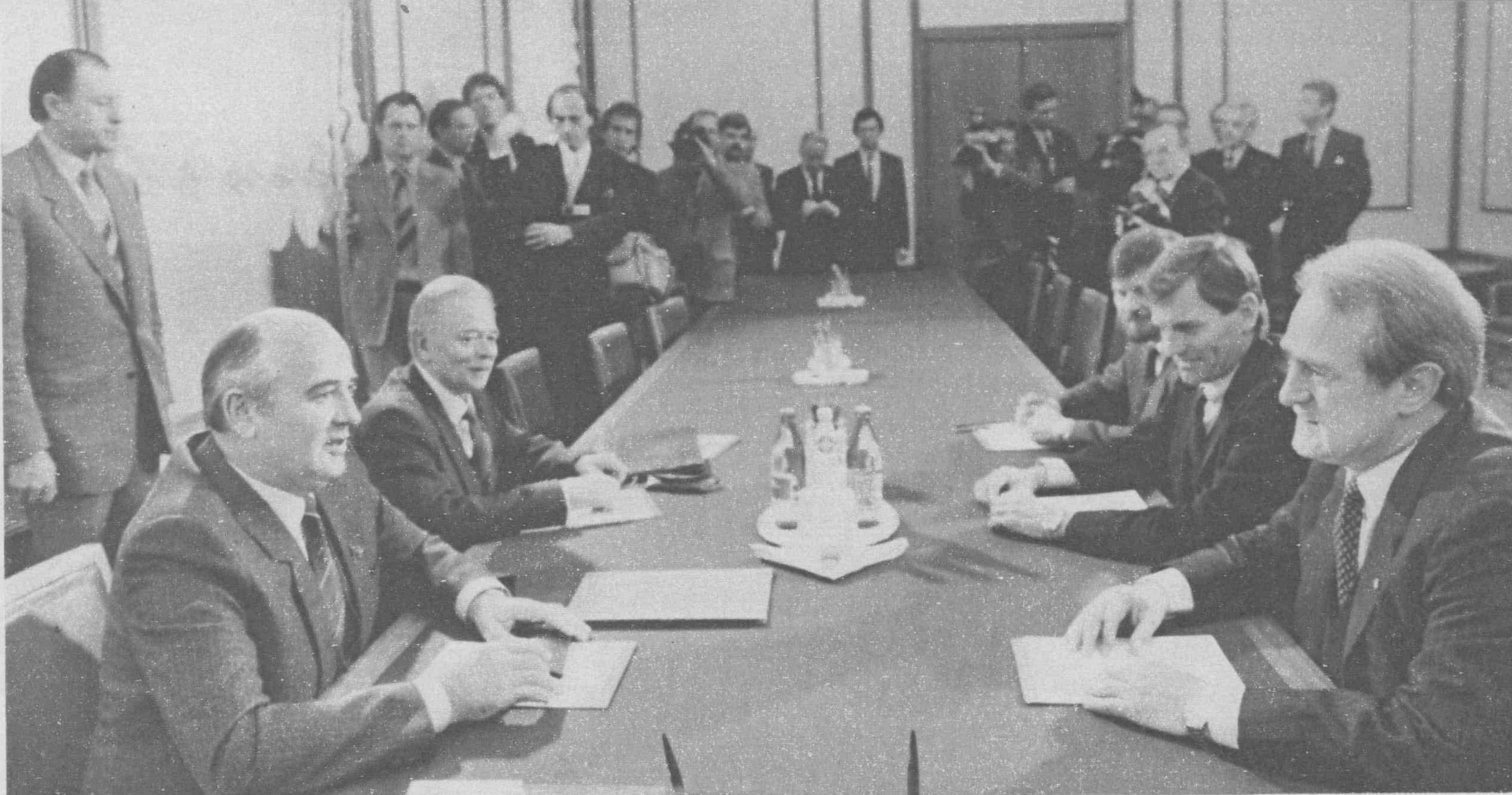
В этот же день М. С. Горбачев возвратился в Москву.

На аэродроме в Москве М. С. Горбачева встречали члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, В. И. Воротников, А. А. Громыко, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, другие товарищи.

Герой Социалистического Труда бригадир комсомольско-молодежной бригады имени Тридцатилетия целины С. И. Гаврилюк и его товарищи.

Телефото А. Морковкина, А. Павского (ТАСС)

Во время встречи.

Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС)

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С Й. РАУ

10 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле находившегося в нашей стране с официальным визитом заместителя председателя Социал-демократической партии Германии, премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия (ФРГ) Иоганнеса Рау.

В ходе беседы, прошедшей в обстановке взаимопонимания и в конструктивном духе, обе стороны отметили, что современная между-

народная обстановка вызывает серьезное беспокойство народов, поскольку гонка вооружений и растущая конфронтация между Западом и Востоком усиливают опасность новой войны, масштабы и характер которой могли бы иметь губительные, роковые последствия для всего человечества. Было констатируемо, что у руководителей представителей КПСС и СДПГ имеется общее понимание необходимости активно и настойчиво

действовать в пользу мира, разрядки и конструктивного сотрудничества, чтобы предотвратить сползание к катастрофе.

М. С. Горбачев и Й. Рау отметили, что СССР и ФРГ, как показали 70-е годы, несмотря на их принадлежность к различным социально-экономическим системам и военно-политическим союзам, вполне могут выступать партнерами при решении кардинальных проблем ми-

ра и безопасности. Было высказано убеждение, что отношения между обоими государствами могут поступательно развиваться на базе соблюдения буквы и духа Московского договора, что отвечает интересам народов обеих стран и мира на континенте.

Стороны с удовлетворением отметили плодотворность контактов между КПСС и СДПГ и высказались за их дальнейшее углубление и развитие.

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

10 сентября член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко принял в Кремле члена Политбюро ЦК КПВ, министра национальной обороны СРВ генерала армии Ван Тиен Зунга, находящегося в Советском Союзе с официальным дружественным визитом.

Перед началом беседы.

А. А. Громыко и Ван Тиен Зунг выразили единодушное мнение, что советско-вьетнамское сотрудничество во всех сферах вносит весомый вклад в дело социалистического и коммунистического строительства обеих стран.

Была выражена уверенность, что сплоченность государств социалистического содружества, более тес-

ная координация их политики наряду с энергичным взаимодействием всех отрядов, выступающих за мир, помогут изменить к лучшему международный климат. Целями СССР и СРВ были и остаются мир, обуздание гонки вооружений.

Встреча проходила в сердечной атмосфере, характерной для отношений между Советским Союзом и Вьетнамом.

В беседе приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов и посол СРВ в СССР Динь Нью Лиен.

В этот же день Ван Тиен Зунг отбыл из Москвы в поездку по стране.

Фото В. Зуфарова и А. Морновкина (ТАСС)

АМЕРИКА БОМБИТ ЮТУ

«Н

аше собственное правительство сделало нам то, чего не сделали русские. Оно причинило зло и лгало нам».

За этим высказыванием американца из штата Юта стоит трагедия многих людей, ставших жертвами атомных испытаний в пустыне Невада. Когда 25 апреля 1953 года там были проведены ядерные испытания, первыми погибли 4390 овец, которые оказались в зоне радиоактивного заражения в соседней Юте. Сначала у них на теле появились язвы, затем стала выпадать шерсть, и, наконец, они начали падать замертво. Их владельцы подали в суд на Комиссию по атомной энергии США, но ее адвокатам удалось доказать, что овцы погибли от... недоедания. К 1984 году, когда дело было снова передано в суд, многие владельцы овец сами умерли от рака.

Об этом и многих других фактах, тщательно скрываемых администрацией США от американского народа, рассказал Джон Фуллер в только что вышедшей в Нью-Йорке книге «В тот день, когда мы бомбили Юту».

Среди многих жертв ядерных взрывов был 91 человек, входивший в состав съемочной и актерской группы известного в свое время фильма «Завоеватели», который в 1954 году снимали в окрестностях города Сент-Джордж в штате Юта. Уже к 1979 году половина из них умерли от рака. Среди них такие известные артисты, как Джон Уэйн, Сюзан Хейуорд, Дик Пауэлл, Агнес Мурхед.

Сыновья Джона Уэйна, Майкл и Патрик, были вместе с отцом на съемках в Юте. Годы спустя у Майкла начался рак кожи, а у

Патрика образовалась раковая опухоль, которую удалось своевременно удалить.

Только теперь американцы узнали, что причиной небывалого числа случаев рака крови, щитовидной железы и других злокачественных заболеваний в Юте является радиоактивное заражение, в 1230 раз (!) превышающее допустимый уровень.

Майкл Уэйн не относится к числу участников движения противников ядерного оружия в США, но он заявляет: «Правительство не может ходить по людям. Самое

страшное преступление — ложь, и неважно, Уотергейт это или радиация».

Администрация США в течение десятилетий отказывается от подписания соглашения о полном прекращении ядерных взрывов. Последние ядерные испытания 17 августа служат вызывающим, циничным ответом на призыв СССР, объявившего мораторий на все ядерные взрывы.

Америка продолжает бомбить Юту.

В. ТРАПЕЗНИКОВ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Во время открытия книжной выставки-ярмарки. Фото А. Бочинина

ЧИТАЮЩАЯ ПЛАНЕТА

10 сентября в Москве на ВДНХ СССР в торжественной обстановке была открыта V Московская международная книжная выставка-ярмарка (ММКВЯ-85) под девизом «Книга на службе мира и прогресса». В ней участвуют свыше 2700 организаций и фирм из 100 стран, в том числе ООН, ЮНЕСКО, Международная организация труда, Всемирная организация здравоохранения, Всемирный Совет Мира и другие.

На открытии выставки присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, секретарь ЦК КПСС М. В. Зиминин, председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заведующие отделами ЦК КПСС В. Ф. Шауро, А. Н. Яковлев, руководители ряда министерств и ведомств, деятели культуры и науки, главы дипломатических представительств, аккредитованные в СССР, многочисленные зарубежные и советские гости.

Открывая митинг, председатель Госкомиздата СССР Б. Н. Пастухов отметил непреходящее значение устраиваемых в Москве

книжных смотров, подчеркнул их вклад в дело укрепления мира и взаимопонимания между народами, в интенсивном обмене духовными ценностями, отображенными в уникальном продукте человеческой мысли — книге. Он зачитал приветствие Совета Министров СССР участникам и гостям выставки-ярмарки, встреченное громкими аплодисментами.

По традиции под звуки Первого фортепианного концерта П. И. Чайковского на флагштоке взмывает голубой флаг ярмарки.

В течение недели — выставка будет работать до 16 сентября — посетители смогут познакомиться с экспозицией, насчитывающей около 200 тысяч книжных новинок ведущих издательств СССР и зарубежных стран. Здесь организованы два специальных международных стенда: «Книга и борьба народов против угрозы ядерной войны» и «Книга и проблемы молодежи». Будет работать «Клуб деловых встреч», по традиции состоится международный конкурс детского рисунка. В этом году его девиз: «Я мечту свою рисую».

СЛОВО ЗАРУБЕЖНОГО УЧАСТНИКА ВЫСТАВКИ

Чей СА О П Х Е А, заместитель министра пропаганды и культуры [Народная Республика Кампучия]:

— Мы участвуем в ярмарке уже в третий раз. Здесь на стенде более 200 названий книг. Среди них произведения классиков марксизма-ленинизма на кхмерском языке, научная, техническая, учебная, детская литература. Причем большинство этих книг — результат сотрудничества Кампучии с СССР, Вьетнамом и Лаосом. Мы присылаем в СССР переводчиков и редакторов для подготовки и перевода советских изданий на кхмерском, получаем из вашей страны и готовые переводы, скажем, произведений В. И. Ленина в матрицах, а у себя делаем мелованные оттиски и брошюруем.

Культуру кхмеров пришлось воссоздавать с нуля, во всем ощущал-

ся острый недостаток, в том числе и специалистов в области перевода, но благодаря тесному сотрудничеству Народной Республики Кампучии со странами социализма, помощи СССР, Вьетнама и Лаоса эти трудности удалось преодолеть.

Результаты говорят сами за себя. Если в 1984 году совместно было подготовлено только 12 изданий, то в 1985 году уже выпущено 21. А всего за год в НРК выходит до 60 названий в 5 издательствах.

Я очень рад, что участвую в третий раз в работе выставки. Кхмерский народ истосковался по миру, и мы рады возможности сказать здесь свое слово в пользу мира и прогресса.

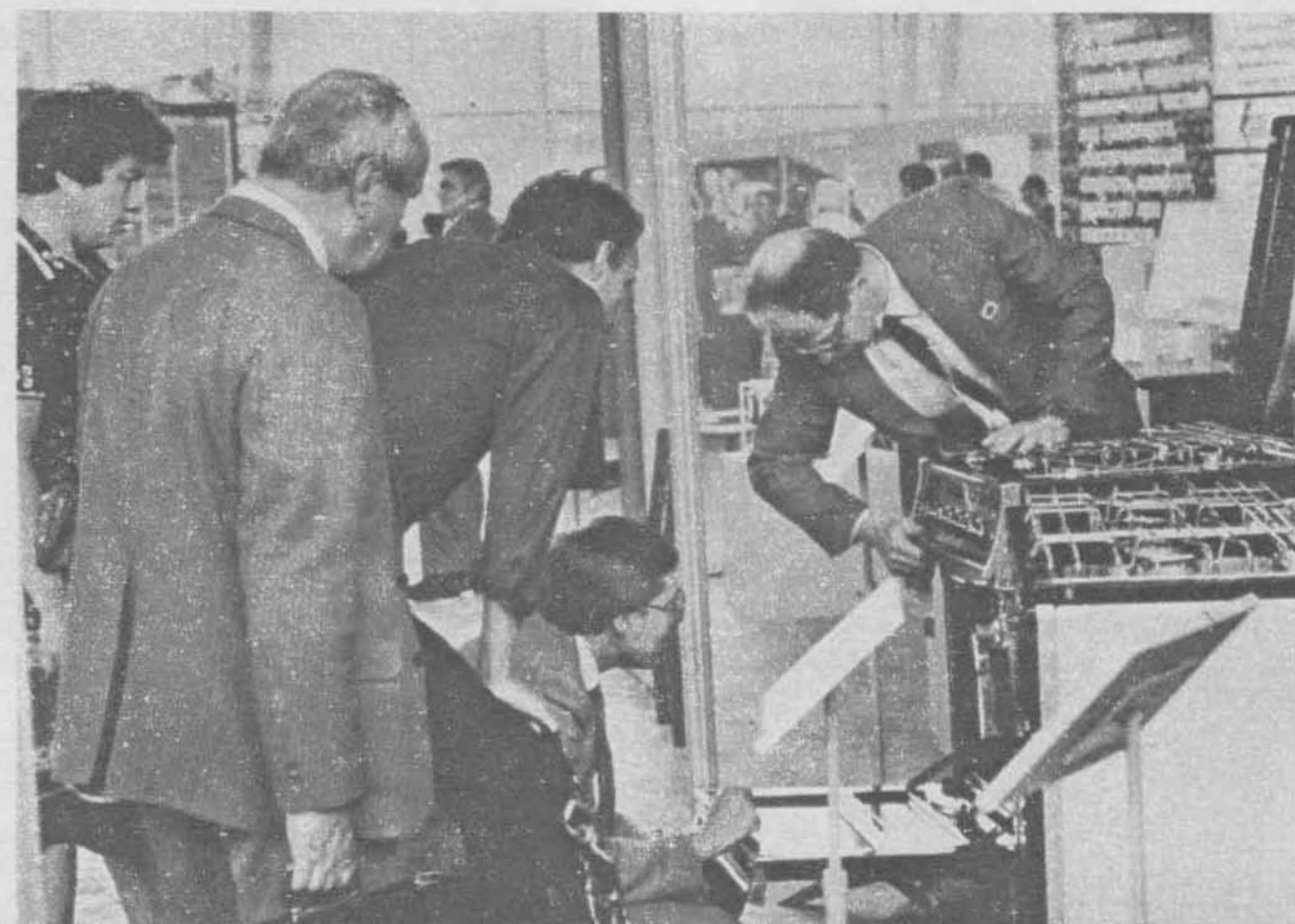
Быт на международном уровне — это «Интербытмаш-85», выставка, организованная при участии объединения «Экспоцентр» и собравшая экспонаты из многих стран мира... «Экспоцентр» год за годом успешно хлопочет, чтобы опыт в той или иной области стал достоянием всех. Для того, в частности, и организуются международные смотры. Крупная и авторитетная выставка «Интербытмаш» — лишь один из них.

...Здесь можно узнать, какая прическа в европейских столицах сейчас считается «самой-самой»; какими способами сейчас в тех же столицах утепляют на зиму в домах окна; как консервируют воду («Пять лет хранится и как будто только что из родника!» — говорит представитель фирмы «Вотерлайн»); как «холодный» сапожник стараниями научно-технического прогресса превращается в оператора современного станка, ко-

торому вполне по силам вернуть поношенному ботинку его первоначальную прочность и привлекательность. Словом, эта выставка — рассказ о том, что окружает человека в повседневности, в быту... Рассказ обо всем. «Интербытмаш» не только насыщенный, но и конкретный показ, здесь видишь, как бытовые заботы могут быть подняты до современного уровня науки и техники.

В многообразии стендов и экс-

Современные газовые плиты показаны в советской экспозиции.

ЗАМЕТКИ
С ВЫСТАВКИ

ДОМОФОН «ВАРОЛЮКС» И ЭКОНОМИЯ

К. БАРЫКИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Экономичные лампы финской фирмы «Айрам».

понатов, симпозиумов и коммерческих переговоров, в атмосфере деловой праздничности — в этом налейдоскопе отчетливо звучала главная нота: бережливость.

В советском разделе выставки — около 500 экспонатов. Среди них немало рассказывающих о нашем жилище. Современная квартира, электричество, централизованное тепло- и водоснабжение; многочисленные бытовые электроприборы, телевизоры и радиоприемники — сложное инженерное хозяйство. И хоть не каждый обратит внимание на скромный экспонат, на домашнее переговорное устройство, — домофон, но он — одна из примет ухоженного и инженерно обустроенного дома. Монтируется такой приборчик в подъезде, держит дверь на замке, не пускает гостя непрошеного. Вместе с тем «сторожит» и тепло, и электроэнергию. Подсчитано, что за месяц в одном подъезде многоэтажного дома харь-

ковский домофон экономит до двухсот рублей...

Экономия и бережливость объединили вроде бы разрозненные да и непохожие экспонаты. Крупные технологии и небольшие приборчики, мусороперерабатывающий завод и станочек для изготовления ключей... Начальник экспорта финского акционерного общества «Айрам» Юрий Баранник показывает электролампы.

— В сравнении с привычными светильниками они дают десятипроцентную экономию энергии.

Это прямая выгода. Но, оказывается, и те финские лампы, которые вроде бы ничем не отличаются от обычных, тоже изменились: они делают освещаемые ими вещи и предметы более яркими.

В представительном разделе фирм и предприятий Германской Демократической Республики среди технологий и машин есть све-

тильничек «варолюкс»; настольная (настенная, переносная — как пожелаете) лампа с программой, следящей не только за уровнем освещенности в квартире, но и создающей эффект заходящего солнца, тем самым позаботившись о снижении (а это экономия) освещенности — само собой, в разумных пределах.

На выставке вообще много разумного и поучительного. Фирма «Бопп и Ройтер» привезла из ФРГ счетчики воды. Свой для каждого водопроводного крана. Тот, что с синим ободком, считает холодную воду, с красным — горячую. Есть и еще один — для идущей на отопление.

— Вода драгоценна. Это не преувеличение, это факт из жизни. Мы считаем каждый литр. Можно сказать, не вода вытекает из крана, а деньги из кошелька, — замечает уполномоченный фирмы Ганс Заковский.

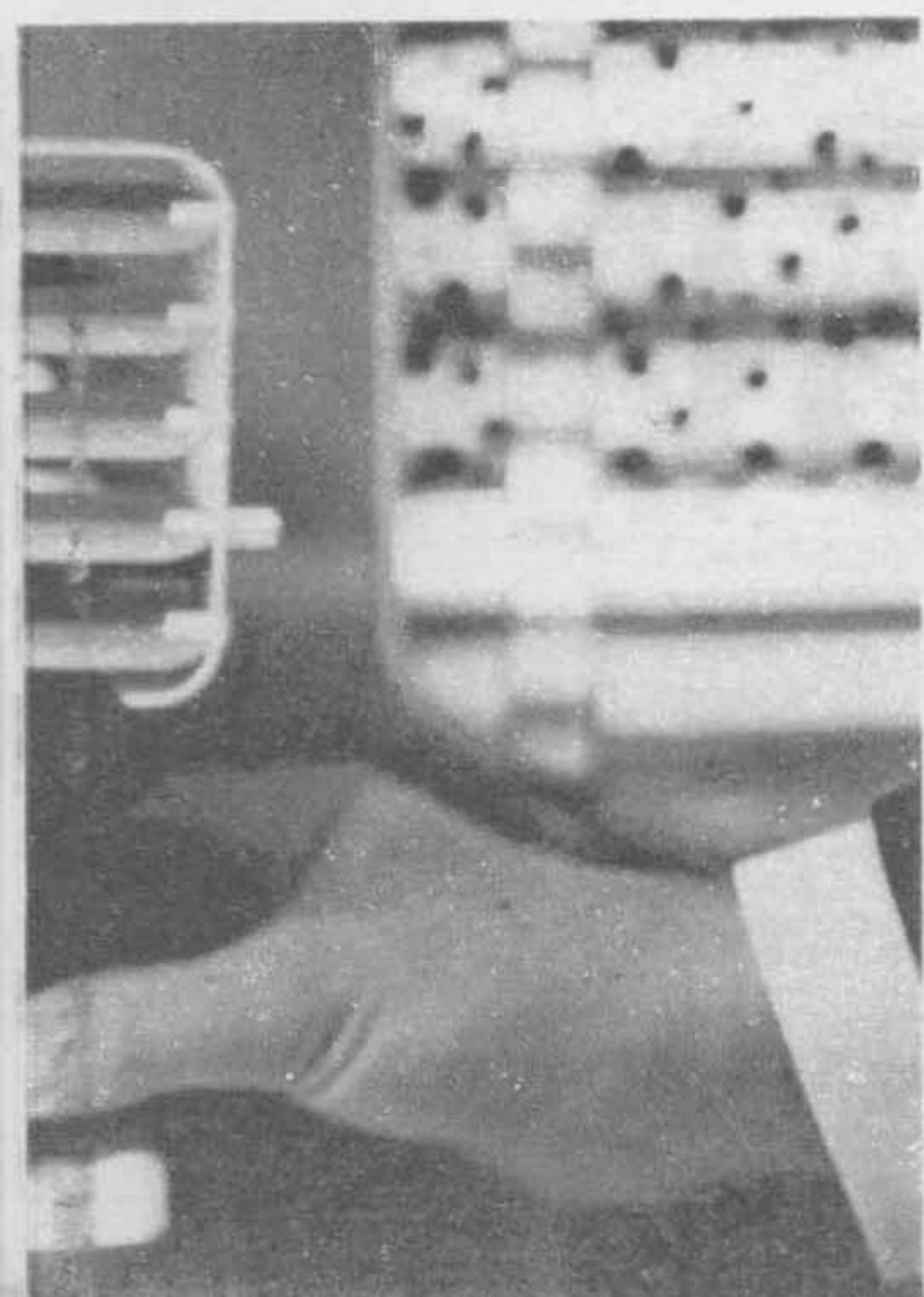
...Человечество начинает осознавать, что природный колодец не бездонен. И не всюду надо черпать из таких «колодцев» бочками, пора переходить и на другую «тару», поменьше. А пользоваться полученным побережливее...

— По нашему мнению, международная выставка «Интербытмаш-85» углубит и расширит сотрудничество между специалистами разных стран, обогатит их новыми научными и техническими идеями, расширит взаимовыгодные торговые и экономические связи и тем самым внесет положительный вклад в решение актуальных проблем улучшения условий жизни и быта людей, — сказал накануне открытия выставки председатель президиума Торгово-промышленной палаты СССР Е. П. Пивованов.

Теперь можно отметить: это предположение подтвердилось. Выставка удалась...

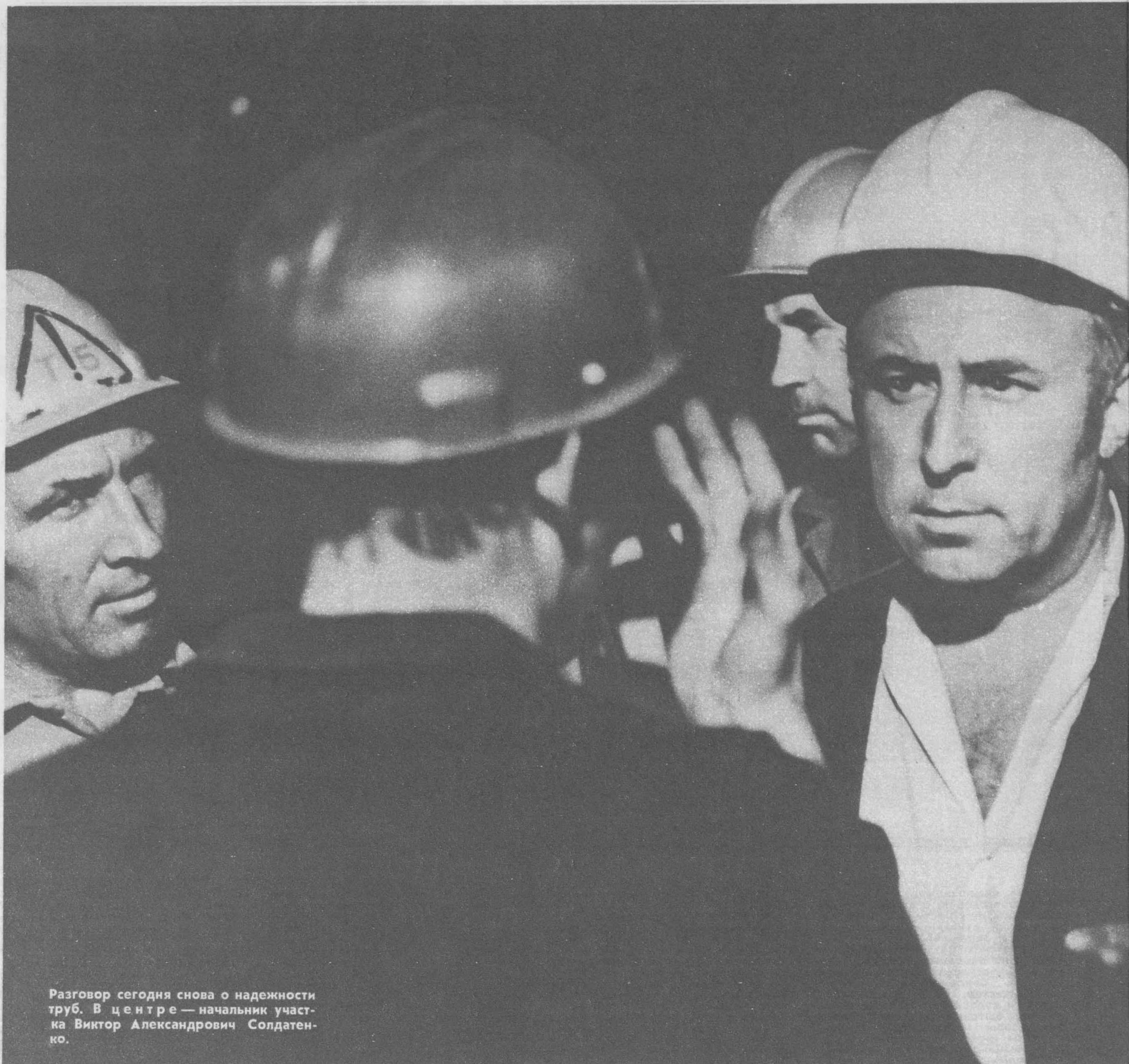
К каждому крану — свой счетчик расхода воды.

Домофон — «сторож» у подъезда.

Всем светить никам светильник — «Варолюкс».

Разговор сегодня снова о надежности труб. В центре — начальник участка Виктор Александрович Солдатенко.

«Изобретение ждет...» — так назывался проблемный репортаж нашего новосибирского корреспондента М. Щукина, опубликованный в «Огоньке» № 32 за этот год. Речь в нем шла о проволочках, связанных с внедрением в производство установки по антикоррозийной обработке труб.

Мы продолжаем начатый разговор о проблеме, решение которой даст народному хозяйству огромную экономию. Рассказываем об опыте Волжского трубного завода.

ВОЛЖСКИЕ ТРУБНИ

А. ЩЕРБАКОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

КИ

Инженер Нина Лубе проверяет толщину покрытия.

бережливость:
разные аспекты

С 1977 года, когда в строй ввели специальное отделение, можно сказать, цех, метод антикоррозийного покрытия труб большого диаметра получил в Волжском постоянную прописку.

Поиск вел весь коллектив. Тон задавал тогдашний главный инженер, а позднее директор Николай Александрович Богатов и сменивший его на посту главного инженера Игорь Ильич Пичурин.

Кто ищет, тот находит. В помощь подключились «УралНИТИ», Челябинский научно-исследовательский институт трубной промышленности, ярославское производственное объединение «Лаккокраска», московский «Гипромет»... Остановились на методе напыления эпоксидной порошковой краской. Оставалось придать ему промышленное обличье. Задача не из простых. Одно дело — опробовать метод в лаборатории, а тут...

— Представьте себе, — объясняет заместитель начальника технического отдела завода В. Р. Янер, — простая вроде бы вещь — спроектировать отделение, изготовить оборудование... Но кто возьмется выполнить такие заказы? Проектным институтам, тем более заводам, подавай объемы! Чтоб многие тысячи сулили... А тут всего-на-всего какая-то одна линия... Бился Богатов, ездил в Москву, писал... Выручил Челябинск, опытный завод «УралНИТИ» сделал образцы оборудования. Схемы агрегатов разработали у себя, все в конце концов устроилось...

С 1981 по 1984 год Волжский завод дал 127,3 тысячи тонн труб большого диаметра с антикоррозийным покрытием. Они уложены в газопроводы Урал — Центр и Средняя Азия — Центр. Их стойкость раза в полтора выше тех, что не прошли антикоррозийной обработки.

Итак, метод освоен. Но волжские трубники следуют золотому правилу: производство полноценно лишь тогда, когда оно непрерывно развивается, совершенствуется. И тут у них заметные успехи.

...Богатов поручил начальнику заводской центральной лаборатории автоматизации и механизации А. Д. Ключину придирчиво последить за работой трубоэлектросварочного стана. Речь шла об автоматике. У Ключина уже были соображения, он готовил расчеты. Показал директору. Николай Александрович заинтересовал сотрудников Ленинградского научно-исследовательского института токов высокой частоты. И результат: осуществлена комплексная авто-

матизация технологических процессов, выполняемых станом. Управление ими вывели на единый пульт, и остались на стане пять человек вместо прежних восьми.

На Волжском заводе действует пока единственная в мире установка по термической обработке труб большого диаметра. Тут тоже сработал союз заводчан с учеными украинского «Гипромета» и НИИ трубной промышленности в Днепропетровске. Эффект поразительный: прошедшие термообработку трубы из низколегированной стали не уступают по качеству дорогостоящим трубам, в которых используются дефицитные легирующие металлы: ниобий, молибден, никель, титан. Появилась возможность уменьшить толщину стенок и за счет этого экономить до десяти и более процентов металла.

Сейчас специалисты ищут средства поднять производительность напыления. Если удастся получить быстроредействующую порошковую краску, то сократится процесс полимеризации, и тогда окажется ненужной часть нынешнего оборудования. Дело пойдет примерно в полтора раза быстрее.

Стало быть, все гладко на Волжском заводе? Нет, не все. Лишь треть выпускаемых труб несет антикоррозийное покрытие. А их не хватает даже ремонтникам Министерства газовой промышленности. Завод и рад бы все трубы спасти от грядущей ржавчины, да ограничены его возможности! Нужно расширять антикоррозийное отделение или создать настоящий цех, а это снова мучительные при нынешних порядках проблемы: бесконечное согласование проектов, поиск партнеров для изготовления нестандартного оборудования, чаще всего не заинтересованных в таком деле, потом ведомственная стыковка планов...

Михаил Сергеевич Горбачев на совещании по вопросам ускорения научно-технического прогресса сказал: «Надо сделать экономику максимально восприимчивой к научно-техническому прогрессу, обеспечить жизненную заинтересованность в этом всех звеньев народного хозяйства». Это очень важно для дела: жизненная заинтересованность всех звеньев!

Впереди — продолжение разговора о позиции заинтересованных министерств и ведомств. А тема разговора старая: сколь долго мы будем нести потери от ржавчины? Имеется в виду и та, которая разъедает прогресс.

Волжский трубный завод,
Волгоградская область.

С прошлой осени до сегодняшнего дня трудились на этом поле люди, чтобы вырастить полновесные колосья, и сейчас спешили взять у земли спелые зерна. Потому был так приятен вид хлопотливых комбайнов, автомашин, полных до краев, спешащих поскорее ссыпать зерно на ток, пополнить колхозные закрома.

...Председателем в колхозе «Россия» Петр Владимирович Холод, потомственный хлебороб. Родом из села Лысая гора этого же Первомайского района. Отец его в прошлом бригадир, мать — свекловичница, жена Валентина Арсентьевна — агроном по семеноводству.

Шесть лет назад он принял убыточное хозяйство, а сегодня оно у всех на виду: выполнило пятилетку по продаже зерна, да еще сдано четыреста тонн сверх плана. Дважды — в 1983 и 1984 годах — «Россия» была победительницей всесоюзного соревнования в растениеводстве и животноводстве.

— Петр Владимирович, — спросила я, — в колхозе у вас урожай выше, чем у соседей, а земля-то одинаковая. Чем это объяснить, ведь дождь на поля из одних туч капает?

— Погода нас в этом году опять подвела. И все же двадцать девять центнеров с гектара на круг мы получили. Обидно, конечно, ведь замахнулись на гораздо большее. Триста гектаров пшеницы засеяли по новой — интенсивной — технологии, все поля выверили, удобрили, думали, центнеров по пятьдесят пять возьмем. Ближе к уборке зарядили дожди — за два месяца выпало две годовые нормы осадков. Это нас здорово подкосило. Делали, правда, все возможное: люди, не считаясь со временем, выходили переворачивать валки, берегли каждое зернышко. И в таких тяжелых условиях собрали с этих полей по сорок пять центнеров с гектара. Сейчас наша забота — подготовить семена зерновых для района; пять тысяч тонн пшеницы, ячменя, гороха и других семян мы передаем ежегодно в хозяйства.

...На склоне своих дней лето вновь воспрянуло духом. Август стоял солнечный и ясный. Жарко. Дрожит, струится над полем марево, а над комбайнами — белая пыль от перебитой соломы. Все поле в белых дымаках. Один из комбайнеров попридержал при встрече машину. Чумазый, на запыленном лице блестят только глаза. Знакомимся: Николай Иванович Липа.

Беру на ладонь пшеницу — теплые, живые янтарные зерна. Николай Иванович, улыбаясь, говорит:

— Высшего сорта пшеничка, на всё годится: и паланица из нее хороша, и блины — пальчики оближешь.

— Давно на этих полях?

— Да почти всю жизнь: мать нас одна без отца воспитывала, пришлось в шестнадцать лет уже подручным работать. Я, правду сказать, — смущается Николай Иванович, — очень петь люблю, хотел в артисты податься, да вот не получилось...

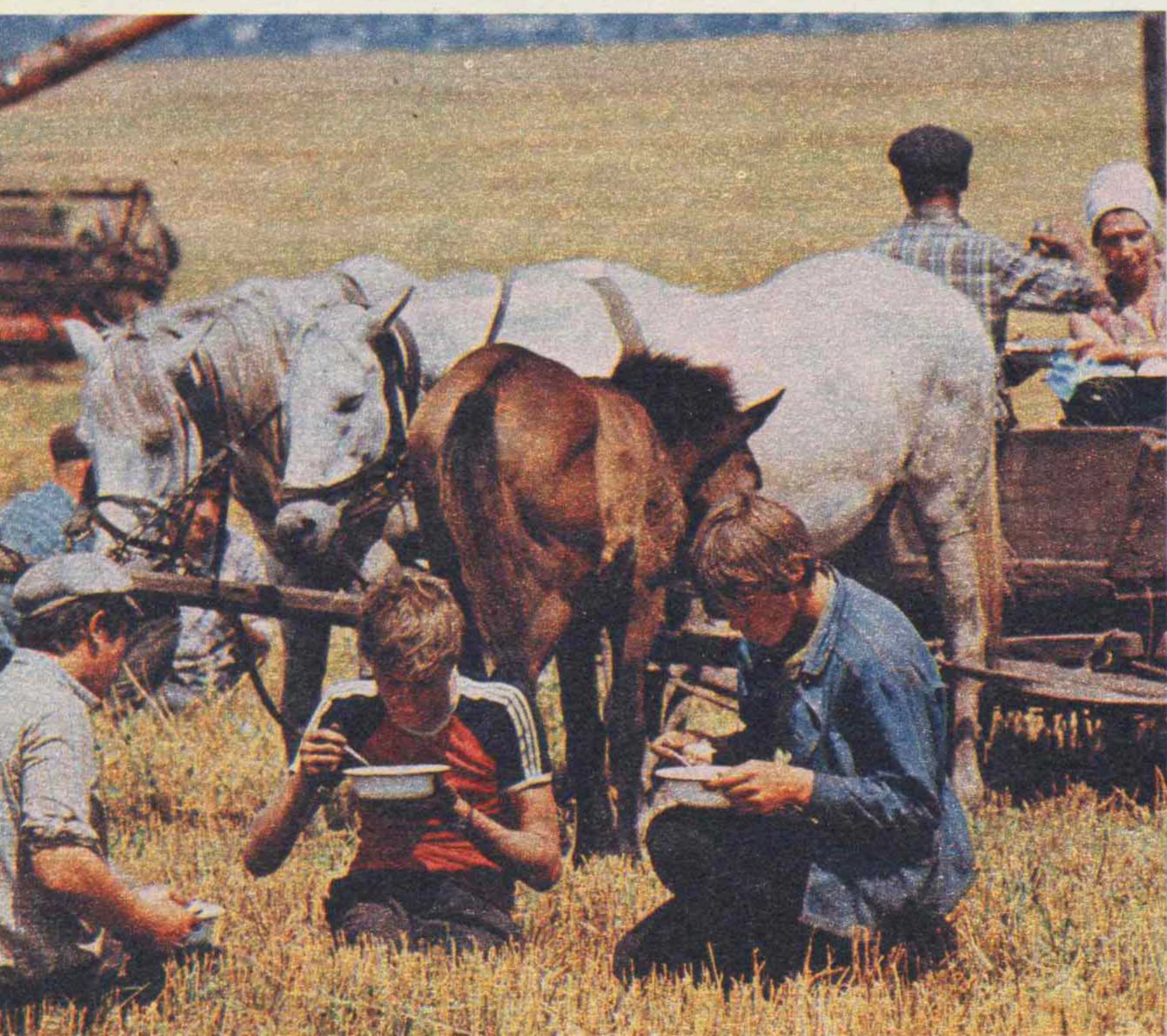
Николай Иванович скромно умалчивает, но я знаю, что он лауреат первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества. Участвовал в праздничном концерте на XXV съезде Компартии Украины. Его не раз приглашали на профессиональную сцену, но он уже сердцем прикипел к хлеборобству. Ему приятно работать на доставшихся по наследству землях.

— «Еду на комбайне та спиваю...»

ХЛЕБ
В ДОБРЫХ
РУКАХ

Этот золотистый ворох пойдет на семена * Время уборки. ►

Прямая речь

Николай САВОСТИН

●
Мир видеть в перекрестии прицела
Мне довелось — бесцветный, как зола.
Березка, скажем, что вдали белела,
Не больше, чем ориентир, была.
Всё в схему обратить война хотела,
В условный знак и действие числа.
Ну, а краса природы без предела
Кипела, бушевала и цвела.
Все заросло, где бомбы землю грызли
На том, когда-то смертном рубеже,
А вроде ждешь: поляна взрывом брызнет,
О минах позабывшая уже...
Вернулось в берега течение жизни,
А сердце все еще настороже.

●
Освоясь понемногу,
Я часто на войне
Определял дорогу
По чьей-нибудь спине.
Пусть пули лупят гуще,
Пусть мрак и стужа, что ж,
За впереди идущим
Держись — не пропадешь.
Как за броней, выжил.
Иду своей тропой,
И жаль — уже не вижу
Спины перед собой.

●
Пословицы размолены
Под жерновами лет,
Я знаю: слово — золото,
В молчанье жизни нет.
А слово, сердце мучая,
Приходит тяжело;
И мудрость на все случаи
Есть ни добро, ни зло.

●
Наемные стрелки и генералы
За деньги не одну вели войну.
Ученые, и те внаем, бывало,
Ходили на чужую сторону.
И зодчих привозили из-за моря,
Чтоб возводить на славу города.
Но выразителей своей любви и горя
Народ не нанимает никогда.

●
На точке условной спирали,
Замкнувшей годичный виток,
С рассвета грачи заорали,
Запелся мутный позор.
Отмякло, заморосило,
Снега по оврагам сползли.
И брызнула новая сила
По нервам и жилам земли.
Ручьи обращаются в реки
Надежд. И прекрасно, и жаль,
Что эта пора не навеки,
Что вечная вьется спираль.

●
Снег сыплется, в воздухе тая,
Недолго белеет, немного:

Уж слышно — жужжит золотая
Апреля пора у порога.
Пора, что пьянит новизною,
Дымком у лесного кордона,
Внезапно полуденным зноем
Над полем, от влаги студеным.
Снежинки все реже, все реже.
И тракторы вышли из парка.
Плуг почву отмякшую режет —
Запахло землей и соляжкой.
Хотя еще можно завязнуть,
Страда на полях закипела.
Проселок взбирается грязный
К шоссе, что просохнуть успело.

●
Из лохматой черноты,
Что кипит в зените,
Потянулись с высоты
Золотые нити.
Из-под тучи луч косой
Заиграл над лугом
Разноцветной полосой
В виде полукруга.
Влагой теплою с полей
Веет за деревней.
Краски сделались острее,
Голоса напевней.
Вековой тая покой,
Нежную отраду,
Над бегущей водой
Присмирело стадо.
Беспричинно защемило
Сердце теплой болью
Этот движущийся мир
Мощного раздолья.

●
Зимний дождик. И ветки во льду —
Повисают сосульки на кончиках.
Утром ветер разносит в саду
Тонкий звон колокольчика.
Снег пошел, меж ветвей мельтеша.
Вьется, кружит... Ах, сколько наворачено.
И деревьев живая душа
Затихает доверчиво...

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Прямая речь от первого лица —
Так говорят в глаза, а не в затылок,
Что думают, открыто, до конца,
Без всяческих ужимок и ухмылок.
Да можно ли назвать прямою речь,
Коль не способна никого зажать,
Коль все в ней затуманено и криво?!
Прямая речь,
похожая на меч,
Чиста, как сталь, остра и справедлива.

●
Мне любо небо Азии
И ясное, и темное.
В его многообразии
Живет душа огромная.
В огне зеленом зори
И в пламени багряном
Задумались над морем,
Точней — над океаном.
Над сопками валы
Вверху — за гребнем гребень —

Плывут белым-белы,
Как отраженья в небе.
Сияние рябое
Мерцающих небес
Ласкает под собою
В снегах тревожный лес.
Как бел пушок на синем —
Намек на облака
В обугленной пустыне
Среди материка.
Или закат в навалах
Туч, облаков, дымов,
Играющий Байкалу
Свой эпос в сто томов.

●
Есть красота нетесаных камней,
Когда они находят место в кладке.
Им тягостно валяться в беспорядке —
Такие в руки просятся ко мне.

Чем даровитей мастер и умней,
Тем строже он, с материалом в схватке.
Бракует поддающийся и гладкий —
Ты сладить с неподатливым сумеи.

Судьба моя, мужая постепенно,
Намеченная лишь едва-едва,
Клади смелей, как эти камни, в стены
Негладкие поступки и слова,
Открой, когда осядет муть и пена,
Достоинство такого мастерства.

●
Как властно нас берет в известный срок
Былое ясной и подробной явью,
И воскрешает каждый стебелек
Растаявшего в прошлом разнотравья.

Сегодняшняя память свой урок
Ведет слабей, теряя равноправье:
Вчера читал, а вспомнить пары строк
Не в силах утром, разве что заглавье.

Зачем, зачем назад обращена
Немолодая память? Что там мило?
Недоедания, бедствия, война?..

Ах, там поныне что-то не остыло,
В сегодня пробиваясь с новой силой,
Манит и опьяняет без вина...

КАК ВСЕ...

Судьбу всеобщую деля,
Приученный к труду и стуже,
Я рад, что жил, моя земля,
Как все, и, может, чуть похуже.
Как рядовым из рядовых
Измерил долгие дороги
Со всеми на правах одних —
Как все. Хоть был слабее многих.
Что нес со всеми наравне
Все, что ложилось мне на плечи,
И в шквале злобы на войне
Сберег свой облик человеческий.
Что взял всеобщий перевал
Вселенской горести и боли,
Что в День Победы ликовал,
Как все.

И может, чуть поболее...

Кишинев.

Так быстрее * Вкусен обед в поле * И стерня не помеха.

Брянск, площадь Партизан. Пионеры в почетном карауле у мемориала героям войны.

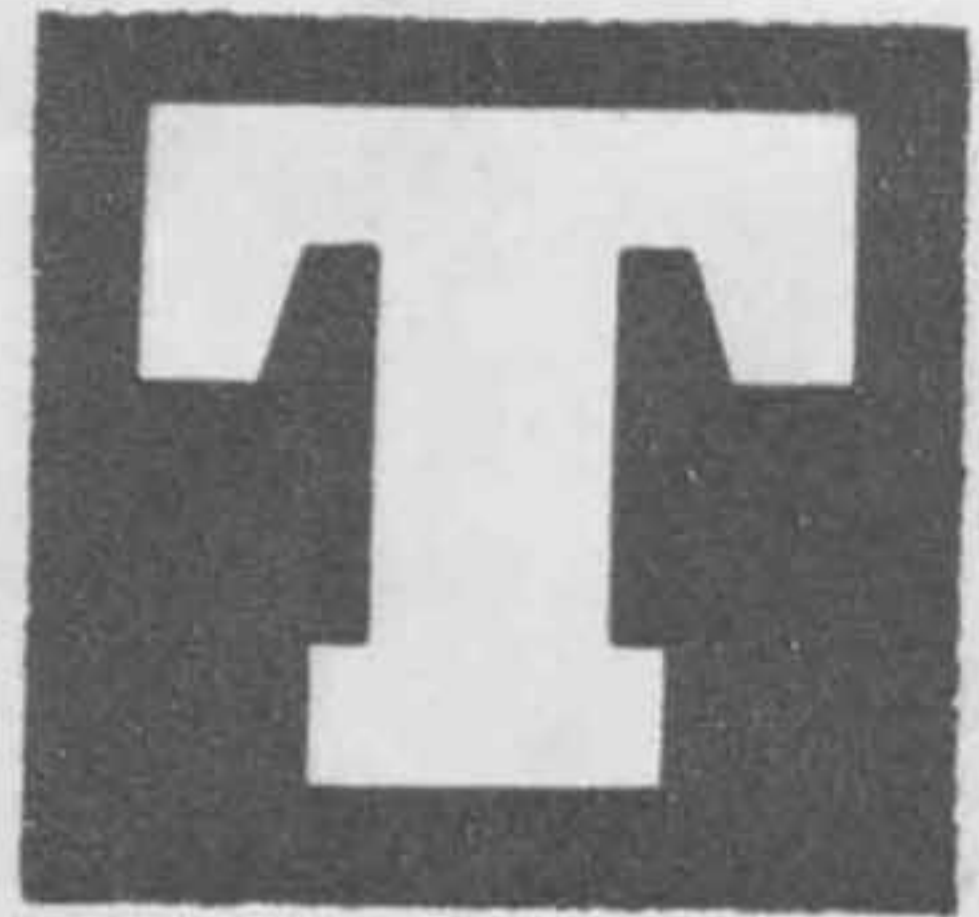

А. ГВОЗДЕВА,
фото
Д. ДЕБАБОВА

БРЯНСКИЙ ХА

Десна-красавица.

акое на железной дороге случается нечасто... Из кабины электровоза видно, как уходят назад огни ночного города. Ничто не предвещало беды. При опыте машиниста I класса локомотивного депо Брянск-II Геннадия Николаевича Денисова, лауреата Государственной премии СССР, руки опережают мысль. Через каждые восемь секунд в гул электродвигателей врывается резкий звуковой сигнал. Одни называют его «сторожком», другие — «будильником». Машинист должен прервать этот сигнал, нажав на рукоятку бдительности. В противном случае сработает автоблокировка, состав остановится... Рейс протекал нормально.

И вдруг на 303-м километре, на подъеме Зинеево-Палики вырубил свет, погасли прожектора, стал затихать гул тягловых двигателей. Запахло гарью. Помощник с аварийным фонарем метнулся к высоковольтной камере. Проверил предохранители — целехоньки, а электроэнергия как не бывало. Тяжеловесный состав катился по инерции, светофоры манили зеленым светом, путь был свободен. «Нужно сжать состав, как пружину», — мелькнуло в голове. Денисов взял электровоз на прямодействующий тормоз. Когда состав замер, Геннадий Николаевич перевел дух — половина дела сделана! Теперь можно было отыскивать неисправность.

На устранение неисправности ушло полминуты. В ярко вспыхнувшем свете Денисов увидел белое лицо помощника — Володы Стоволосова. Геннадий Николаевич медленно, очень медленно начал поворачивать ручку контроллера; электровоз с великим усилием сдвинулся с места; за ним нехотя, через силу двинулся первый вагон, второй, третий... Машинисту удалось подчинить тяжеловоз своей воле.

«Вот так и с людьми. — Денисов вытирает вспотевший лоб, стараясь не показать помощнику, как его здорово тряхнуло. — Не каждый может с ходу одолеть крутой поворот судьбы. Иной человек буксует... Человеческую судьбу с маху не подчинишь волевому усилию. Характер выковывается медленно, исподволь, годами. Если человек поднимается постепенно, со ступеньки на ступеньку, от кочегара до машиниста, как старейшина депо, почетный железнодорожник СССР, Герой Социалистического Труда Виктор Федорович Цикунов, у такого человека есть чему поучиться. Спокойный, скромный, уравновешенный, Виктор Федорович вырастил целую школу последователей. Или вот династия Шемаховых. Ее каждый в депо знает».

РАКТЕР

Денисов по-прежнему всматривается вперед. Ровно гудят моторы. Когда состав идет с хорошей скоростью, такое ощущение, будто у тебя вырастают крылья. Потрясающее чувство. Оно каждому машинисту известно. Владение пространством!.. Машинистом надо родиться.

...В предрассветном небе одно за другим гасли созвездия. И все плотнее обступали летящий состав брянские леса.

По весне на Брянщине много грачей. Май льет лазурь, сады охвачены белым пламенем. Территория Брянского сельскохозяйственного института утопает в яблоневом и вишневом дыму; институт молод, он образован в 1982 году на базе сельхозтехникума, которым больше пятидесяти лет руководил Герой Социалистического Труда Петр Дмитриевич Рылько. Что, казалось бы, удивительного? Институты возникают у нас часто. Но здесь случай особый: институтом стал старейший техникум. Заложен был Петром Дмитриевичем серьезный фундамент. Вот и стало возможным создать вуз по соседству со старым, одним из старейших в стране, техникумом, по сей день руководимым П. Д. Рыльком. «Брянской Тимирязевкой» любовно окрестили институт в области. И институт разместился просторно, здесь вырос целый академический городок. Со своим машинным двором. С электронно-вычислительной лабораторией. С учебно-опытным полем, которое, в свою очередь, является хозрасчетной единицей. Сбылись самые смелые предсказания дерзкого романтика Петра Дмитриевича Рылько, о которых даже не мечталось в далеком 1932 году, когда он, Петр Дмитриевич, приехал сюда с женой, тоже учительницей — единственные горожане с дипломами. Они создавали сельхозтехникум в глухом селе. И вот спустя 53 года состоялся первый выпуск «Брянской Тимирязевки». К 1000-летию Брянская область получила чetyрех специалистов с высшим образованием! Из них большинство вернется в родные хозяйства (подавляющая часть студентов училась по путевкам колхозов и совхозов, которые выплачивали будущим специалистам стипендию). В прежние годы приезжали в брянские села от силы двадцать человек с высшим образованием — капля в море при современном техническом уровне, когда каждому хозяйству требуется как минимум пять специалистов с высшим образованием.

Знакомлюсь с выпускниками агрономического факультета — Валерием Новиковым и Любовью Новиковой; они стали мужем и женой и уезжают теперь вместе в совхоз «Громыки» Почепского района, на родину к Валерию. В «Громыках» Валерий родился, вырос, окончил среднюю школу, здесь его знает каждый, и здесь же он проходил четырехмесячную практику. Совхоз платил Валерию стипендию. И вот

Валерий возвращается домой с женой, у которой диплом с отличием. Люба тоже брянская, из села Староселье Унечского района.

Черноволосый, высокий, плечистый, Валерий увлеченно говорит о будущей работе. Он уже член партии, активный общественник. Освоил новейшую технологию предпосадочной обработки клубней картофеля лазером. У него в Громыках более двухсот пятидесяти гектаров занимает картофель.

Когда смотришь на этих молодых людей, ощущаешь прежде всего их уверенность в своей необходимости этой земле.

В уютной квартире, сплошь заставленной цветами в кадках и горшках, в самом центре Брянска, неправдоподобно звучит рассказ ее хозяйки, комиссара легендарного партизанского отряда «Смерть немецким оккупантам!» Ивана Савельевича Воропая. Он единственный оставшийся в живых из партизан Брянщины, переброшенных в августе 1942 года через линию фронта в Москву, в Кремль, на встречу с руководителями партии и правительства. Тогда Воропай и был награжден орденом Красной Звезды.

— Начинали в октябре сорок первого. Первый секретарь райкома партии Александр Васильевич Суслин — с наганом, второй секретарь — с охотничьим ружьем. Я был тогда зампредом райисполкома, у меня — винтовка. И у каждого по пятьдесят патронов. Начинали очень тяжело. Не было ни крышки над головой, ни одежды, ни обуви, о белье говорить нечего, а главное, ни оружия, ни боеприпасов. Все пришлось добывать в тяжелых боях...

Я слушаю неспешный и какой-то очень домашний рассказ Ивана Савельевича и вспоминаю землянку, оставленную в первозданном виде на Партизанской поляне рядом с мемориалом. Нары во всю длину землянки... Спали не раздеваясь, прижимаясь друг к другу и таким образом согреваясь. Одежд не было, спали на хвое. Сбитый из неструганных досок, как и нары, стол и табуретка, печка-буржуйка из железной бочки с выведенной наружу трубой...

И так изо дня в день месяцами жить без возможности вымыться, раздеться, выпрямиться во весь рост, без электрического света, без радио, без книг и газет... Впрочем, в дятьковском Музее боевой славы бережно хранится экземпляр партизанской газеты «Народный мститель» от 20 августа 1943 года, отпечатанный... на бересте. Газета как газета. Передовая, обзор военных действий с 15 по 20 августа 1943 года, подписанная ответственным редактором А. Окорочковым. Ныне он профессор, доктор исторических наук.

В начале 1942 года в одних только Навлинских лесах действовало четырнадцать партизанских отрядов. Головной отряд разгромил навллинский немецкий гарнизон, и две недели Навля была снова советской. И над зданием горсовета — красный флаг! В Дятькове партизаны более семидесяти дней удерживали Советскую власть. Предельного напряжения сил требовала оборона партизанской республики, ни на день не прекращались рейды в тыл врага, гремели взрывы на большаках и железных дорогах. А мысли у народных мстителей были все о том же: о праздничной первомайской демонстрации, о весеннем севе, о работе сельских Советов! В районах, освобожденных от оккупантов, работали райисполком, здравотдел, финотдел, почта, типография, партизанские ремонтные мастерские, скипидарный завод, пекарни, обувные мастерские, где шили сапоги и валяли валенки для партизан. В сентябре 1942 года из ставки Гитлера пришел приказ покончить с партизанами. Но партизанские соединения сами, правда, в ожесточенных боях, покончили с целой дивизией и с несколькими батальонами карателей.

Низкое зимнее солнце освещает комнату, где мы разговариваем с Иваном Савельевичем. Живет он вдвоем с взрослой дочерью: жену, с которой прожито больше сорока согласных лет, схоронил. Портрет ее окружен цветами. Иван Савельевич перехватывает мой взгляд и подавленно умолкает. На долю поколения Воропая выпали и пятилетки, и война, и неисчислимы потери, и годы восстановления разрушенного войной хозяйства...

В Брянске пионеры шефствуют над ветеранами. На домах, где они живут, зажглись тимуровские звезды. Ветераны рады звонким ребячьим голосам, рады теплу, участию.

Каждые четверть часа сменяется караул поста № 1 у мемориала на площади Партизан. Чекают шаг юные брянцы. Сменяются поколения... Здесь время будто остановилось. Пройдут века, но все так же обезоруживающе молоды будут юноша и девушка в партизанских телогрейках с автоматами в руках, как и сегодня. Время сохранит облик тех, кто победил: сосредоточенно мудр старый партизан... Каждый из них выполнил свое.

Не на пустом месте родилось это понятие — брянский характер. Из влекущих глубин древности, на сквозняке истории, в суровых испытаниях рождалось несгибаемое упорство, решимость выстоять вопреки всему!.. Город-воин на перекрестке исторических дорог. Город-щит. Недаром в гербе его — пушка и пушечные ядра. Сколько раз за тысячелетие вал за валом прокатывались через него полчища врагов! И всякий раз Брянск находил в себе силы дать им отпор. Брянские полки принимали участие во всех исторических событиях и сражениях, сыгравших решающую роль в становлении и защите Русского государства. 1223 год — Трубчевская дружина участвовала в битве русских войск с татаро-монголами на реке Калке... 1263 год. Дружина князя Романа нанесла поражение литовским войскам Миндовга... 1380 год. Дружина во главе с Дмитрием Брянским участвовала в Куликовской битве. Брянцы Захарий Тютчев (посол Дмитрия Донского в орду), Александр Пересвет, Михаил Брянок, потомки местных князей Роман и Глеб — герои исторической битвы. В 1611—1612 годах ополчение брянцев приняло участие в изгнании польских интервентов из Москвы. Жители края боролись в 1708—1709 годах со шведскими захватчиками! 1812 год. Брянские ополченцы в боях под Рославлем остановили продвижение наполеоновских войск при их отступлении на юг... Брянский и Севский полки участвовали в героической обороне Севастополя.

22 декабря 1905 года население Брянска освободило из местной тюрьмы всех политических заключенных! 26 октября 1917 года красногвардейцы завода «Арсенал» взяли под свой контроль почту, телеграф, казначейство, склады с оружием и железнодорожные вокзалы. В марте 1918 года был сформирован первый Брянский советский полк, а в сентябре — Богунский полк под командованием Н. А. Щорса. Почти через четверть века, 5 июля 1941 года, в поселке Брасово создан первый партизанский отряд «За Родину». В поселке Сеща в декабре образована интернациональная партизанская организация во главе с А. А. Морозовой и К. Я. Поваровым — в течение двух лет она вела диверсионную работу на фашистском аэродроме. 1 июля 1942 года сформирован Брянский штаб партизанского движения при Военном совете фронта.

И вот победа! 17 сентября 1943 года войска Брянского фронта овладели Брянском!

5

Уютный старый парк, носящий имя Алексея Константиновича Толстого, любовью горожан превращен в музей деревянной скульптуры. Здесь и работа брянского резчика В. Михайлова «Пересвет и Челубей», у которой есть еще одно название: «На поле Куликовом»; в дереве запечатлена победа Пересвета в поединке. Судорогой бессильной ярости искажено лицо Челубея («зело был велик и страшен»). Предсмертная мука и на лице Пересвета — поединок стоил обоим жизни...

Связи сущего нерасторжимы. И чем больше проникаем мы в глубь истории, тем дороже нам происходящее ныне. Между остатками древней крепости, найденными при раскопках на Чашинском кургане в Брянске (открытие научно неопровержимое, подтвердившее тысячелетнюю дату основания Брянска) и Курганом Бессмертия, насыпанным молодежью Брянщины в честь 50-летия комсомола, своя глубинная нерасторжимая связь! Историческая память поколений — на ней выковывается народный характер.

Тихий, скромный, теперь уже немолодой человек, кандидат исторических наук Федор Михайлович Заверняев отдал изучению истории родного города шестьдесят лет. Именно он и его единомышленники, археологи и краеведы Брянского краеведческого музея раскопали Чашин курган. И — сенсационная весть! К древнерусским городам, перешагнувшим тысячелетие, причислен теперь и Брянск. Заверняев шел к этому открытию всю жизнь. Его фанатизм, неистовый научный поиск, по сути дела, во многом способствовали усилению глубокого интереса к родной истории. О многом может поведать этот человек. И о том, как шел к своему открытию, и о Свенском монастыре, и о пятисотлетнем дубе у его стен, под которым сидел незадолго перед Полтавской битвой Петр Великий...

Ныне у белокаменных стен знаменитого монастыря, возведенного много веков назад, отреставрированного и во многом заново восстановленного к 1000-летию Брянска, раскинула шатры Свенская ярмарка. К тысячелетнему юбилею брянцы возродили еще одну из древних своих традиций: свенские ярмарки старше монастыря! Сюда съезжались со всех концов России. Согласно церковным книгам, езживали на свенские ярмарки китайские и индийские купцы...

Доброе дело никогда не остается без последователей. Много талантливых людей, энтузиастов, возглавляемых главным художником города А. С. Панченко, трудились над возобновлением красочного народного праздника. Под монастырскими стенами волнуется многоязычный палаточный городок, кричат зазывалы, крутится карусель, золотятся на солнце крендели и пышки, хлопочут у ведерных самоваров ласковые деснянки в старинных национальных костюмах, густо затканых красным брянским орнаментом...

А в Овстуге восстановлен дом Тютчевых, в парке сооружен памятник поэту. Памятник поставлен просторно, среди сквозящих деревьев, есть в нем щемящая пронзительность. В недосказанности — загадка, тайна гения. Лимонно-желтое предвечернее небо и деревья, помнящие хозяина усадьбы. И — новые улицы современного поселка.

Молодой председатель колхоза «Овстуг» Борис Михайлович Копыров (кстати, воспитанник овстугской школы, основанной дочерью Тютчева Марией Федоровной), красивый и подтянутый, негромко, как что-то очень личное, читает стихи своего великого земляка.

...Смотришь в небо и вздрагиваешь от неожиданного, яростного гама и крика, обрушившегося на землю. Это грачи! Деятельные, неутомимые. И чувствуешь всем существом своим, понимаешь, как родилась под этим небом и вызрела поэзия, как сложился брянский характер.

● В центре города.

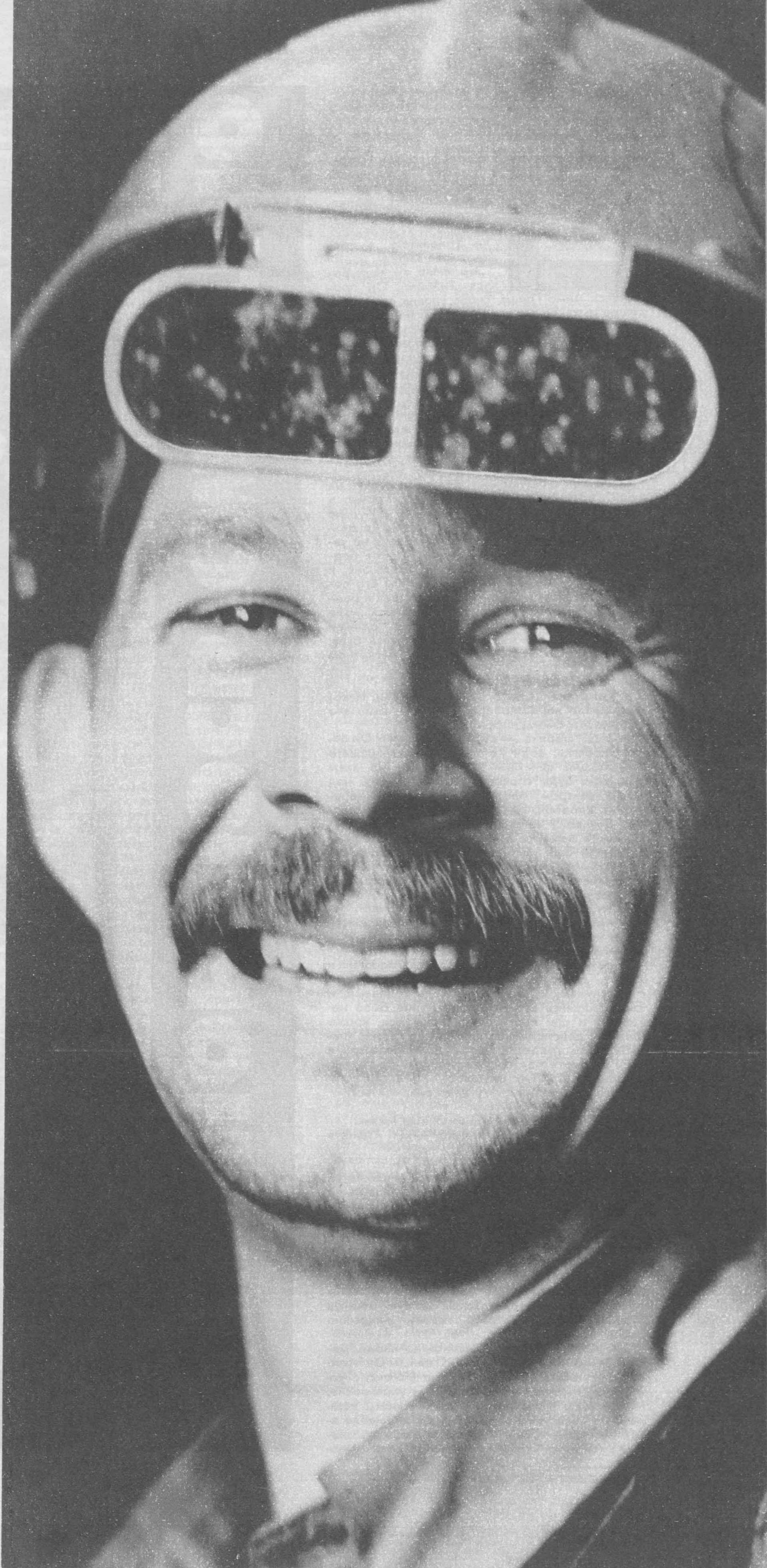
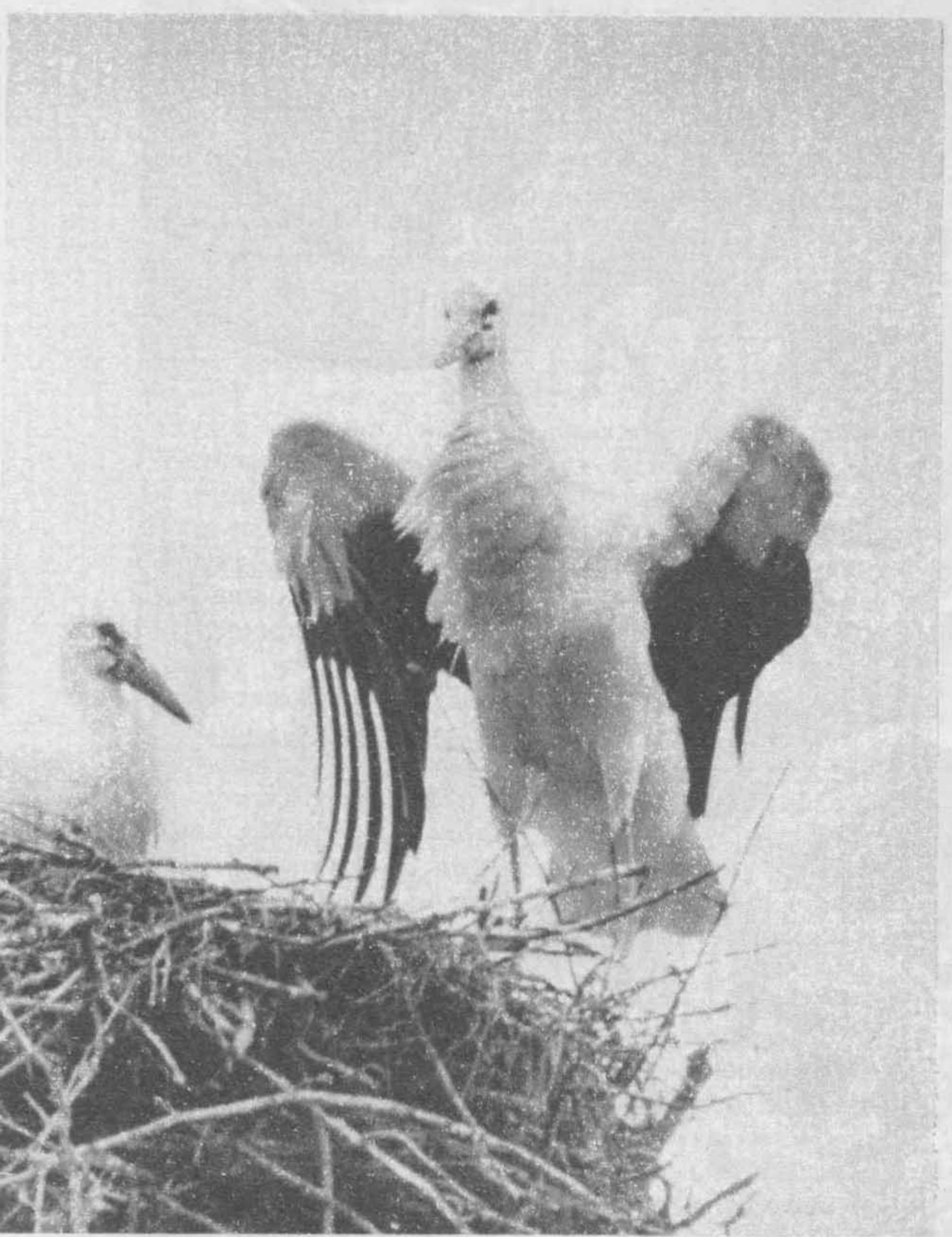
● С юными жителями Брянска встретились ветераны боев И. С. Воропай и М. В. Чириков.

● Аисты над кровлями.

● «Веселый шум» — ансамбль из села Запольские Халевицы Стародубского района был участником XII Всемирного фестиваля молодежи.

● Ю. В. Бирюков работает на Брянском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина.

Михаил ГОРБУНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

В это время позади Грифа, в полутемноте длинной трубы, что-то загрохотало, послышалась невнятная речь. Тиббетс разобрал:

— Убирайтесь, я должен с ним выпить.

Это было то, чего боялся Тиббетс. Он протиснулся мимо Грифа, снова уловив его смердящее дыхание, и увидел майора Фериби; тот, нагнув крупную голову, двигался к нему неверной шаркающей поступью. Позади совсем смутно виднелись двое, Тиббетс узнал Джеппсона и штурмана Кирка. «Кирк!» — вспыхнуло в нем запоздалой благодарностью при виде неприметной фигурки штурмана, он так же незаметно делал свое дело, безошибочно, как входящая в моду кибернетическая машина, выдавая Тиббетсу весь полетный режим, и Тиббетс снова вспомнил, что доставил «Малыша» к Хиросиме с точностью до одной минуты.

Сейчас он с ощущением какого-то осадка на душе вспомнил, как почти час проторчал в ячейке кормового стрелка, упиваясь величием долго не проходившего зрелища, пока кривизна земли и шедшие от океана испарения не заслонили от него белое облако... И этот бедный мальчик, кормовой стрелок... И Льюис, и Джеппсон, и Кирк, и Фериби, черт бы его побрал... Переборов себя, он уже сам шел к бомбардиру, раскачивавшемуся в неясной мгле трубы, смотревшему на Тиббетса одними белками глаз, волосы на голове Томаса были разбросаны во все стороны, как в магнитном поле.

— Томас!

Тот смотрел на него белыми глазами. Наконец крупно нарезанное, одутловатое лицо его сдвинулось, сморщилось.

— Пол... старина... — вырывались слова. Он обнял Тиббетса, водя по его спине тяжеловатой булькающей флягой. — Я пустил ее по всем правилам. Будь спокоен, она взорвалась над самым центром города. Там было море деревянных коробок, одна на другой, как на свалке... Дальше я ничего не помню, в башке темно, как у малютки Джона в желудке.

«Какого еще Джона? — мимолетно подумал Тиббетс. — А!» Он вспомнил наконец кормового стрелка, его шоколадное, курносое лицо, толстые вывернутые губы.

— Ну, ну, Томас. Ты настоящий солдат, герой Америки. Эй, ребята! — крикнул он Джеппсону и Кирку. — Идите к нам, у Томаса есть виски. Мы должны выпить по глотку.

Двое подошли, встали рядом. Подошел и Льюис, доверив машину автопилоту. Стояли с пригнутыми в низком проходе головами, и так сдвинулись все пять голов. Пить было неудобно, и они подгибали колени. Все, кроме Фериби, действительно сделали по глотку. Фериби, вжав голову в плечи, долго выливал в себя из фляги под сочувствующими взглядами товарищей. Тиббетс сказал:

— Ничего, ребята, ему надо разрядиться.

Льюис проговорил тихо:

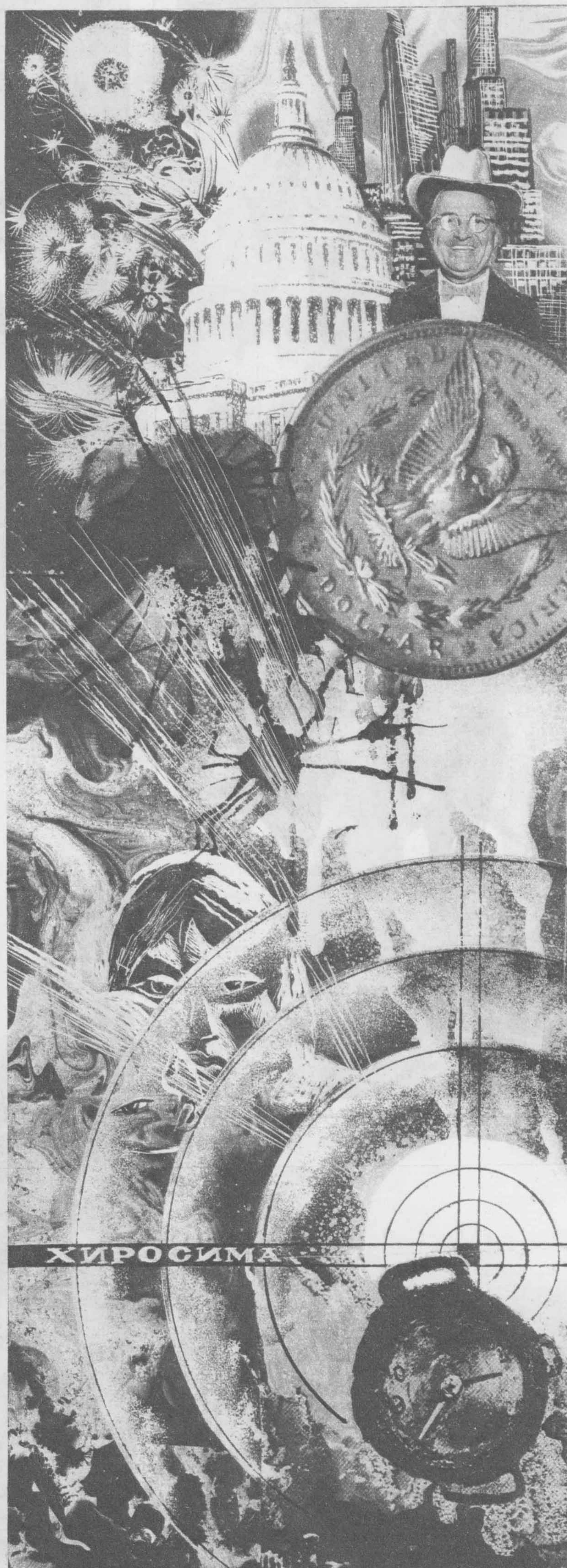
— От такого не разрядишься всю жизнь.

Они еще стояли несколько минут, сдвинув головы.

И снова перед глазами Тиббетса расстился океан, огромный и молчаливый, с залитыми солнцем далями, с плоскими коричневатосиними тенями облаков — океан. Сейчас, после всего, что он испытал и увидел, океанский простор давил на него своей бесконечностью, и Тиббетс чувствовал себя страшно одиноким. Это ощущение пришло к нему сразу после слов Льюиса, когда они, еле успокоив, отвели Фериби на его место, и Томас заснул, откинув осыпанную каплями пота голову, надрывно храпя.

Все молча, уныло разошлись по своим местам, вяло кивая Тиббетсу: «О'кей...» Он тоже пошел, чтобы сесть за штурвал (Льюис с угрюмым безразличием уступил ему управление, недоумевая, что стряслось с экипажем... ведь каждый знал, на что он идет, да это неблагодарно, черт побери, к нему, командиру, дававшему им возможность прославить мощь Аме-

Я СТАНОВЛЮСЬ СМЕРТЬЮ

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—37.

рики... Он поочередно «вызывал» к себе «дух» своих людей, затерянных в норах глухо гудящей машины, и они приходили к нему тоскливой чередой — и кормовой стрелок Джон Стродди с застывшим от испуга распаренным коричневым лицом с наивно выпяченными детскими губами, будто ищущими материнскую грудь, и майор Ферриби, щемяще близкий Тиббетсу, готовый ради него на все и вот сломившийся, будто что-то в нем оборвалось вместе с бомбой, которая «пошла» в «свалку деревянных коробок», и Джеппсон, и Кирк, и Люис...

Он знал их до последней извилины в мозгу. «Что с ними?» — спрашивал Тиббетс себя и не находил ответа. Лишь стояло перед глазами выросшее из багрово-черной зыби гигантское веретено с похожим на череп мертвеца белым облаком на острие... И вдруг впервые с беспощадной четкостью рассудок его взорвался чудовищным видением сметаемого с лица земли города, мгновенно и живо сжигающего тысячные скопища людей крематория...

«Но ведь ты тоже обо всем знал, и больше других!» — закричал он себе. И потом уже безысходно подумал: «Знал генерал Арнольд... и генерал Гровс... и этот тип, этот Гриф... Знал президент!» И странно, эта безысходность вяло работающей мысли примирила его с действительностью, с небом и океаном, и снова длился нескончаемый, испятнанный тенями облаков отблеск водной шири, и Тиббетс первый раз в жизни понял, что не небо, а земля окончательно успокоит его.

А молодая красивая женщина, вся в белом, бежала и бежала к нему, придерживая шляпу, она никак не могла приблизиться, земля уходила из-под ее ног, и мальчик издала видела ее застывшие в ужасе глаза. Женщина что-то кричала ему, но он ничего не мог слышать, все звуки поглотило нависшее над ним фиолетово-черное небо... Что означал ее крик? И мог ли он спасти заблудшего сына?.. Этого не знал Тиббетс, оказавшийся на острие ужасающего апокалипсиса истории. Мать все спешила и спешила к нему не то, чтобы проклясть, не то, чтобы охватить забитую непроницаемой темнотой курчавую мальчишескую голову, но он никак не мог дожидаться ее в убивающе медленном движении океана и поэтому не испытал никакой радости, когда в мутноватой дали забрезжил знакомый до оскомины берег острова.

Тиббетс вздохнул при тошнотворно обыденной мысли: «Только бы дотянуть...» — и стал заходить на круг для посадки. Он навис над бетонкой, ударился об нее колесами, сбоку дико, как руками, замахал широкими листьями пальмы, а дальше сгорало в пепелящем зное густое, жирное месиво островного леса.

Смертельно усталый, он еле вышел из машины и опустился по стремянке на почти плавающий бетон. Ноги были глиняными, и, не укладывая переставляя их, он пошел к подкатившему «джипу». В глазах стояло горячее, мутное марево. И уже с совершенным безразличием он смотрел, как в «джип», опередив его, собирается Гриф.

«Конеч, — подумал он без всякого облегчения, — все, что нужно было сделать, сделал я сам. Сейчас я ничего не вижу. Бесконечная мгла...»

10

Он один за всем этим чопорно пестрящим белизной офицерских кителей столом знал о разразившемся над Японией аде и теперь изнемогал от приблизительности этого знания: донесение должно было уже поступить, но его почему-то не было, и Трумэн почти с ненавистью думал о Стимсоне, улетевшем из Берлина раньше специально из-за Левиафана, и о Гровсе с его успокоительными заверениями, почему-то не подтверждавшимися. Ему трудно было представить, что стало с Хиросимой, а она все еще дышала красным жаром, как догорающий гигантский костер Даймонджи, тонула в смраде крематорийного пепла, дыма, в ядовитых выбросах атомного распада; самолетам-разведчикам не разрешалось входить во все еще стоявшую над городом темную, непроницаемую тучу, и они никак не могли получить хороших снимков вавилонского погребения... К тому же первое сообщение с Тиниана, от всевластного агента войны с длинной морщинистой шеей, маленькой, в серой шерсти, головой, с круглыми, как глаза дико-

винной птицы, очками — вместо оперативного, хранящегося в абсолютной тайне канала военно-воздушных сил: Тиниан — Гуам — Вашингтон — по чьей-то ошибке, объяснимой лишь накаленностью обстановки, пошло по армейской связи и окольным путем достигло наконец Пентагона. Президент, плохо думая о Гровсе, был несправедлив к нему: безумная мука ожидания жестоко изнурила и его, и он подпрыгнул до потолка, когда пришло сообщение: «Результаты полностью соответствуют расчетам. Полный успех. Видимые последствия больше, чем в Нью-Мексико...» Почти сразу же поступило донесение Тиббетса: «Атака на цель проведена визуально... Никаких следов истребителей и зенитной артиллерии...»

Пентагон не спал. Не спал и генерал Гровс, уже приступивший к наброскам доклада, который утром должен был прочитать начальник генерального штаба Маршалл; не хватало лишь живых красок, точных деталей. Глубокой ночью в физическом и моральном изнеможении он свалился на диван; сон был кошмарен, но еще до рассвета Фарелл, все тот же дружище Фарелл, его личный представитель на Тиниане, как бы дотянулся до Гровса и потрогал его за плечо — нет, это был не Фарелл, но ангел Фарелла в образе офицера шифровальной службы, державшего телеграмму.

Сразу отсекло мучившие Лесли Гровса ночные видения. Он впился в текст, составленный на основе показаний экипажей Тиббетса и Суиней, данных ими немедленно после приземления на Тиниане в присутствии Спаатса. Все выглядело грандиозно и угрожающе, в самом деле грандиознее и грознее Аламогордо, но у тяжело зашагавшего по кабинету Лесли Гровса почему-то не мелькнуло мысли о разительном отличии Аламогордо от Хиросимы: в первом случае была безжизненная, лишь кишащая змеями пустыня, во втором — густо населенный город, гигантский мир людских судеб, обращенных в небытие вышедшим из-под власти человеческого разума тайфуном.

Ранним утром генерал Маршалл в присутствии Гровса и спешно явившегося в Пентагон по такому необычному случаю Арнольда позвонил отдыхавшему после изнурительного для его лет путешествия в Берлин Стимсону и передал ему текст телеграммы Фарелла, на что военный министр ответил восторженным поздравлением всем участникам операции. Когда Маршалл, опустив на рычаг телефонную трубку, движимый больше политическими, чем гуманными соображениями, высказался в том смысле, что не стоит слишком афишировать глобальный акт Америки именно ввиду принесенных им неслыханных человеческих жертв, Лесли Гровс с охватившей его почти иступленной ревностью за ночь томительного ожидания, за все, что привело его дело к блистательному триумфу, ответил, глядя выпуклыми глазами в лицо начальника генерального штаба: «Эти жертвы трогают меня меньше, чем печальная судьба американских военнопленных, погибших под пулеметным огнем на мостах крепости Корреидор. Это сделали японцы...» Когда они с Арнольдом вдвоем вышли в холл, тот ударил приятеля по спине: «Вы молодец, что так сказали. Мы не должны забывать о Батаанском походе. Полностью солидарен с вами...»

Ни о чем этом не знал президент, томимый всепоглощающим ожиданием доклада о событиях, которое и у него, самого большого человека Америки, не породило ни одной мысли о человеческих жертвах и вызвало лишь прилив неудержимого чувства мести, он и сам не мог бы определить, к кому: японскому императору Хирохито, подвергнутому Америке неслыханному позору Перл-Харбора, советскому диктатору Сталину, готовому обрушиться на Японию, чтобы и тут обойти союзников, а может быть, и Рузвельту, отплатившему избравшим его — на четвертый срок! — американцам сговором с коммунистами...

Сейчас за тихим ужином в кают-компании сияющего в ночи крейсера он чувствовал себя личинкой в коконе множественных политических и человеческих связей, и эти неприятные, паутинно раздражающие его связи хотелось разорвать, сбросить, он снова вспомнил о Левиафане: да, все дано сделать этому чудовищу.

Была почти ночь, когда, видя, что президента что-то тревожит и ему необходим покой, командир корабля и старшие офицеры команды поднялись из-за стола, откланялись; он

попросил остаться лишь судового врача Уолтера Бербери, атлетического вида мужчину с твердым, кирпичного цвета лицом. Он действительно был напряжен весь вечер, вздрагивал каждый раз, когда открывалась дверь в салон; не с донесением ли о Левиафане, но это вносили очередное блюдо — йоркскую колбасу или мороженое... За иллюминаторами, за млечной туманностью бортового света простиралась океанская ночь, она глубоко, жутко молчала, страшила президента мукой бессонницы, и врач мог бы быть ему полезен, он нуждался сейчас в мужской собранности Уолтера Бербери.

Они остались вдвоем. Президент осторожно, как бы между прочим, пожаловался, что плохо спит.

— Этому легко помочь, господин президент. Но снотворное я бы не рекомендовал вам. Перед вами расстилается мир прекрасных действий, вы тот человек, который нужен этому миру, вы сокрушите Японию... — Он будто гипнотизировал своего неожиданного пациента. И вдруг замолчал. Каменное его лицо застыло. — Как вы думаете, господин президент, эти русские... Не побудит ли их Потсдам предпринять серьезные действия в Тихом океане?

Президенту стиснуло грудь.

— Нет, нет... — вырвалось у него. — Я не ожидал вашего вопроса. Я бы не рекомендовал вам задумываться над этим... Впрочем, это не имеет значения. — Давя свое замешательство, которое, видимо, заметил слишком пронизательный врач, и, словно мстя ему за это, он сказал с внутренним негодованием по поводу задержки донесения о Левиафане: — У нас есть новое оружие. От него нет защиты. Оно настолько мощно, что мы справимся одни. Мы не нуждаемся больше в России. — Он помолчал, сомкнув тонкие губы, глаза пропали за толстыми, бликующими стеклами очков. — И ни в каком другом союзнике. — Слова выдвигались из него. — Два миллиарда — вот сколько нам стоила эта штука. Но скоро мир оглохнет от взрыва. Вам это понятно, доктор?

Лицо Уолтера Бербери оставалось каменным, но вдруг он рассмеялся и с возможной при его складе нежностью воскликнул:

— Я только доктор, вы правы, господин президент, и мне понятно одно: вы будете спокойно спать, господин президент. Я рад этому. Я провожу вас, господин президент.

Они вышли на палубу, стальные плиты под их ногами мерно вздымались, тяжелые, угловатые темные корабельные надстройки уходили за пределы туманного сияния огней, за бортом смутно проносились гребни океанских валов, за ними стояла беспредельная плотная мгла. Президент жадно всматривался в нее, будто ожидая чего-то или пытаясь рассмотреть вызванный одним лишь движением его мизинца ураган всеумеряющего огня. Но была лишь немая, мертвая мгла.

Ночь прошла в тревожном, мучительном забытии. Просыпаясь, президент с гадливостью чувствовал, как измяты и мокры от пота потерявшие крахмальность простыни, поташнивало от непрерывной качки. Президент вслушивался в монотонные толчки работающих глубоко внизу машин, в бесконечный, тяжело ухающий ритм волн, и его терзала странная, почти детская растерянность перед смутным, огромным миром, кончавшимся бог знает чем — победой или позором... Ко всему прибавлялось неудобство за то, что разоткровенничался вчера с Уолтером Бербери. Он стал замечать за собой эту несдержанность, и ему сейчас было неприятно видеться с судовым врачом, это было похоже на состояние, которое он испытывал после разговора со Сталиным в Потсдаме.

Все же на завтрак в кают-компанию он вышел, не подавая вида о пережитом. Капитан корабля и офицеры поднялись, приветствуя его. И тут среди собравшихся он заметил офицера из Белого дома, картографа, — тот стоял с папкой в руках и искал, ловил взгляд президента. С мгновенно мелькнувшей догадкой, еле передвигая замлевшие ноги, он направился к офицеру, но тот уже шел к нему быстрым, четким шагом, раскрывая папку, — в ней сверкал, дрожал под ветерком из иллюминатора лист бумаги. Все поняли, что состоится официальный доклад, что это работа, и отхлынули от стола. Президент сел, нетерпеливо барабанил пальцами. Коричневая папка была нова, тонко

пахла кожей, и по тому, с какой услужливостью офицер положил ее перед ним, президент задохнулся в волне доброго предчувствия. Буквы были большими, радужными от оптики очков:

«...Президенту от военного министра.

Большая бомба сброшена на Хиросиму. Первые сообщения указывают на полный успех, который был гораздо заметнее, чем первое испытание».

— Прикажете подать шампанского, — выговорил президент совсем тихо, снова захваченный неуправляемой мстительной силой. — Да, да, шампанского. — Через минуту, разрывая серебро бутылок, захлопали пробки. Президент поднялся, держа в руке бокал: — Джентльмены, мы сбросили на Японию бомбу, равную по своей мощи двадцати тысячам тонн тринитротолуола. Это атомная бомба, джентльмены.

Не сразу и не до всех дошел смысл сказанного, и когда наконец стало ясно, что это такое — двадцать тысяч тонн тринитротолуола, над столом пронесся вздох то ли радости, то ли подавленности...

На следующий день крейсер в туманной накипи океанских валов серой, оцетинившейся орудийными турелями громадой входил в гавань конечного порта плавания, а над всей Америкой уже гремел эфир все той же ошеломительной вестью президентского заявления: Американский самолет сбросил атомную бомбу на Хиросиму... Мощность бомбы двадцать тысяч тонн тринитротолуола. Нанесенный удар дает нам невиданную в истории мощь... Мы должны полностью сокрушить Японию... На наших плечах лежит огромная ответственность... Мы благодарим бога, что нам, а не нашим врагам нести эту ответственность... Мы просим бога: пусть он руководит нами...

Но о чем думал поминаемый все бог, зная, что недостижимой высоты на горы еще не остывшего и ядовитого, стучащего в грудь Земли пепла? Ведь не забыл же он, для каких деяний создал и воцарил над природой человека.

11

В истории войн трудно найти аналог столь массивной скрытной переброски войск, какая была предпринята советским Верховным Главнокомандованием летом тысяча девятьсот сорок пятого... От стен поверженного Берлина, от предместий Вены и Праги — из конца в конец земли, через встающие к жизни города и веси России, через железный Урал, через степи и тайгу Сибири шли и шли эшелоны с войсками и боевой техникой, образовавшими на Дальнем Востоке три фронта готовившейся военной кампании. Этот безмерный поток уже не могли остановить никакие перепады в политических побуждениях президентов и премьеров — вступила в силу воля человечества к миру, произошло логическое перемещение рубе-

жей второй мировой войны на этот край света. Не распалявшемуся амбиции «самого большого человека Америки» Левиафану суждено было положить предел войне, — победа добра над злом вошла в летопись под иным, истинно высоким знаком.

Прибывали к своим войскам, к уже действующим штабам видные военачальники — в Ворошилов-Уссурийск — командующий Первым Дальневосточным фронтом маршал Мерецков, в Читу — командующий Забайкальским фронтом маршал Малиновский, сюда же — главнокомандующий всеми войсками Дальнего Востока маршал Василевский... Впрочем, ни прославленных этих имен, ни высоких полководческих званий не значилось на документах, шедших в Ставку, их подписывали генерал-полковники Васильев, Морозов, Максимов, и только узкий круг людей знал, что за этими вымышленными фамилиями скрываются Василевский, Малиновский, Мерецков... Японская империя, ее основная ударная сила, с которой и должно было вступить в жестокое единоборство советскому солдату — Квантунская армия, сидевшая в Маньчжурии за мощными оборонительными укреплениями, держала на чеку ухо своей истари славящейся всепроникающей способностью разведки. «Раскрыт» был один лишь генерал армии Пуркаев, командующий Вторым Дальневосточным фронтом — он возглавил войска на этой окраине советской земли еще в войну с Германией, в 1943 году, и его имя не могло навести японцев на подозрения.

У всех четырех свежа память о совещании в Ставке у Сталина. Всем четверым привычны были и сам кабинет, и примкнутый к рабочему столу Верховного Главнокомандующего длинный широкий стол с расстеленной на нем оперативной картой; она изрезана желто-бурыми извилинами гор, испятнана зеленью тайги, обрывающейся голубой океанской ширью — там, как хищная птица, изогнулась готовая к удару Япония. Все было привычным, лишь не был привычен сам Сталин, вышедший из-за своего стола и медленно, молча шагавший туда и обратно вдоль карты с потухшей в как бы через силу согнутой руке куцей черной трубкой. Не было привычным и всегда-то хранящее какую-то тайну, необычно сосредоточенное, простой, резкой лепки, и в то же время подкупающее чем-то неуловимо юным лицо. Отступившие от стола маршалы и генералы ждали, прикованные к этому человеку, обремененному, видно, уже немалое время, тяжелой мыслью, пока, наконец, окончательно преодолев какую-то грань в переплетении никому не ведомых раздумий, как будто до этого он еще колебался в принятии решения — начинать ли новую, после только что закончившейся, унесшей миллионы жизней, войну? — Сталин снова не вернулся за свой стол, не разжег и не раскурил трубку и, коротко указав ею на карту, не сказал чутко обращенному к нему всей своей аккуратной, подвижной фигурой, белым умным лицом генералу:

— Прошу изложить замысел Ставки.

Все, конечно, знали, пусть в общих чертах, план готовившейся битвы, и по близким представлениям отгремевшей войны в их воображении вырисовывались ее контуры, но все же они, привыкшие ко всему, как бы вновь увидели колоссальность стратегических масштабов кампании... И позже один из них, Родион Малиновский, вспоминал, как, вернувшись в Читу, он поздними глухими вечерами выходил на пустынные городские улицы, глядя на крупные и яркие, какие бывают только на востоке, звезды, думал, что они висят там, за сопками, за Большим Хинганом, над потонувшей во мраке маньчжурской степью; и это гигантское пространство входило в него своей немеряной далью, ошеломительной явью грядущего, в котором и штурм горных перевалов, и бросок через безводную пустыню навстречу удару другого фронта, и расчленение, разгром врага, и — как последняя точка войны, которая вберет в себя ее глубинную идею — Порт-Артур... Несомненно, то же самое головокругительное ощущение предстоящего стесняло грудь — они тоже где-то были там, в огромной звездной ночи — и Василевскому, и Мерецкову, и Пуркаеву, и адмиралу Юмашеву, приводившему в боевую готовность Тихоокеанский флот, и контр-адмиралу Антонову, отдававшему последние распоряжения командирам кораблей Краснознаменной Амурской флотилии — и морские силы, и авиация нацелены были на твердыни Квантунской армии, полтора миллиона солдат и офицеров великой Советской державы готовы были покарать врага.

Вечером 8 августа в Москве японскому послу было вручено заявление Советского правительства о том, что оно считает себя в состоянии войны с Японией...

Глухой ночью из-за грандиозного пятитысячекилометрового полукружья почти трех советских фронтов — из-за монгольской границы, из глубины земель древних кочевий и каменных могильников, из-за быстрой, как ящерица, Аргуни, от Даурии, из-за вольного Амура, от Благовещенска и Поярково, из-за Уссури, от Хабаровска — на Мукден, Чанчунь и Харбин, в гущь Маньчжоу-Го, двинулись мощные группировки советских войск. От портов Владивостока, Советской Гавани, Петропавловска-на-Камчатке отошли боевые корабли Тихоокеанского флота, в мрачной речной ряби тихо застучали катера Амурской флотилии, и пространственный размах начавшейся операции был настолько велик, что если на правой оконечности пошедших в наступление войск стояла адская сушь и закипала вода в радиаторах машин, то на левой стороне фронта, в Приморье, ночь потонула в невообразимом ливне; поднимавшаяся в таежных реках вода сносила мосты, в топи превратились и без того труднопроходимые дороги.

Окончание следует.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. ЛИХАНОВА

ОСВЕТАЛЯ ДУШИ

Диапазон общественных интересов и дел писателя Альберта Лиханова значителен и разнообразен. Он — главный редактор журнала «Смена», председатель Совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ, руководитель международной секции по детской и юношеской литературе при Союзе обществ дружбы СССР с зарубежными странами. Побывал несколько раз в детском доме — заболела душа, откликнулась одной повестью, другой, обращением к добрым людям, педагогам, запиской в Центральный Комитет партии.

Уже в молодости, работая журналистом в Кирове, Новосибирске, накопил А. Лиханов большой запас жизненных наблюдений. Его статьи, очерки, а потом и книги все чаще касались темы воспитания.

Подростки сосредоточенно обращались к его «Чистым камушкам», «Музыке», «Деревянным коням», «Звездам в октябре». С триумфом прошел на экранах фильм по одноименному «мальчишескому роману» — «Мой генерал».

Взрослые, прочитав то, что стало важным для их детей, задумались над книгами о высшей человеческой мудрости, об умении понять друг друга, об умении принести радость и счастье ближнему — «Благие намерения», «Голгофа», «Высшая мера». Писатель ставит своей задачей пробудить в людях умение приносить радость и счастье, быть воспитателем и советчиком.

Его книга «Драматическая педагогика» (издательство «Педагогика», 1983) озадачила некоторых

своим названием. Но в этом соединении слов и раскрыт смысл повседневной, преодолевающей сопротивление привычек, ограниченности, лености работы воспитателей. Да, педагогика идет не только по пути накопления опыта, но и по пути отбрасывания отжившего, не только по дорогам утверждения, но и по дорогам отрицания. «Я назвал эту книгу «Драматическая педагогика», — признается А. Лиханов, — потому что искренне верю: трудное требует анализа — во благо растущего человека, во благо осветления его души, во имя того, чтобы ошибки не повторялись, пока касаются они такого хрупкого материала, как человек. Потому что убежден: педагогика — удел не только избранных высокочудных ученых, а забота всякой матери, любого отца, каждого неравнодушного человека».

Осветление души человека — не в этом ли призвание истинного художника, писателя, болеющего болями века?!

Валерий ГАНИЧЕВ

А. Дейнека. 1899—1969. ОКРАИНА МОСКВЫ. 1941.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

И. Глазунов. Род. 1930. ДОРОГИ ВОЙНЫ. 1985.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

1
2
3
4
5
6
7
8
9
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0

А. Пластов. 1893—1972. КОГДА НА ЗЕМЛЕ МИР.

Всесоюзная выставка «40 лет Великой Победы».

ГДЕ ОТВЕДАТЬ СВИТЕНЬ?

Профессор
Н. И. КОВАЛЕВ

«Рассказы о русской кухне», едва появившись на свет, сразу же привлекли внимание читателей, в первую очередь кулинаров. Но не только их. Кого не заинтересует, что ели, пили наши предки, какова история пирожков «по-норильски» или овсяного киселя? Автор книги профессор Н. И. КОВАЛЕВ славен большим знатоком русской народной кухни. Он возглавляет кафедру технологии продуктов общественного питания в Ленинградском институте советской торговли. С ним беседует специальный корреспондент «Огонька» Л. Леров.

— Николай Иванович! Давно ли вы занимаетесь проблемами русской народной кухни?

— Более пятидесяти лет. В двадцатые годы я был одним из первых выпускников советской школы технологов общественного питания. Работал на фабрике-кухне в Ленинграде, приглашали меня на высшие кулинарные курсы при ресторане «Нева»; был мастером-наставником в поварском училище. Написал учебник для техникума, выдержавший четыре издания. Многие мои ученики стали шеф-поварами в ресторанах Ленинграда. Незаметно для себя самого увлекся кулинарными загадками. Что это за «скородумки» гоголевской Коробочки, так понравившиеся Чичикову, и «кулебяка на четыре угла»? Оказывается, гурьевская каша не имеет никакого отношения к городу Гурьеву, а пожарские котлеты — к Пожарскому, а у слова «щи» в старину было два значения — блюдо из капусты и напиток типа кваса. Окунаясь в архивы, стал листать написанный образным языком «Домострой», письменный памятник XVI века, и, погружившись в тайны кулинарии той поры, прочел гневные слова в адрес пьяниц: «Пьяный муж дурен, а жена пьяна и в миру не пригожа». Год от года накапливались интересные документы, описания блюд. Появились и собственные наблюдения — в поисках старинных кулинарных рецептов путешествовал по Сибири, Уралу, Заполярию, Крайнему Северу. Так собирался материал для книги «Русская кулинария» — она выдержала два издания и сейчас переводится на словацкий и итальянский. Определась и сфера практического применения рецептов давних времен в кулинарии наших дней. Крепло убеждение: в основе русской народной кухни лежит физиологическая целесообразность. Подчеркиваю — народной, а не кухни пресытившихся господ с их супами из соловьиных язычков или похлебками из бычьих глаз.

— В вашей книге — до трехсот рецептов русской народной кухни. Почему они так скупо представлены в меню наших столовых и ресторанов?

— Известно, что приготовление пищи — одна из древнейших отраслей человеческой деятельности. Можно представить, какой богатый опыт накоплен кулинарией за минувшие века! И столь же легко представить, в каком большом долгу перед едоками остается мастер кулинарных дел, не пожелавший (или не сумевший) использовать этот опыт на благо нашего стола. К сожалению, даже среди первоклассных специалистов индустрии питания есть немало таких, которых вполне устраивает достаточно стандартизированное меню с ограниченным (порой весьма и весьма ограниченным) выбором блюд.

— Чем вы это объясняете?

— Однозначного ответа нет. Позвольте сослаться на пример, к которому я имел некоторое отношение. Директор крупного ленинградского ресторана как-то попросил меня составить меню для зала русской кухни. «Собираюсь открыть такой зал. Уверен, он будет очень популярен — и у соотечественников, и у иностранцев». Я составил это меню. Оно понравилось. Мне сказали: «Вкусно, разнообразно, необычно!» Но когда меню попало в руки калькуляторов и они против каждого блюда поставили его цену, ахнули: «Николай Иванович, мы же разоримся! Цены-то копеечные... Рубцы отварные с хреном... Гречневая каша с печенкой... Конечно, пальчики оближешь! Но платить за эти блюда будут копейки. Значит, гореть нашему плану синим пламенем...»

Согласитесь, тревожен сам ход мысли калькуляторов. Их соображения — один из ответов на ваш вопрос.

А вот и другой. Передо мной официально утвержденный Министерством торговли СССР «Сборник рецептов» блюд, рекомендованных предприятиям общественного питания. Он связывает повара по рукам и ногам — отступать от него не положено. Сборник этот, конечно, очень важен, но, листая его, я не перестаю удивляться: в него не попали многие вкусные, питательные, полезные для здоровья, недорогие, рассчи-

танные на общедоступные продукты блюда русской народной кухни. Может, составители сборника исходили из тех же соображений, что и упомянутые мной калькуляторы? Не нахожу в этой книге, например, сборных щей — их еще Петр I едал и нахваливал; или щей суточных под слоеным тестом; или трески (а можно и любой другой рыбы), запеченной с творогом и растительным маслом. Или воспетую в народных былинах и сказаниях репу, очень, к слову, нужную нашему организму. В немилости оказалась и капуста — где они, старинные караван с капустой? Куда подевался фаршированный кочан — в большом он был прежде ходу. Не нашел я в «Сборнике» и таких издавна украшавших русскую народную кухню блюд, как ушное (тушеное мясо с овощами), рыбная уха с молоком — меня угощали ею на Севере... Объединение...

Люди старшего поколения помнят хрестоматийный призыв: «Дети, вставайте, овсяный кисель на столе». И его, этого в свое время очень популярного лакомства, нет в меню. Не подадут вам этот кисель в ресторане, а о столовой и говорить не приходится. Между тем ресторанным кулинарам, приверженцам западной кухни, знать надобно, что для англичанина, например, завтрак не завтрак без овсяной каши. Автор «Повести временных лет» Нестор рассказывает, как овсяный кисель спас дружинников окруженного печенегами древнего русского города. Истощенные голодом горожане сварили из оставшейся муки кисель, вылили его в неглубокий колодец, сели вокруг и на виду у печенегов черпали эту вкусную еду из колодца и ели. «Их кормит сама земля русская, такой народ не победить», — решили печенеги. И сняли осаду.

Русской кухне ведомы десятки способов приготовления блинов и всяких приправ к ним, на разные вкусы — с молоком или медом, солеными грибами или с маслом. А в «Сборнике» сиротливо притулился лишь один из десятков рецептов русских блинов. Да и тот не больно жалуют деятели общественного питания.

— Недавно «Огонек» писал, что «кое-где посчитали блины устаревшим блюдом, «не в русле времени», и вместо блинных заведений модные пиццерии. Они теперь есть всюду — и пусть будут! Но почему при этом оказались в забвении блинчики? Не оттого ли, что к блинам положен чай, а к пицце — бутылка вина?»

— Журнал, как мне думается, «попал в яблочко». Русская кухня

знает отличные пироги, похожие на итальянскую пиццу. Но у пиццы с точки зрения общепита два преимущества. Во-первых, приложение — бутылка вина. Во-вторых... модно. Как же — итальянская кухня!.. И тут я не могу не вспомнить свой разговор с одним шеф-поваром. Мне поручили ознакомиться с меню ленинградских ресторанов. Я прочел: «Лабардан о гротен». Попросил: «Дайте попробовать это блюдо». Оказалось, что это запеченная треска — старинное блюдо русской кухни. «Почему же вы так и не напишете?» — спрашиваю. Шеф-повар смущенно ответил: «Не пойдет... Не модно».

В середине прошлого века в Петербурге вышла «Ручная книга русской опытной хозяйки». Автор ее К. Авдеева писала: «Не порицая ни немецкой, ни французской кухни, думаю, что для нас во всех отношениях здоровее и полезнее наше родное русское, то, к чему мы привыкли. Хорошо перенимать чужое хорошее, но своего оставлять не должно и всегда его надо считать всему основанием».

Справедливо сказано!

Не следует, однако, считать нашу национальную кулинарию чем-то застывшим во времени, наглухо отгородившейся от кухонь других народов. На развитие русской кулинарии оказывал и оказывает влияние культурный обмен с другими народами. Грузинское харчо и чанахи, среднеазиатские пловы, восточные пряности — все это и многое другое не могло не сказаться на ней. И тем не менее она прочно сохранила свою самобытность, свои, истинно национальные блюда.

К сожалению, многие кулинары пренебрегают или не знают о поразительной физиологической целесообразности народных поварских приемов и рецептов. Я глубоко убежден, что немало болезней связано с пренебрежением такими блюдами. Не смогу назвать столовую или ресторан в Москве или Ленинграде да и во многих других городах России, где готовили бы холодную ботвинью.

— Что это такое?

— Разведенное квасом пюре из щавеля и шпината — к этому блюду подают рыбу и большой набор зелени. Поговорка была: «Какова Акуинья, такова и ботвинья». Она, кстати, представлена в «Сборнике рецептов». Но если вы попробуете заказать ее официанту, то он в лучшем случае извиняюще посмотрит на вас и разведет руками: «Не имеем...» А ведь нет никаких объективных причин исключать ботвинью из нашего рациона.

— «Сборник рецептов» — это, насколько я понял, своеобразная поваренная книга для общественного питания. А когда в России появилась первая отечественная домашняя поваренная книга?

— В 1779 году. Вышла она в Москве. Это были «Поваренные записи Сергея Друковцева». В ней — сведения о русских народных блюдах. Позже вышли из печати более подробные описания названных им блюд. И тут следует назвать книгу очень уважаемого кулинарами человека — Василия Левшина. Это его вспоминает Пушкин в «Евгении Онегине»: «Эпикурейцы-мудрецы, вы, равнодушные счастливыцы, вы, школы Левшина птенцы». Он был широко образованным человеком, и кулинария, выражаясь современным языком, была его хобби. Левшин известен и как агроном, изобретатель, видный деятель Вольного экономиче-

чения того, из чего исходили наши предки, приняв ту или иную рецептуру. Новации тут порой оборачиваются неприятностями. Академик Иван Петрович Павлов считал, что гречневая каша с молоком — идеальное блюдо с точки зрения соотношения в нем питательных веществ. Но кое-кто из современных кулинаров решил «подправить» великого физиолога и внес «новшества». Уменьшено первоначальное количество молока, зато каши стало больше. Результаты тут же сказались: утилизация белков организмом снизилась почти на двадцать пять процентов. Потребовалось восстановить прежние пропорции, не считаясь с обвинениями в кухонном консерватизме.

Лет пятнадцать назад специалисты установили, что в рационе рабочих Норильского горно-металлургического комбината нет нужного сочетания соединений кальция и фосфора. В поисках обратили внимание на популярные среди северян сканцы, калятки — нечто вроде наших ватрушек. Так появились пирожки «по-норильски». В картофельный фарш для пирожков добавили тертый сыр. И сразу же повысилось содержание белков, оптимальным стало соотношение кальция и фосфора.

Я ратую за развитие современной науки о питании, за всемерное использование ее исследований в общественном питании. Но при всем этом не следует отказываться и от рецептов кухни наших предков, не забывать, что они ели, что пили.

— Нельзя ли чуть подробнее по части питья?

— Кое-кто ошибочно полагает, что самым уважаемым напитком на Руси был алкогольный, хмель-

ной. Правда же в том, что в России любили, широко использовали самые различные безалкогольные напитки. Кто в наше время в зимнюю пору согревается горячим сбитнем? Не встречал я таких. У нас о нем знают только по литературе, по былинам, сказаниям. А раньше зимой его пили с удовольствием — и стар, и млад. Чайники появились на Руси еще до появления самого чая — в них-то готовился, продавался и подавался к столу сбитень. Гоголь в «Мертвых душах» описывает широко распространенные в городах и селах лавочки, где «помещался сбитенщик с самоваром из красной меди». Во времена Петра иностранцы, приезжавшие в Россию, были весьма охочи до сбитня, называли его, однако, «русским глинтвейном». Дело в том, что они предпочитали сбитень с вином. А на улицах, в трактирах, чайных, на базарах варили сбитень без вина.

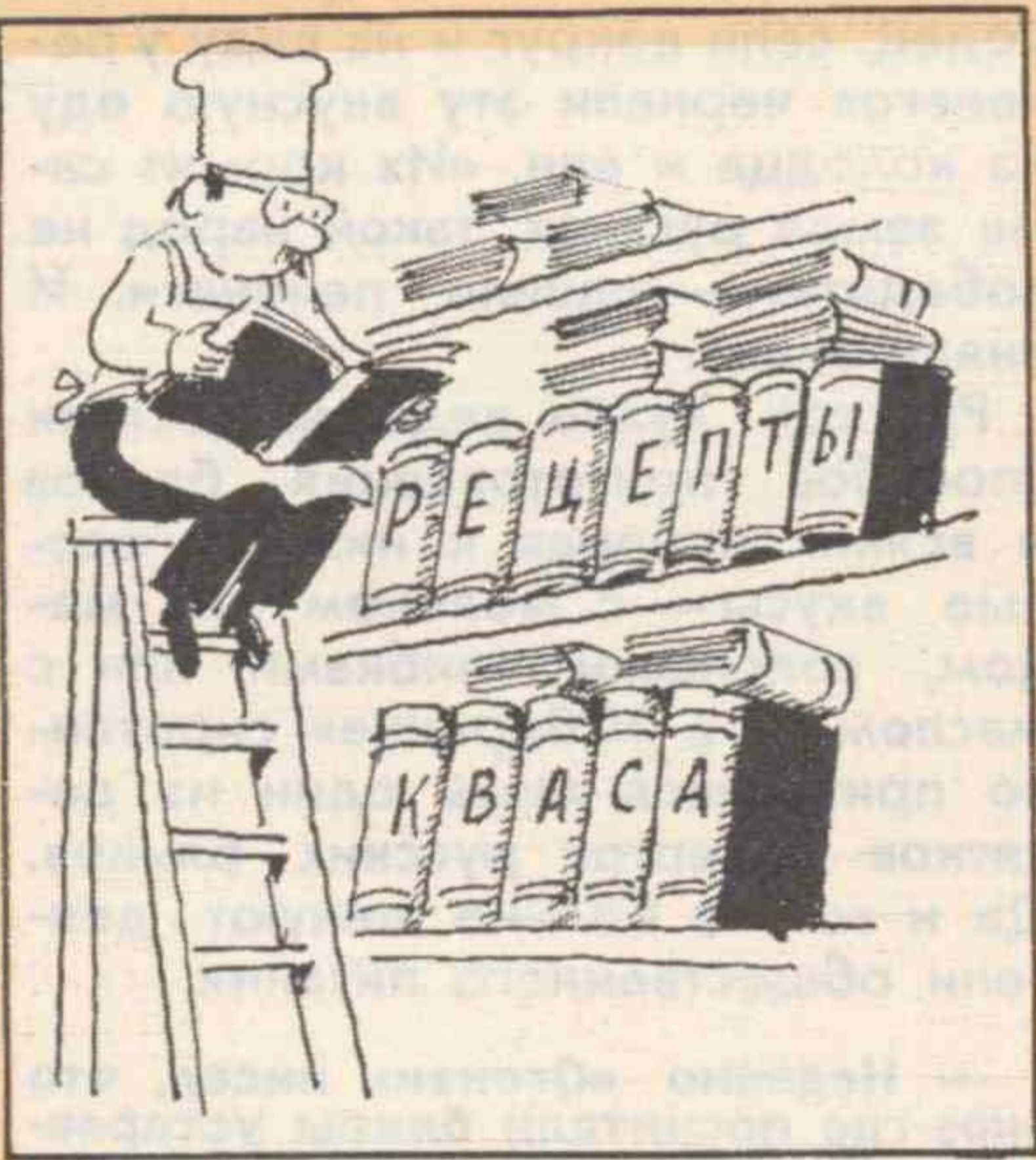
— Не сообщите ли вы нашим читателям способ приготовления сбитня?

— Охотно. В кипящей воде растворяют мед. Затем кладут перец, лавровый лист, корицу и другие пряности. Все это кипятят несколько минут, а затем процеживают.

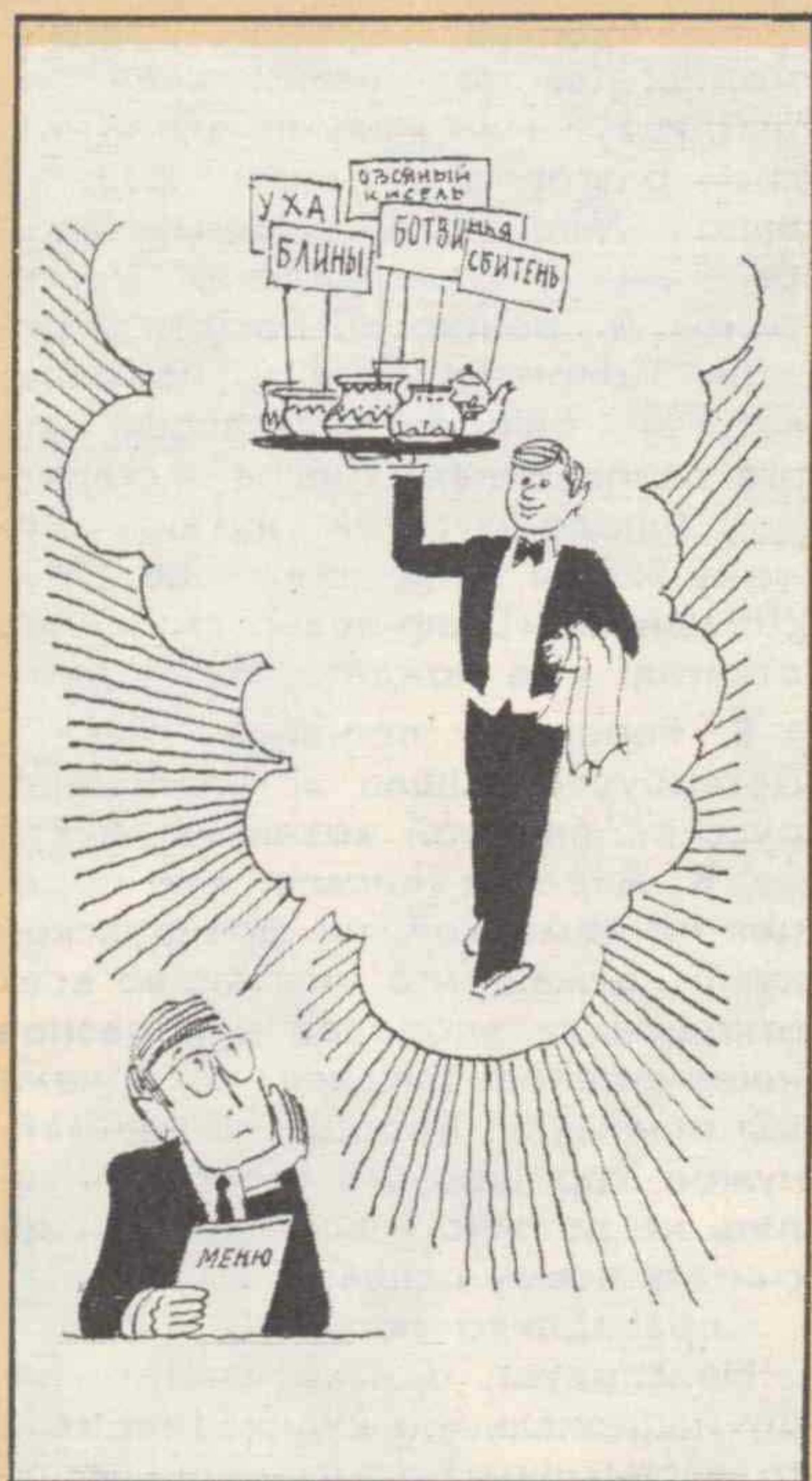
А квас? Он до сих пор не занял в нашей торговле и общепите достойного места. Нас с большими переборами потчуют хлебным квасом из бочки или цистерны. Будто известен только один сорт напитка. Где характерное для России многообразие квасов — из ржаной муки или из пшеничной, из гречневой, из солода, квасы фруктовые?.. Один из русских гигиенистов конца XIX века с гордостью отмечал, что искусство варить квас в России распространено как и хлебопечение. Русский квас известен как один из лучших в мире безалкогольных напитков. А в нашей торговле он на задворках. Квас ведь не только утоляет жажду, но и весьма полезен. О нем восторженно писали Гоголь, Менделеев. Пришла пора возродить славу сбитня, квасов, незаслуженно забытых напитков, приготовленных из меда. Иногда говорят, что нет для этого необходимых средств. А мне думается, что нет необходимой в таком деле предприимчивости. Нет желания. И сказываются рецидивы боязни «прогореть»; торговать спиртными напитками надежнее.

Что же касается средств, то сошлюсь на факт, приведенный в журнале «Коммунист»: «Валюта платится французским специалистам, которые учат наших барменов делать коктейли. Приобретен патент на изготовление итальянского вермута, для его выпуска срочно построен (первоочередная ли это необходимость?) цех, найдены дефицитные стройматериалы».

Барменов и алкогольных баров за последние годы появилось у нас вдоволь. А вот лавок, киосков, торгующих безалкогольными напитками, пока все еще маловато. Жаль!

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ БЫТА: Присоединимся к мнению профессора Н. И. Ковалева и повторим за ним: жаль, что руководители общественного питания столь невнимательны к достижениям и традициям русской национальной кухни. И редакция просит Министерство торговли СССР рассмотреть эту публикацию и сообщить нам: что оно намерено предпринять, чтобы выправить образовавшийся перекос. А мы, продолжая начатый проф. Ковалевым разговор, доведем до сведения читателей точку зрения Минторга и других заинтересованных ведомств и организаций.

ского общества, писатель, собиратель народного эпоса. К слову, и Александр Дюма — автор кулинарной книги, а композитор Россини предложил много блюд итальянской кухни.

— Я слышал такое соображение: рецепты русской народной кухни не вписываются в новую технологию общественного питания. Они, мол, рассчитаны на печи давних времен.

— Это попытка прикрыть творческую беспомощность, неумение (а может, и нежелание — потрудиться ведь надо!) приспособиться, скажем, к электронной печи, к конвейеру. Мы у себя в институте готовили старинные блюда, используя новейшую технику. Отличные результаты!

Меня иногда упрекают: «Что вы агитируете за блюда старой русской кухни? Наука движется вперед, современная кулинария строится на базе последних достижений химии, физики, биологии...» Но дорога в будущее начинается в прошлом. А оно у русской кулинарии богатое, своеобразное, демократичное и рациональное.

Рецепты старой народной кухни помогают кулинарии двигаться вперед. Не следует менять традиционные способы приготовления пищи без предварительного изу-

ЖЕЛАННЫЙ БЕРЕГ МОЙ...

Якутский театр, отмечающий свое шестидесятилетие, носит имя Платона Ойунского — крупнейшего государственного деятеля Якутии, революционера, писателя. И поэтому свой творческий отчет в Москве театр по праву начал со спектакля «Мной оставленные песни» — о жизни П. Ойунского, куда органически вошли страницы истории нашей страны, якутского народа.

Основной темой всех спектаклей, с которыми познакомились москвичи, была тема роста, преодоления. Это и возмужание поэта Ойунского, это борьба с тяжелыми житейски-

гастроли

В год празднования сорокалетия Победы в гастрольной афише Ленинградского театра драмы и комедии, недавно завершившего свой творческий отчет в столице, военная тема представлена сразу тремя спектаклями: «Знак беды» В. Быкова, «Прости меня» В. Астафьева, «Гостиница «Астория» А. Штейна. Вот почему имеет смысл более подробно остановиться на этих ответственных и важных для любого театрального коллектива работах.

Война... Сегодня в нашем представлении это пожарища, наступления войск, грохот орудий, хрипы, стоны, крики победного торжества... Но есть будни войны — тяжелые и простые, как крестьянский труд, за который редко причитаются ордена и медали. Об этих буднях и говорит Василь Быков, стремясь приблизить к нам, дать разглядеть простого человека, поставленного в нечеловеческие обстоятельства и буднично совершающего свой главный выбор. В спектакле «Знак беды» (постановщик Я. Хамармер) взят всего один эпизод войны: хутор, где живут Петрок (О. Сысоев) и Степанида (Т. Шуко), занимает саперный отряд немцев, с хозяевами хутора сводит счеты дорвавшийся до власти полицай Гуж (Ю. Каменев). Конечно, война включает и неизмеримо более страшные эпизоды, чем смерть Петрока, который выкрикивает в лицо врагам слова ненависти, хотя долго пытался, надеялся обойтись по-хорошему, обмануть

Сцена из спектакля «Желанный, голубой берег мой...».

Фото С. Герасимова

ми невзгодами юного Ханидуо из постановки «Ханидуо и Халерхаа», это и тяжелейшие испытания, выпавшие на долю мальчика Кириски из спектакля «Желанный, голубой берег мой...», созданного по повести Ч. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря».

Безусловно, эта инсценировка стала украшением гастролей якутчан. Постановщики дали нам возможность во всей полноте ощутить дыхание бушующего моря, услышать тревожный крик чаек, увидеть белый, как кисея, туман, окутавший все вокруг, заслонивший берег и звезды на небе (режиссер А. Борисов, художник Г. Сотников, музыкальное оформление К. Сергучева). Но самое главное, мы прониклись чувствами, мыслями, ощутили неспасаемую волю людей, отпавших в нелегкое плавание...

Море упорствует, не хочет поддаваться людям, печаль одолевает старика Органа. «А что, если эта охота последняя в моей жизни?» — думает он, и кому же тогда приучать к морю маленького Кириску, кому приобщить его к охотничьему делу...

Спектакль Якутского театра «Желанный, голубой берег мой...» привлекает наше внимание и точным режиссерским решением, и прекрасной игрой актеров.

Постановщик ввел в спектакль интереснейшие сцены якутских народных обрядов — ритуалы встречи с морем, заклинания к лодке, самобытные танцы женщин. Но главное — театр сумел почувствовать и передать философскую и эмоциональную глубину слова Чингиза Айтматова.

М. ДМИТРИЕВА

гастроли

Впервые с творческим отчетом в Москву приехал Читинский областной драматический театр. Значительное место в его репертуаре занимают постановки, посвященные современной теме, покорителям Сибири. Гастроли открылись спектаклем «Запас прочности» И. Шестака, журналиста из Тынды. В программу включены также «Рядовые» А. Дударева, «Банкрот» А. Островского, «Горько!» по произведениям М. Зощенко и «Плутни Скапена» Ж.-Б. Мольера.

На снимке: сцена из спектакля «Запас прочности».

Фото Г. Копосова

ЗНАКИ ВОЙНЫ

большую беду маленьким смирением; или чем убийство глухонемого подростка Янка (А. Жданов)... Но исход войны предопределен и этой сжатой до предела пружиной народного гнева, энергия которой питала силу сопротивления большой беде.

В этом году театры осуществили много постановок, посвященных теме войны, так что нарабатывались даже своего рода штампы, в которых терялось живое и простое человеческое горе. На первый взгляд и эта постановка мало чем выделяется в ряду прочих. Ставшие традиционными обгорелые балки, одинокое деревце рябины, черный проем задника; громогласный и очень нарочито театральный цинизм фашистов-захватчиков; сам принцип композиции, когда в военные эпизоды вклиниваются сценки мирных будней, создавая эмоциональные перепады... Все это могло бы заставить воспринимать спектакль уважительно и серьезно, но без волнений и открытий, если бы не линия Степаниды.

Актриса Т. Шуко не стремится приподнять свою героиню. Невольно улыбаешься ее маленьким крестьянским хитростям и простодушию, с каким она деловито топит вражеский автомат в колодце, упорно не хочет поить немцев молоком, выдавая корову в траву, тщательно прячет любимого подвизника от разбойной оравы постояльцев... В Степаниде — Шуко живет простое и какое-то кровное чувство порядка и высшей справедливости. Она, всю жизнь привыкшая руками только возвращать и растить живое, вдруг обретает энергию разрушительной силы. Взорвать мост, по которому движутся немецкие

части, — это тоже своего рода стремление навести порядок.

Последний эпизод со Степанидой, когда она, запершись в доме, поджигает его вместе с собой, кульминационный. Здесь легко скатиться в аффектацию, душевнораздирающий надрыв... Собственно, это происходит в музыкальном ряду, но вопреки ему актриса остается верна выбранной ею тональности. Она по-прежнему озабочена мелочами, делая старательно и хорошо очередное свое дело. Она тщательно обликает стены керосином, бормоча под нос проклятья, так, как если бы боролась с дурным сорняком в поле. Собственную жизнь готова она вырвать с корнем, лишь бы не было нечисти на том поле, что зовется родной землей. Ее сосредоточенность, какая-то истовость человека, до конца уверенного в своей собственной, личной ответственности перед общей бедой, запоминается, вызывает переживания, подобные тем, как если бы удалось из батальной картины выхватить одно живое, страдающее человеческое лицо, узнать его, полюбить и через него содрогнуться от ужаса всей картины в целом.

К сожалению, в другом спектакле, посвященном военной тематике, обращаясь к Виктору Астафьеву, театр изменил как раз самому главному в этой теме: простоте и суровости будней. События спектакля «Прости меня» разворачиваются в госпитале, где умирают и выздоравливают раненые фронтовики, где они встречают любовь и прощаются с жизнью. Язык автора прост. Смерть, которая приходит в палаты, напоминает о себе, не церемонясь в выражениях. Навер-

ное, лицо у этой смерти так же просто, как у госпитальной няньки, выносящей таз с кровью, стирающей пот с холодеющих лиц. Но в спектакле Смерть (Т. Шемпель) почему-то предстает в образе легкомысленного вида рыжекудрой красотики, одетой в облегающее черное трико и черный, волочащийся по полу плащ. В сочетании с яркой помадой и маникюром ее речи звучат со сцены двусмысленно, чтобы не сказать вульгарно, а эффе́нтные появления среди болтливых коек коробят и выглядят оскорбительными своей эстрადностью.

Из спектакля ушло главное — человек, то в его характере, что дало возможность противостоять смерти, выжить, оставаясь человеком в своих чувствах и поступках. Что давало ему яростное желание рваться в бой, откуда его вынесли израненного, что давало мужество любить. Большинство актерских работ существует в спектакле на уровне «разыгрывания» текста пьесы, не обнаруживая живых человеческих связей, не создавая собственно сценического эмоционального поля, которое бы определило принципиальность выбора этого произведения для постановки, родственности спектакля и литературной основы, или противостояние их.

Если обратиться еще к одному «военному» спектаклю — «Гостиница «Астория», новой сценической редакции пьесы А. Штейна, — то и здесь мы столкнемся с тем же функциональным существованием персонажей, которые в заданных обстоятельствах производят определенные реплики только потому, что так «написано у автора». Обращение к Штейну сегодня само по себе требует особого подхода — его принцип изображения героев, система отношений между ними существенно отличаются от того, как изображают героев сороковых в современных пьесах. Современная драматургия, поглощенная поисками «добраго в злом» и наоборот, изошрилась до такой степени, что уже порой трудно определить,

кто же, собственно, есть кто... Казалось бы, в данном случае театр имел все основания укрупнить героев, найти прием, который бы позволил их максимализм, нравственные критерии воспринимать без привычной для сегодняшнего дня иронии. Однако театр не почувствовал тональности пьесы Штейна, поэтому эпизод гибели Трояна (А. Король), дикующего из осажденного Ленинграда свой журналистский материал в Москву, воспринимается театральной красотой.

Такой неоднородной, непоследовательной, неравноценной предстала военная тема у ленинградцев. Другие спектакли, показанные на гастролях, не подтвердили стремления театра соответствовать моменту времени.

К сожалению, последняя премьера — «Валенсианская вдова» Лопе де Вега — убеждает в том, что театр влечет в область, наиболее благодарную для невзыскательного зрителя, — музыкальный спектакль. Подобный жанр не новость для ленинградской сцены, где развлекательность уже представляется тревожно симптоматичной.

Это, пожалуй, главное, что должно вызывать озабоченность в театре, который представляется стопроцентно благополучным, собирает зрителя, не отстает в репертуаре от столичных афиш. Но есть стабильность, которую не вредно поколебать. У театра есть и запас мощности, и резервы, которые еще не выявлены и которые требуют незамедлительной активизации. Об этом со всей ответственностью напомнили московские гастроли.

А. АЛЕКСАНДРОВА

Анатолий Сергеевич Левицкий.

Борис Владимирович Вильде.

Анатолий
АФАНАСЬЕВ

Накануне 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Указом Президиума Верховного Совета СССР была отмечена отвага и стойкость сынов и дочерей нашей Родины, навечно вписавших свои имена в историю французского Сопротивления. Орденом Отечественной войны I степени посмертно награждены Борис Владимирович Вильде и Анатолий Сергеевич Левицкий, орденом Отечественной войны II степени — Тамара Алексеевна Волконская и Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева. Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат награжден медалью «За боевые заслуги».

РУССКИЕ ГЕРОИ ФРАНЦУЗСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Елизавета Юрьевна
Кузьмина-Караваева.

Бронислав Брониславович
Сосинский-Семихат.

Тамара Алексеевна
Волконская.

Около пяти часов вечера 23 февраля 1942 года из парижской тюрьмы Фрэн в пригородный форт Монт-Валериен под усиленной охраной доставили семерых приговоренных к смертной казни участников подпольной организации «Национальный комитет общественного спасения». Среди них находились и руководители этой организации, русские эмигранты Борис Вильде и Анатолий Левицкий. В прощальном письме к жене Ирэн за несколько часов до расстрела Борис писал: «...Я знал уже, что это будет сегодня. Вы могли убедиться, что я не дрожал, а улыбался, как всегда. Да, я с улыбкой встречаю смерть...» Левицкий за день до казни пишет своим родным и друзьям: «Я не ожидал столь быстрой развязки, но, быть может, лучше, что это так. Я готов уже давно и совершенно спокоен». У стены, где должна была состояться казнь, не хватило места, чтобы расстрелять сразу семерых. Вильде и Левицкий попросили, чтобы им не завязывали глаза и расстреляли последними...

Борис Вильде и Анатолий Левицкий вступили в схватку с фашизмом еще до вероломного нападения гитлеровских полчищ на их Родину. Именно они — создатели одной из первых антифашистских организаций, образованной в августе 1940 года вскоре после оккупации Парижа немцами, дали название антифашистскому движению во Франции «Резистанс» («Сопротивление»). В передовой статьи первого номера подпольной газеты «Резистанс», который вышел 15 декабря 1940 года, Борис Вильде писал: «Сопротивляться!» — Этот крик идет из глубины ваших сердец, из глубины отчаяния, в которое ввергло вас несчастье... Это голос всех, кто не смирился, всех, кто хочет выполнить свой долг».

Группа «Музея человека» (так еще во Франции называли возглавляемую Вильде и Левицкий антифашистскую организацию) до конца выполнила свой долг.

В «Истории Сопротивления» о ней сказано: «Вильде и Левицкий выполняли самые разнообразные функции. Они не ограничивали свою деятельность ни территориальными рамками, ни специальными заданиями. Шла ли речь о спасении английских летчиков, о переброске их через Испанию в Англию, о переправке людей в армию де Голля в Африку, о сборе сведений об аэродромах или секретных базах подводок, об организации мелких боевых групп, об антифашистской пропаганде, распространении листовок во всех доступных и даже недоступных местах — Вильде никогда не говорил, что это его не касается. Наоборот, он считал, что его долг — взять на себя все, что поможет сопротивлению». Анатолий Левицкий практически отвечал и за издание «Резистанса». Все статьи проходили через его руки, он собственноручно отпечатывал в типографии «Музея человека» два первых номера газеты.

Когда многие во Франции опустили руки, сломленные мощью гитлеровцев, группа «Музея человека», объединившая в основном представителей интеллигенции, как и организации, созданные французскими коммунистами, стремилась сколотить единый фронт борьбы против оккупантов. За семь месяцев неравного сопротивления — с июля 1940 года по март 1941 года — было сделано немало... Предательство прервало антифашистскую деятельность группы.

Начался новый этап борьбы. Допросы, пытки, очные ставки в тюрьме Фрэн не сломили духа Бориса Вильде и Анатолия Левицкого. Особенно жестоким пыткам подвергался Левицкий. Но фашисты не узнали от него ничего. Вильде, находясь в заключении, создал свои знаменитые «Диалоги в тюрьме», которые можно сравнить с «Репортажем с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Предчувствуя смертный приговор, он писал о собственном пути от «я» к «мы», о чувстве ответственности перед всем человечеством. «Диалоги» — это высокая поэзия, проникнутая жаждой жизни. Прочтя их, еще сильнее постигаешь силу духа и мужество Бориса Вильде. Он многого не успел сделать, но на допросах в тюрьме стоял на том, что всем руководил сам, остальные лишь подчинялись ему и выполняли его приказы.

Десять месяцев тюремного заключения окончились шумным 40-дневным судебным процессом, всколыхнувшим всю Францию. Немецкий военный суд вынес 17 февраля 1942 года смертный приговор Вильде, Левицкому и их пятерым товарищам. В последнем слове на суде Борис ничего не сказал в свою защиту, ни слова о себе, вся его речь преследовала одну цель — спасти жизнь «Мальчугану», самому юному члену группы Ренэ...

3 ноября 1943 года генерал де Голль в Алжире подписал приказы о посмертном награждении медалью Сопротивления Бориса Вильде и Анатолия Левицкого.

Война поставила перед каждым выходцем из России, проживающим на Западе, вопрос: на чьей ты стороне? Одни не верили способности СССР бороться с гитлеровскими полчищами; нашлись и такие, которые пошли в услужение к оккупантам. Были и выжидавшие, куда повернет ход событий.

Но сразу же дали знать о себе настроения и иного рода — страстное желание помочь сражающейся Отчизне. Большинство зарубежных россиян не были оглушены сенсационными сообщениями буржуазной прессы о «близком разгроме колосса на глиняных ногах». Газета «Правда» в связи с ростом патриотических настроений в эмигрантской среде после фашистского нападения на Советский Союз отмечала 13 ноября 1941 года, что «...у известной части русской эмиграции, в частности молодежи, которая сама лично не боролась против Советской страны, живет и национальное чувство, чувство родины. Этому чувству гитлеризм с его программой уничтожения и порабощения славянских народов особенно чужд... Только отдельных негодяев, совершенно растленных людей, лишенных всех следов национальной чести и совести, Гитлер нашел среди русских и украинских белоэмигрантов. Расчет немецких фашистов на то, что русские и украинцы, хотя бы и враждебные большевизму, в сколь-нибудь значительном числе пойдут на подлейшую национальную измену и отдадут Россию в услужение немецким баронам, оказался еще одним просчетом Гитлера».

Для многих эмигрантов было неоспоримо, что Россия, Советский Союз встает и победит. История утверждала их в этой мысли — ожило унаследованное от отцов и матерей древнее чувство, воспитанное всей отечественной историей: Россия и ее народ непобедимы, величайшее государство не может исчезнуть. Они мучительно переживали, что в грозное время находятся вдали от родной земли. Немало наших зарубежных соотечественников сражались в рядах борцов Сопротивления плечом к плечу с патриотами Франции и Италии, Югославии и Бельгии, Голландии и Греции, Норвегии и Дании. Они шли на подвиги, а часто и на смерть в борьбе с коричневой чумой, движимые ненавистью к фашизму и силой любви к родной земле, к родному народу. И Советская Родина не забыла их имена.

Первым из русских эмигрантов был награжден в 1945 году орденом Отечественной войны I степени за помощь Советской Армии в годы войны бывший царский офицер Федор Евдокимович Махин, ставший генерал-лейтенантом Югославской народной-освободительной армии. В ноябре 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР орденом Отечественной войны I степени были награждены Вера Аполлоновна Оболенская и Георгий Владимирович Шибанов, орденом Отечественной войны II степени — Алексей Петрович Дураков и Иван Иванович Троян, медалью «За боевые заслуги» — Кирилл Алексеевич Радищев и Михаил Яковлевич Гафт. Национальная героиня Бельгия Марина Александровна Шафрова-Марутаева, пожертвовавшая своей жизнью для того, чтобы вдохновить народ этой страны на борьбу против немецко-фашистских захватчиков, была посмертно награждена в мае 1978 года орденом Отечественной войны I степени.

Жизнь Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой, русской поэтессы, мужественного борца против фашизма, известной многим под именем мать Мария, вобрала в себя столько, что с лихвой хватило бы на добрый десяток иных судеб. Сформировавшаяся как личность, как поэт в атмосфере петербургской предреволюционной интеллигенции, она в решающем для России 1917 году оказалась на стороне победившего народа. Лишь роковое стечение семейных обстоятельств привело к трагическому разрыву с Родиной...

Жизнь русской эмиграции с ее бредово-фантастическими планами свержения «антихристов-большевиков», с бесперспективными склоками, безысходностью жалкого существования наложила глубокий отпечаток на личность Елизаветы

Юрьевны («...сама ограблена собой»), сполна отведавшей горького хлеба чужбины. Тяжелые раздумья над отчаянным положением многих близких ей людей в эмиграции и смерть дочери привели ее к постригу. Но, став монахиней, она посвятила жизнь не богу, а своим обездоленным и безработным соотечественникам.

Накануне второй мировой войны левое крыло эмиграции, прозвевшее за годы скитаний на чужбине, уже было твердо убеждено в необходимости защиты Советского Союза. Оборонческие настроения захватили все слои эмиграции, особенно «низы». Во Франции, например, был создан Союз возвращения на Родину, позднее переименованный в Союз друзей Советской Родины и Союз оборонцев.

Убежденным оборонцем была и мать Мария. Она отчетливо видела, что нес миру германский фашизм. Во главе избранной «красы господ» — писала она в начале 1941 года в статье «Размышления о судьбах Европы и Азии», — стоит безумец, параноик, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смирительной рубашке, в пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенную». Мать Мария сердцем чувствовала, что не будет «тихо плавать по жизненной зыби». Все упорнее искала она свой путь служения родной земле:

В каждом деле будь мне жезл и вождь.
Солнце незакатное с Востока.

Когда мать Мария узнала о нападении немецко-фашистских войск на Советский Союз, она сказала: «Я не боюсь за Россию. Я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет «русский период» истории... Все возможности открыты. России предстоит великое будущее. Но какой океан крови...» Ее дом в Париже превратился в очаг антигитлеровского Сопротивления.

В самые тяжелые дни войны, в декабре 1941 года, она верила в победу:

Ночь. И звезд на небе нет.
Лает вдали собака.
Час грабителя и вора.
Сторож колотушкой будит.
— Сторож, скоро ли рассвет? —
Отвечает он из мрака:
— Ночь еще, но утро скоро,
Ночь еще, но утро будет.

Ради этого светлого утра вступили в схватку с фашизмом мать Мария и ее ближайшие друзья.

Дом на улице Лурмель стал укрытием для многих советских людей, бежавших из фашистского плена, французских антифашистов, поляков, евреев. Сбор пожертвований, снабжение документами людей, которых преследовали гитлеровцы, переправка их к партизанам — такова «благотворительная» деятельность русской монахини, организатора нелегального «лурмельского комитета». В это же время она создала поэму «Солдаты», героями которой были борцы Сопротивления и коммунисты.

В феврале 1943 года гестапо арестовало мать Марию... Последние два года своей жизни она провела в концлагере Равенсбрюк. 30 марта 1945 года мать Мария погибла в газовой камере. Люди, близко знавшие Елизавету Юрьевну в лагере, свидетельствуют, что самым сильным ее желанием, ее мечтой было возвращение на Родину. Она неоднократно говорила: «При первой возможности поеду в Россию, куда-нибудь на Волгу или в Сибирь. Буду жить и работать среди простых русских людей».

Это стремление служить Родине, «простою народу» и было источником необычайной стойкости, проявленной Е. Ю. Кузьминой-Караваевой в невыносимых условиях фашистского рабства. Одна из узниц Равенсбрюка вспоминала: «Мы расспрашивали ее об истории России, о ее будущем... Эти беседы и дискуссии были для нас выходом из нашего лагерного ада, помогали нам восстанавливать утраченные душевные силы, вновь зажигали в нас пламя мысли, едва тлевшее под тяжким гнетом ужаса». До самой смерти она была непреклонна и верна идее добра, правому делу, своему Отечеству, расточая духовную помощь и поддержку всем окружающим...

Тамара Алексеевна Волконская попала в эмиграцию в Константинополь летом 1918 года, будучи сестрой милосердия при раненых русских солдатах, после отторжения турками части Закавказья. Получив в Турции медицинское образование, она в конце 20-х годов переехала в Париж. Французские власти из-за иностранного диплома не разрешили ей работать по

специальности. Пришлось вместе с другими эмигрантами открыть ателье по пошиву женского платья. Перед началом войны Тамара Алексеевна приобрела ферму в местечке Ля-Бурдаш департамента Дордонь.

Когда немцы заняли французскую столицу, Волконская выехала в Дордонь. «Вы спрашиваете, почему я покинула Париж? Да потому, что там появились немцы, и не просто немцы, а фашисты, которые вызвали во мне отвращение и ненависть к ним, — писала Волконская известному советскому историку французского Сопротивления Г. Нечаеву. — Ведь за короткое время проживания во Франции я успела полюбить эту прекрасную страну, простых людей, трудолюбивых, честных, благожелательных, гостеприимных. К тому же у меня с немцами были старые счеты. Мой отец и два брата в первую мировую войну, находясь в 8-й армии генерала Брусилова, сражались с немцами, и все трое в 1916 году погибли... Оказавшись в Дордонь, я вступила в ряды борцов Сопротивления, стала на защиту Франции, повела антигерманскую пропаганду среди местного населения. Когда же нацистская Германия напала на СССР, моя ненависть к гитлеровцам утроилась. Я беспрдельно любила свою Родину и считала своим священным долгом помочь ей в тяжелой борьбе с фашистскими захватчиками...»

Тамара Алексеевна жила и работала под именем Терезы Дюбуа. Французские и советские партизаны чаще называли ее «Красной княгиней». С 1943 года она занималась организацией партизанских отрядов из советских военнопленных, бежавших из лагерей. «Работа Т. А. Волконской чрезвычайно разнообразна, — отмечалось в «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции» (1947, № 2), — уход за ранеными и больными в качестве врача на ее хуторе, превращенном в санпункт».

В конце марта 1944 года Волконская была арестована. Но, несмотря на жестокие пытки (ей исколечили правую руку), гестаповцы ничего от нее не добились и были вынуждены за неимением улик освободить Тамару Алексеевну. С еще большей энергией продолжила она

антифашистскую деятельность. В этом ей помогало немало русских людей, осевших в этом уюлке Франции.

Годы военного лихолетья значительно подорвали здоровье Волконской. Через несколько лет после окончания войны она получила советское гражданство, готовилась к возвращению на Родину. Но ей не довелось увидеть родной земли: 3 июня 1967 года она скончалась. Кавалер французского ордена «Военный крест» Тамара Алексеевна Волконская похоронена в городе Плазаке.

Многие наши зарубежные соотечественники, ставшие в ряды антифашистов, называли и называют себя «людьми 22 июня», особо подчеркивая этим связь собственных судеб с судьбой своего Отечества. «22 июня 1941 года, день вторжения германских полчищ в Советский Союз, стало не только одним из поворотных моментов в ходе второй мировой войны: это дата, с которой начался глубокий сдвиг для громадного большинства наших читателей, — писала в мае 1945 года прогрессивная эмигрантская парижская газета «Русские новости», подводя итоги эволюции эмиграции за военные годы. — Русские во Франции разделились на две непримиримые части. Это не было больше делением на «правых» и «левых» — делением, которое становилось все более и более условным. Деление произошло по другому признаку: совершенно отношению каждого к происходящей борьбе. Лишь меньшинство пошло за Германией, причем часто даже не по идейным, а по своекорыстным мотивам личной наживы. Большинство стало на позицию необходимости защиты Родины и постепенно шло к признанию Советского правительства национальной властью».

«Людьми 22 июня» можно смело назвать Е. Ю. Кузьмину-Караваеву и Т. А. Волконскую. Таковым, по собственному признанию, считает себя и Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат. После гражданской войны он оказался за пределами России. Турция, Болгария, Германия, Франция — обычный путь эмигрантского «хождения по мукам». Начавшуюся войну встретил в рядах французской армии. Попал в немецкий плен. Встречи в разных конц-

лагерях с советскими военнопленными на многое ему открыли глаза. В 1943 году Сосинский-Семихат вместе с группой военнопленных оказался на острове Олерон, где гитлеровцы сооружали одно из звеньев мощнейшего Атлантического вала. Военнопленные создали там интернациональную группу Сопротивления, в которую влились и проживавшие на острове русские эмигранты. Среди них был и сын известного русского писателя Леонида Андреева Вадим. Кульминацией многогранной антифашистской деятельности этой группы стал взрыв расположенных на острове крупных пороховых складов. В разработке и проведении этой дерзкой операции активную роль сыграл Б. Б. Сосинский-Семихат. За мужество, проявленное в борьбе с фашизмом, он награжден Военным крестом с мечами, другими французскими орденами и медалями.

В 1960 году Б. Б. Сосинский-Семихат вернулся на Родину, живет в столице. Он написал повести «Герои Олерона» и «У Атлантического вала», в которых рассказал о своих друзьях — героях французского Сопротивления.

За несколько часов до расстрела Борис Вильде в прощальном послании жене писал: «...Я готов, я иду... Думайте обо мне, как о живом...»

О таких людях, как Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева и Тамара Алексеевна Волконская, Борис Владимирович Вильде и Анатолий Сергеевич Левицкий, думать иначе нельзя.

Жизнь русских героев французского Сопротивления, предельно слившаяся в самые тревожные для их Отечества годы с судьбой родного народа, воспринимается нами как пример беззаветного служения человечеству, служит ярким подтверждением стойкости и чистоты нашего национального характера.

Михаил ЕРМОЛАЕВ

ДЫМ КОСТРОВ

Туман белесый по-над Обью,
болота в прорезях тайги.
Поселок новый у реки
вновь вспоминается с любовью.
Куда б дорога ни вела —
она идет в тайгу отсюда...
И гладь воды дрожит от гуда,
когда проносится «Стрела»...

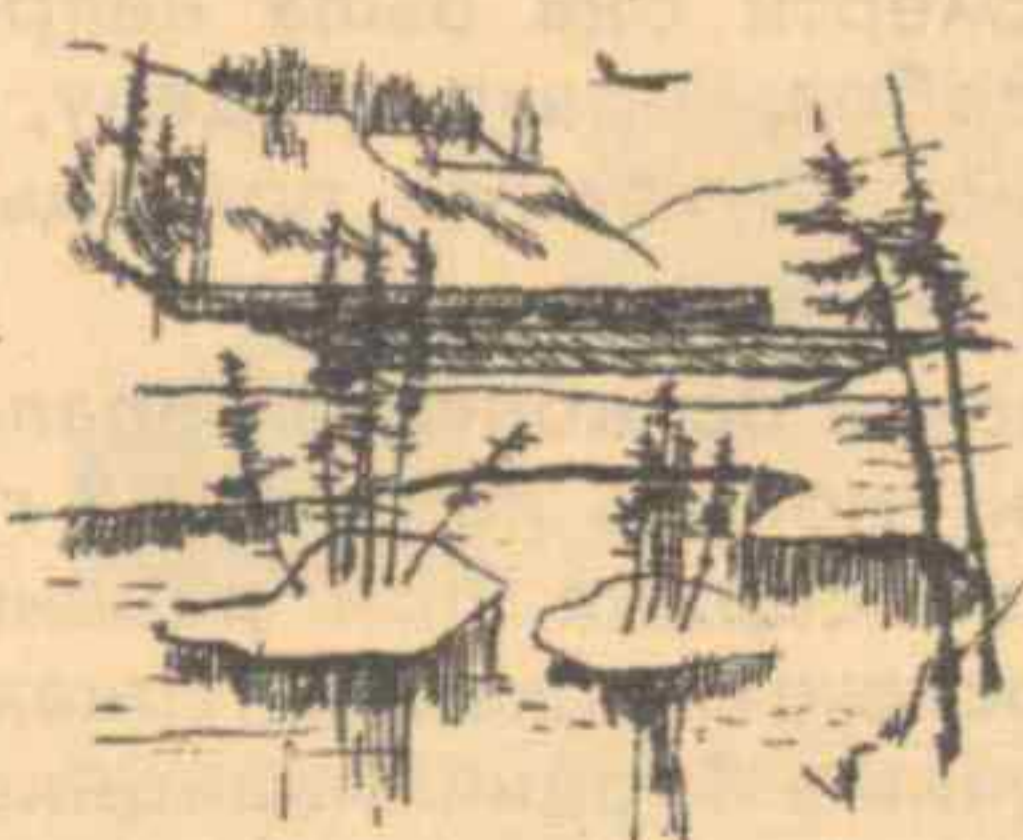
ВЛАДИВОСТОК

Здесь, между спящих сопок,
туманы гнезда вьют.
И корабли у пирсов
на «перекур» встают.
Здесь солнышко восходит.
Здесь край родной земли.
И день и ночь в дозоре
не дремлют корабли.

ОКТАБРЬ В ТАЙГЕ

Тишина на сотню верст вокруг,
только слышен рокот самолета.
А внизу — и топи, и болота,
курс лежит наш —
на таежный юг...
Скоро здесь ударят холода.
Первый снег, не долетев, растаял.
До весны к теплу умчались стаи
по знакомым только им следам.
Сумерки полощутся в Оби,
а река тайгою плавно вьется...
Тихим объяснением в любви
рокот самолета отзовется.

г. Ногинск,
Московской обл.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПАМЯТНИКА

В конце 1944 года наше 14-е ордена Красной Звезды Управление военнопольного строительства получило задание Военного совета фронта приступить к возведению памятников павшим героям Советской Армии в полосе прохождения 40-й армии в городах Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Маршал Р. Я. Малиновский, рассматривая проект памятника в венгерском городе Ниредьхаза, сказал, что в боях за его освобождение погибло немало офицеров-казаков из корпуса Плиева и было бы желательно поместить сверху на мраморном пилоне скульптуру казака верхом на коне. Автор проекта архитектор Екатерина Григорьевна выполнила пожелание маршала. Надо было изготовить скульптуру из бронзы, а прежде вылить ее из глины. Сделать это взялся венгерский скульптор профессор Пал Пацон. К этому времени нижняя часть памятника из гранита уже была возведена, и, когда отлили скульптуру, ее перевезли в Ниредьхазу и смонтировали на мраморном пилоне с именами советских офицеров, погибших за освобождение города.

15 апреля 1945 года под гром ружейного салюта член Военного совета 40-й армии 2-го Украинского фронта генерал-майор К. П. Кулик открыл памятник.

М. ОРДЕЛЛИ

На снимке: памятник советским воинам в венгерском городе Ниредьхаза.

ХИЩЕНИЕ В АКСАРКЕ

Олег ШМЕЛЕВ

после суда

Можно было бы начать так: «Змий-искуситель явился Александру Михайловичу Карпову в образе ничем не примечательного гражданина по фамилии Кирсанов». Но, во-первых, искушению подвергся не один Карпов и происходило оно без всякого труда, а во-вторых, язык не поворачивается излагать то, что произошло дальше, в ириво-витиеватом фельетонном стиле. Мерзость содержания, его нагая суть требуют формы недвусмысленной и простой, как тюремная решетка.

На севере Тюменской области, на берегу Оби, прямо на пунктирной черте Полярного круга (если смотреть на карте) стоит поселок Аксарка. В поселке существует рыбкооп — кооперативная рыбацкая организация (или предприятие). У рыбкоопа имеется правление, а во главе правления — председатель (ныне — бывший) А. М. Карпов.

В полночь 1983 года, точнее, ближе к рассвету, в феврале (имеется в виду длинная, тянущаяся несколько месяцев полярная ночь), в Аксарку неведомо как прибыл Виктор Дмитриевич Кирсанов, сорокапятилетний серьезный мужчина, по виду работающий человек. На приеме у председателя Карпова он объяснил, что владеет строительными специальностями и готов предложить рыбкоопу свои услуги; более того, у него есть готовая бригада. В рыбкоопе намечены крупные ремонтные работы, но в услугах Кирсанова нужды нет: уже отряжена бригада — своя, из рыбкооповских. Ознакомившись с положением, Кирсанов мог спокойно убраться восвояси, но он не спешил.

Ну что проку от доморощенной бригады? Много ли с нее спросишь? Председателю была странна такая постановка вопроса. Кирсанов видел, что не понимает он лишь по неопытности (и правда, Карпов гораздо моложе его). Как объяснить подоходчивее? Вот, скажем, осилит рыбкооповская бригада ремонт холодного склада № 2. Сколько она будет там ковыряться? Месяца два, не меньше, а скорей все три. Им спешить некуда, у них пупки от натуги не развяжутся. Во что обойдется ремонт склада? Если работать месяц, то тысячи две, если три месяца — оно и все пять набегит. А тут что предлагается? Кирсанов привозит свою бригаду, рыбкооп заключает с нею соглашение, и через какие-нибудь тридцать дней — пожалуйста, склад лучше новенького. И не надо председателю за дисциплиной труда наблюдать, никаких перекуров. И гвозди на сторону не уплывут. Во сколько это обойдется? Уговориться надо на восемнадцать тысяч рублей. Сумма большая. Зато будет прок. Само собой, не все деньги пойдут бригаде, останется и другим благоприятным людям.

Какие слова должен произнести энергичный, молодой (32 лет) руководитель, член партии, когда его открыто приглашают совершить должностное преступление и предлагают за это взятку? Наверное, именно те слова, которых Карпов не произнес. Он задумался, а Кирсанов, чтобы не мешать ему, удалился до скорого свидания.

Вернулся Кирсанов в марте. Раздумья Карпова к тому времени завершились положительно: 17-го числа сего месяца он подписал распоряжение о назначении Кирсанова бригадиром на ремонт холодного склада № 2, а 18-го укомплектовали новообразованную бригаду двумя плотниками, прибывшими по зову Кир-

санова. Собственная бригада рыбкоопа была отстранена, а чтобы старожилы не роптали из-за варягов на председателя, Кирсанов принял к себе под начало ее вожак Стрыгина и местного уроженца Нанаву. 25 марта бригада приступила к исполнению своих обязанностей, и Карпов быстро увидел, что слово у нового бригадира не расходится с делом.

Как личность Кирсанов не вызывал подозрений. То обстоятельство, что он был судим, никому не давало права отказывать ему в работе, — это противоречит принципам советского общества. Тем более что и судили-то его не за какое-нибудь особо опасное преступление, а за незаконную охоту и приговорили всего к двум годам лишения свободы условно, с обязательным привлечением к труду в местах, которые укажут, да к тому же за хорошее поведение был Кирсанов 16 января сего года освобожден условно-досрочно на 11 месяцев и 2 дня раньше, и вот прямо из уральского города Белорецка приехал в Аксарку искать работу по душе.

Нет, недавнее прошлое Кирсанова не должно было пугать председателя — это нормально. Но его не пугало и ближайшее будущее, которое ему готовил Кирсанов, — в этом виден трезвый расчет. Ведь Карпов сознавал, что договор с Кирсановым преступен, что законным путем получить восемнадцать тысяч рублей вместо заработанных двух невозможно! Он и механизм изъятия денег из кассы отлично себе представлял, хотя и был молодым еще руководителем. И все же не боялся последствий. Почему? Вероятным кажется единственное объяснение: Карпов был уверен в безнаказанности — в этом чувствуется глубокий цинизм. Что касается механизма изъятия, то никаких секретов в нем нет, он доступен даже пониманию лирического тенора с первого курса консерватории. Он успешно применяется на всех широтах и долготах необъятной страны, независимо от климата. Он позволяет производить столько различных махинаций, сколько страниц в Большой Советской Энциклопедии. Пружина его — приписка...

Через месяц ремонт холодного склада № 2 был закончен, и Кирсанов приступил к ответственной операции. Если считать по самым высшим расценкам, бригада из пяти человек заработала честно около двух тысяч рублей (что совсем неплохо). По договору с председателем Кирсанову следовало получить с рыбкоопа еще 18 тысяч. Такую сумму на пятерых не распишешь — даже и по сверхвысоким ставкам. Ее надо расфасовать в финансовой документации так, чтобы каждая порция выглядела пристойно и не дразнила бы возможных ревизоров и обитателей Аксарки. Грубо говоря, требовалось развести пожизне.

Кирсанов включил в список бригады еще семь фамилий. Они принадлежали живым, реально существующим в поселке людям, так что считать их «мертвыми душами» нельзя. Но это было недостаточно. Делимое в сравнении с делителем все-таки казалось несуровым. Тогда Кирсанов растянул сроки — составил фиктивные таблицы, согласно которым на ремонте склада № 2 в январе работало одиннадцать человек, а с 1 февраля по 24 марта — тринадцать. Таким образом, восемнадцать тысяч раздробились на мелкие кусочки, не вызывающие ни подозрений, ни зависти.

Но как раздуть детский воздушный шарик до размеров монгольфера — как действительно произведенный объем работ (1827 р. 47 к.) увеличить в десять раз на бумаге? Для этого существуют проверенные способы. Кирсанов, со-

ставляя наряды, вписал в них работы, которых на складе никто никогда не производил, а то, что на самом деле производилось, умножил где на два, где на три. Подсчитав и увидев, что эти арифметические действия не дают искомой суммы, решил задачу, применив завышенные расценки и так называемый районный коэффициент.

Тут надо на минуту оставить Кирсанова за сочинением липовых нарядов и сказать несколько слов о больном для многих мест вопросе — поощрительных коэффициентах и зарплате, существующих в определенных районах.

Неспециалисту трудно разбираться достоинства и недостатки этой системы, но что она далека от совершенства — видно всякому. В ней изначально заложен вирус, провоцирующий вполне добропорядочных администраторов, озабоченных поиском недостающих рабочих рук или удержанием имеющихся, на финансовые нарушения. Ведь бывает так: два человека живут на одной улице, занимают одинаковые должности, основная, исходная зарплата у них тоже одинаковая, например, двести рублей, а фактически один получает триста сорок, другой — триста. Почему? Они, оказывается, работают в разных организациях. В одной коэффициент 1,7, в другой — 1,5. И тому, кто получает больше, рекомендуется помалкивать. Оттого и не принято среди новоиспеченных северян хвастаться большими заработками, и суровый северный нрав в данном случае ни при чем.

Или, скажем, так: поселок от поселка отделяет всего десять километров. В одном, что называется, чихнут — из другого «будь здоров» услышать можно, мороз и ветер одинаковые, а коэффициенты разные, по проценту на километр, — только потому, что между ними протекает невидимый магический Полярный круг, ощущаемый людьми, если можно так выразиться, лишь через карма.

Для шкурников же и нечистых на руку дельцов разницей в коэффициентах — безотказная универсальная отмычка к любой кассе, где выдаются деньги. Кирсанов с помощью липового коэффициента (подумаешь, какая-то там десятая доля!) сумел похитить в общей сложности 4605 рублей. Как отнять у хищников отмычку? — вопрос не новый, но не ставший со временем менее болезненным. Жаль, что к нему вроде уж и притерпелись...

Итак, бригадир Кирсанов, честно попотев за письменным столом, приготовил фантастическую документацию — наряды и таблицы. Председатель Карпов утвердил их к оплате, поставив свою подпись. Но все эти испещренные цифрами листки остаются пока что обыкновенными бумажками, не имеющими никакой цены, кроме номинальной макулатурной. Чтобы превратиться в денежные знаки, они должны пройти еще одну инстанцию. Власть руководителя не безгранична — она кончается у порога бухгалтерии вверенного ему учреждения, и лишь Галина Александровна Мезинцова, старший бухгалтер рыбкоопа, наделенный правами главного, может вынести окончательное решение — платить или не платить. Понятно, что этому непременно предшествует решение другого вопроса: законно или незаконно? Всем известно: главный бухгалтер — неподкупный и неусыпный страж казны. Но этот постулат, как и многие иные, безусловно вроде холодно-го склада № 2, а о сотрудничестве вообще. И с перспективой.

Мезинцова все отлично видела и понимала, однако дутые документы приняла, начисления произвела, распорядилась, расходные кассовые ордера и платежные ведомости на зарплату утвердила. Она была «в курсе». Кирсанов еще раньше имел с ней доверительную беседу. И речь у них шла, по всей вероятности, не о каких-то отдельных объектах вроде холодного склада № 2, а о сотрудничестве вообще. И с перспективой.

Был начислен и выплачен 19 531 рубль, из них незаконных — 17 703 рубля (не осилил все-таки Кирсанов, недотянул до круглых восемнадцати тысяч).

В пору летнего солнцестояния, когда солнце в Приполярье не опускается за горизонт, средь бела дня Кирсанов навесил Карпова и Мезинцову на дому и дал ему пятьсот рублей, ей — триста.

С мыслями о перспективе еще раньше, в апреле, Кирсанов, Карпов и Мезинцова однажды отправились втроем на территорию продовольственной базы — определить объект для будущего ремонта. Это называлось у них «осматривать фронт работ». Выбор пал на холодный склад № 1. Критически оглядев его, Кирсанов назначил цену — 24 450 рублей. И добавил: «Не обижу». Карпов и Мезинцова не хуже бригадира знали, что работы здесь не наберется и на три тысячи. Но охотно согласились.

Официально ремонт склада № 1 производился с 6 июня по 17 июля. Что и как там делалось — никого не интересовало, да оно и не суть важно. Главный результат в том, что по уже обкатанной схеме — посредством приписок и подставных лиц — бригаде было начислено 27 762 рубля. Да, кроме того, в эти же самые сроки Кирсанов ухитрился отремонтировать на продбазе еще один объект — теплый склад. Там сумма была скромнее — 7762 рубля. Обожравшийся Кирсанов заглотать ее в июле не мог — не лезло. Ее можно было зарыть до осени, впрок, что он и сделал, датируя табель учета рабочего времени, в котором фигурировало девять подставных, октябрём месяцем.

В июле председатель Карпов и бухгалтер Мезинцова получили от Кирсанова, опять же на дому, по тысяче рублей.

Так как на продбазе объектов для приложения сил больше не оставалось, Кирсанов с Карповым поговещались и решили, что настала пора ремонтировать пирс и лежневую дорогу. Хорошо отлаженный процесс не должен был прекращаться.

В ноябре Кирсанов сочинил, а Карпов и Мезинцова утвердили и подписали кассовые ордера и ведомости на 26 036 рублей.

Кирсанов встретил старшего бухгалтера Мезинцову в приемной председателя и вручил ей пятьсот рублей. А самому председателю не дал на сей раз ни копейки. Это кажется несправедливым со стороны Кирсанова, но на самом деле он не собирался обижать председателя. У них между собой были свои особые счеты. Какие — разъяснится впоследствии, а пока можно подвести некоторые промежуточные итоги.

За восемь месяцев, с 25 марта по ноябрь, из кассы рыбокооп незаконно изъято 61 145 рублей. Как же они распределялись? 1500 получил Карпов, 1800 — Мезинцова. Оставляя без внимания подставных лиц, нельзя забывать тех, кто действительно что-то делал. Им, конечно, платили, и немало. Например, тому же упоминавшемуся выше Нанаве бригадир положил в карман 5133 рубля, другим — поменьше (их было то двое, то трое), но зато Нанаву и расплатился вскоре страшной ценой. Доля бригадира, как и положено, была львиной и исчислялась в десятках тысяч.

Не хотелось бы по поводу нечистых бешеных денег предаваться бесполезным рассуждениям того типа, что в просторечии называется разговорами для бедных, но все же... Глядишь на таких, как Кирсанов, Карпов, Мезинцова, и просто оторопь берет. Ну откуда эти жадные глаза и ненасытные потребности? Ведь непривычны они ни к белым «мерседесам», ни к шелковому постельному белью, не летают из Аксарки в Париж и Диору заказывать платье. А с другой стороны — не висит над ними даже затупившийся от долгого употребления тот самый дамклов меч безработицы, о котором они каждый день слушают по радио или телевизору в своих уютных квартирах с сознанием далеко не призрачного благополучия. Булатный символ представляется им в виде сувенирного топорика на бронзовой цепочке, какие вешают люди с шикарным вкусом на стене у себя в прихожей. Их дети сыты, обуты-одеты, а если кому требуется выдернуть молочный зуб — пожалуйста, сколько угодно, никто не потребует грабительски ни тысячу долларов, ни иен, ни франков и даже вообще ни рубля. Так в чем же заграда? Чего им хоцца? Нет, бесцельны гневные тирады, ни к селу ни к городу тут дамкловы мечи и людоедские обычаи заонежанских зубных врачей. Кирсанова с Карповым такими пропагандистскими штучками не застрашаешь, они не то что зуб — конечность оторвать не пожалуют, хоть свою, хоть чужую. И это не пустое красноречие, — они это докажут на факте...

Ремонтной бригаде предстояло осваивать новые глубокие в буквальном смысле слова горизонты: Карпов заключил с Кирсановым со-

глашение о строительстве мерзлотника. Под этим неблагозвучным названием скрывается обыкновенный холодильник, только очень большой. Аксарка расположена в зоне вечной мерзлоты. Можно выкопать в земле яму, обшить ее тесом или пластиком, накрыть сверху баракором-коробкой — и готов холодильник с морозильником на несколько тонн. И электроэнергия ни киловатта.

С этого объекта Кирсанов рассчитывал получить много денег: сметную стоимость строительства определили в 74 944 рубля. Но прежде чем заняться приписками, необходимо вынуть 2030 кубических метров грунта. А вечная мерзлота почти гранитная порода. Если действовать обычными механическими средствами, например, отбойными молотками, перфораторами, придется ломать горб. Однако существует и другое, чудесное, прогрессивное средство — взрыв, получивший красивое имя «созидательный». А в Салехарде есть горнотехническая инспекция, которая ведает всем, что имеет отношение к взрывам. Порасспросив у старожилов о семейном положении начальника инспекции А. У. Зайнутдинова, Кирсанов приобрел белые собачьи унты, женские и детские бурки и отправился в Салехард.

Кирсанов был убежден, что купить можно любого. Искренно жаль, что такой человек, как Зайнутдинов, горный инженер, партийный, семьянин, не опроверг этого. Он принял унты и бурки. Наизусть зная инструкции и законоположения, в том числе и статьи уголовного кодекса, касающиеся взрывчатых веществ, он, не задумываясь, выдал Кирсанову документ, разрешающий приобретение, транспортировку и хранение этих веществ, на что у Кирсанова не было никакого официального права. 27 ноября Зайнутдинов подписал акт приемки кратковременного склада взрывчатых веществ в Аксарке, не видя его.

Вскоре Кирсанов стал обладателем целого арсенала средств, необходимых для производства горных работ, и дело на строительстве мерзлотника закипело.

Так как обращение с динамитом, пироксилином и т. п. требует специальных знаний и навыков, а Кирсанов их не имел, в бригаде ответственным за взрывные работы был поставлен А. Д. Трифонов, имевший на то соответствующее разрешение. Он строго, как и положено, соблюдал технику безопасности, но Кирсанову это не нравилось. Бригадир, ворочающему десятками тысяч, все ни почем, он и горами ворочать может, ходить в какой бы то ни было узде он не желает. Переняв от Трифонова самые необходимые приемы, Кирсанов решил, что обойдется и без него. 5 января 1984 года бригадир отстранил Трифонова от работы, чтобы не мешался со своими «нельзя», «не так». 7 января Трифонов сообщил начальнику горнотехнической инспекции Зайнутдинову, что в рыбокоопе на строительстве мерзлотника грубо нарушаются правила техники безопасности. Зайнутдинов не обратил на это внимания. Взрывы продолжали грохотать, оборотистый бригадир расправился с гремучим веществом, как повар с картошкой, а у председателя Карпова были все основания радоваться, что благодаря применению прогрессивной технологии рытье ямы происходит ускоренными темпами. Дело в том, что по негласному договору с Кирсановым 330 кубических метров этой ямы принадлежат ему, Карпову, — в том смысле, что на них когда придет срок, будет выписан отдельный наряд на 8500 рублей, и деньги эти получит Карпов. Таковы были особые счеты между председателем и бригадиром, потому и пренебрегли они по обоюдному согласию ничтожной взяткой, полагавшейся после пирса и лежневой дороги.

25 февраля Кирсанов во главе своих добрых молодцев сделал председателю, день рождения которого отмечался 23-го, трудовой подарок. Произошло это так.

Сам Кирсанов электробуром пробивал в яме шпур. Кабель электробурора змеился под ногами. Неподалеку лежали заряды и электродетонаторы к ним. Умелец Нанаву, понятия не имевший о природе взрыва, но слепо веривший во всемогущество бригадира, исполнил его приказ. Взяв в левую руку детонатор, он собирался соединить его с зарядом. Если бы тут присутствовал грамотный взрывник, например, Трифонов, он бы сказал Кирсанову: так нельзя — инструкция запрещает заряжать взрывоматериалы при включенных источниках электроэнергии. Но некому было сказать это Кирсанову, да он бы и не послушал.

Нанаву не успел соединить электродетонатор с зарядом. Детонатор взорвался у него в руке. В судебном деле об этом записано так: «вследствие нахождения в месте заряжения неотключенных источников электроэнергии, нарушения изоляции на электропроводах» Нанаву получил тяжкое телесное повреждение «в виде травматической ампутации левой кисти, вызвавшей стойкую потерю трудоспособности в размере 60%».

Все в жизни изведал Кирсанов: падения и взлеты, безвестное прозябанье и неограниченную власть. Вот уже людям и руки отрывают

по его милости. Кажется, пора бы и урезонить, и без того в поселке ходят слухи: нечисто, дескать, у бригадира с председателем.

Позвольте, а что случилось? Обыкновенная производственная травма. Вина сам пострадавший — нарушил инструкцию. Ах, он не мог ее нарушить, потому что вообще никакого инструктажа бригадир не проводил, по той элементарной причине, что сам никогда ее не читал и вообще не имеет права на взрывные работы? Это неверные сведения — право у Кирсанова имеется...

Так обставил дело начальник горнотехнической инспекции Зайнутдинов, прибывший в Аксарку расследовать ЧП. Так он записал и в акте. Чтобы этот акт выглядел не совсем лживым, Зайнутдинов выписал Кирсанову разрешение на производство взрывных работ и датировал его задним числом — 7 декабря 1983 года. А чтобы ни у кого не возникало сомнений и мыслей о противозаконности, надо показать, что ничего особенного не произошло, что все в порядке вещей. И начальник инспекции разрешил бригадире продолжать.

Кирсанов вскоре наведлся в Салехард и оставил на письменном столе в кабинете начальника инспекции тысячу рублей, а начальник, придя домой, спрятал их в тостере, который гораздо позже, при обыске, был обнаружен почему-то на антресолях (как объяснит начальник, он хранил деньги с благородным намерением передать их когда-нибудь какому-нибудь интернату или дому ребенка). Вот куда шагнул безупречный в прошлом человек, обу-тый бригадиром Кирсановым в белые собачьи унты...

Меж тем история близилась к концу. Кирсанов сочинил наряды и табели по мерзлотнику — и на себя, и на долю Карпова (те самые 330 кубических метров грунта), Карпов их подписал. Деньги, однако, получить не успели. 20 апреля арестовали бригадира, 23-го — председателя. А потом и Мезинцову, а потом уже и Зайнутдинова. Суд приговорил Кирсанова к 13 годам и приплюсовал еще тот срок, который он не отбыл по первой судимости. Карпову определили одиннадцать лет, Мезинцовой и Зайнутдинову — по девять. Всем четверым — с конфискацией имущества. Они подавали кассационные жалобы в Верховный суд РСФСР (видимо, считая себя осужденными не по справедливости). Приговор оставлен без изменений.

Можно произносить дежурные слова «сколько веревочке ни виться». Но...

Мысль о неотвратимости наказания за любое преступление, конечно, утешает. Однако не вызывает большого оптимизма тот факт, что еще одна преступная компания приведена к порядку. Кирсанов орудовал нагло, прямо-таки с демонстративным пренебрежением к окружающим, да еще и салютовал самому себе взрывами. Хищения в Аксарке легко поддавались разоблачению. Но сколько их, «строителей» покрупнее и помельче, действующих тихо и скромно. Широки поля деятельности, щедры источники — особенно для залетных. Кстати, возникает невольное недоумение: отчего это так повелось, что в среде шабашников наблюдается стойкая тяга к «встречным перевозкам»? В нечерноземные и северные края едут рыть арыки мастера из Узбекистана или Молдавии, на Кавказе и в солнечных азиатских республиках стучат топорами плотники из-под Костромы и Архангельска. И отчего различные председатели, директора, управляющие предпочитают пришлох шабашников? Не оттого ли, что с ними можно кашу сварить, а со своими местными как-то неудобно? Однако это частность...

Хищение в Аксарке — заурядный в общесте случай, обыкновенный. Но именно распространенность подобных историй вызывает острую тревогу. Иной кирсанов, благополучно украв у государства полмиллиона, ставит на виду у всех белокаменный дворец с бассейном под каррарский мрамор, и никто у него не спросит, на какие шиши. Он ведь не подписывал декларацию, что существует исключительно на свою кровную зарплату. Органы по борьбе с хищениями социалистической собственности вскрывают нарыв за нарывом, но это не излечивает болезни. Вероятно, необходимы более радикальные и широкие меры, которые обеспечат только строгий механизм финансового контроля.

Латышская советская кинематография вместе с республикой отмечает в этом году свое сорокапятилетие. Количество полнометражных художественных фильмов перешагнуло за сто. В четыре раза больше создано документальных и научно-популярных фильмов. Ныне на Рижской киностудии работают режиссеры, произведения которых известны всей стране: лауреат Государственной премии СССР Алоиз Бренч, Янис Стрейч, Дзидра Ритенберг, Ада Неретниеце, Варис Брасла, создатель своеобразных, отмеченных мягким лиризмом и добрым юмором кукольных фильмов Арнольд Буровс.

И сегодня в павильонах и на съемочных площадках снимается кино.

...Действие нового художественного фильма Рижской киностудии «Фронт в отчем доме» (режиссер Э. Лацис) происходит в последний год войны. Фронт стремительно идет на запад, до освобождения Риги остаются считанные дни.

Освобождение... По-разному толкуют это слово герои фильма. Для Карлиса Пайпалы (артист Э. Павулс) оно однозначно связано с возвращением к мирному укладу жизни. По природе своей он сеятель, и руки его крепки и привычны к крестьянской работе.

XVIII Всесоюзном кинофестивале в Минске он не остался незамеченным. Приз «Память», которым награжден этот латвийский фильм, не был учрежден при подготовке кинофестиваля. Но тема латышского фильма, глубокое и яркое ее отражение, острый взгляд на становление послевоенной жизни, значительность человеческих судеб позволили жюри фестиваля учредить для фильма специальный приз.

Документальное кино Латвии имеет свои традиции, свой стиль, сочетающий точность факта с философским осмыслением событий и стремлением показать жизнь и людей не только достоверно, но и с убеждающим психологизмом, точно уловить преобразующие приметы времени. «Репортаж года», «Женщина, которую ждут», «255 000 000 лиц», «Кулдигские фрески», «След души» — разные по жанру, но одинаково заставляющие задуматься над важными проблемами нашей жизни картины.

На традиционном симпозиуме документалистов Прибалтики, проходившем в литовском городе Рокишкисе, кинематографисты и критики посмотрели и обсудили картины, созданные в этом году. Во время дискуссии особенно много споров вызвал основанный на случаях из судебной практики фильм Герца Франка «До опасной

Ровесница республики

Его брат Антонс Пайпала (Г. Цилинский) мыслит шире и глубже. Для него освобождение от нацизма, с которым он боролся и в партизанском отряде, и в действующей армии, — возвращение не только к мирной, но и той справедливой жизни, что накануне войны дала право и возможность таким, как Карлис и другие хуторяне округи, расправить плечи, почувствовать себя людьми.

Фильм, созданный по роману Бруно Саулитиса «Ясеновая аллея», показывает, как непросто выжить, выстоять в огне последних боев, сделать правильный выбор, сохранить совесть, человеческое достоинство, жизнь, истинную верность отчужденному и земле, на которой родился и жил. В конкурсных просмотрах и ретроспективном показе фильмов о Великой Отечественной войне на

черты», своеобразное философско-социологическое исследование конфликтных ситуаций и судеб. Негативные примеры нашей повседневной жизни убедительно доказывают нам, зрителям, как страшны и опасны пьянство, равнодушие к детям, вседозволенность, грубость, нравственная опустошенность. Не случайно лента удостоена главного приза по разряду документальных фильмов на XVIII Всесоюзном кинофестивале.

Рижские документалисты продолжают работу. Режиссер Ивар Селецкис приступил к «высотным» съемкам. Его новая картина называется «Латвия с птичьего полета» и посвящена современному дню республики, ее труженикам.

Т. ЯССОН

Рига.

Более чем в тридцати фильмах снимался народный артист Латвийской ССР Гирт Яковлев * Идет озвучивание фильма * Рабочий момент съемки фильма «Смерть в штрафной площадке» * Популярная актриса театра и кино Мирдза Мартинсоне * Здесь создаются «мультики» * Снимается фильм о творчестве народного артиста СССР Раймонда Паулса.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ТВ

НЕ УМЕВШИЙ СДАВАТЬСЯ

У детской мечты большие крылья. Для нее нет, кажется, ничего невозможного, особенно если видишь вокруг цветущую, зовущую, добрую землю, лица любимых и понимающих тебя близких, если чувствуешь себя сильным и ловким, если убежден, что весь мир открыт для тебя.

Юный Алан мечтал стать писателем с детских лет, привык жить взахлеб, не переводя дыхания, веря, что любую трудность он может или научится преодолеть. Таким он предстает перед нами в первых кадрах девятисерийного художественного фильма «Я умею прыгать через лужи», снятого австралийской телевизионной компанией по одноименной автобиографической трилогии известного австралийского писателя Алана Маршалла. Было бы слишком просто назвать этот фильм историей мальчика-калека, вступившего в борьбу с тяжким недугом и ценою великих усилий ставшего сильным и мужественным человеком, писателем, защитником униженных и бесправных.

В семье Маршаллов и их соседей, простых фермеров-скотоводов, в судьбах рабочих-обувщиков и мелких служащих с их маленькими радостями и большими бедами, чувством постоянной неуверенности в завтрашнем дне и наперекор всему пробивающимся к жизни и надежде видится образ трудовой Австралии двадцатых — тридцатых годов, захваченной страшным экономическим кризисом «гневно» десятилетия, когда миллионы людей оказались разоренными, бездомными, голодными, потерявшими прошлое и лишенными будущего. И в такое вот время мальчик на костылях учится «прыгать через лужи» — в одиночку пробиваться в жизни: обивает пороги в поисках работы, служит мелким клерком, бухгалтером, ночным сторожем и, не расставаясь с блокнотом, записывает сначала чужие истории, а потом слова, продиктованные сердцем, своей совестью.

Кроме Алана Маршалла, в работе над сценарием принимали участие Клифф Грин, Соня Борг, Роджер Симпсон. Пожалуй, наибольшей удачей представляются фильмы о маленьком Алане. Присутствие юного актера Адама Гарнетта на экране никак не назовешь игрой.

Алан Маршалл во время съемок.

Этот круглолицый светлоглазый мальчуган с лицом, готовым в любую секунду расцвести улыбкой, тянущийся к людям, на наших глазах совершает подвиг самоутверждения. С первых неуверенных шагов на костылях он не дает себе пощады. И мы воочию видим, как это нечеловечески трудно — научиться преодолевать дальние расстояния, не уступая здоровым товарищам, лезть по лесистым горам, крепко держаться в седле, плавать, спускаться в кратер потухшего вулкана, поколотить обид-

Адам Гарнетт в роли Алана.

чика-задиру, бесчисленное множество раз падать от усталости или просто оттого, что перевернулась тележка, но никогда-никогда не считать себя страдальцем, жертвой, побежденным.

И еще один подвиг увидели мы на экране — подвиг родительской любви. Мужественные и мудрые люди, зажав в кулак собственные страдания, отец и мать делают все, чтобы внушить сыну простоту, но бесспорную мудрость: «Если ты сам не сдашься, тебя никогда не одолеют». Лучший объездчик лошадей в Туралле, отец мечтал научить единственного сына всему, что знает сам. Наверное, он мог бы от отчаяния замкнуться или, еще того хуже, сочтя себя неудачником, отравить жизнь семье, и прежде всего мальчику. Сдержанный, полный внутренней силы и скрытого, но осязаемого тепла, актер Тони Берри находит в сердце своего героя деятельную любовь к сыну, которая закаляет его и учит тому, что пригодится в жизни...

Режиссерскую работу Кевина Добсона, Кейта Уилкса и Дугласа Шарпа отличают ясный, последовательный реализм, умение показать происходящее доступным языком правды, которая понятна всем. И это верно. Все, что связано с Аланом Маршаллом, несет в себе особый отсвет честности и простоты и оттого не нуждается в кинематографических изысках и псевдодоваторских приемах. Глядя этот фильм, не просто сопереживаешь увиденному, но и размышляешь о чуде человеческого духа, об активной, действенной доброте, о том, как важно испытать чувство товарищества, душевное тепло и умение делиться им с близкими.

И. МИЗЕНЧИКОВА.

В 1984 году наш журнал опубликовал статью Дмитрия Димова «Врачи без дипломов» («Огонек» № 52). Статья вызвала много писем, читатели просили продолжить разговор о человеке и собаке в городе.

Дмитрий ДИМОВ

...Как-то, глядя в окно вагона электрички, мой пятилетний сын удивленно воскликнул:

— Папа! Смотри — коза на поводке!

На откосе, привязанная хозяином на веревке к колышку, щипала траву длиннорогая пятнистая коза. Действительно, словно собака, на длинном поводке. Подобная ситуация малышу была прекрасно знакома с годовалого возраста. Золотистый кобель чау-чау стал его первым товарищем в играх. С козами, коровами, лошадьми и прочим животным миром сын познакомился гораздо позднее. Оно и понятно: у городского ребенка собака зачастую становится первым осязаемым представителем братьев наших меньших, первым мостиком к живой природе.

Тысячи лет назад мудрые старики утверждали: если в граде нет детей и собак, град обречен, он умрет. Сопряжение детей и собак здесь не случайно.

Известно, что почти каждое дитя рано или поздно выражает желание получить в подарок собаку. Именно собаку, а не черепаху, морскую свинку или попугая — эти животные обычно навязываются детям родителями насильно. В чем же привлекательность собаки для детской души? Особые отношения связывают ее и детей.

Известный французский ученый Фернан Мери в своей книге «Собака и ее тайны» пишет: «Надо отметить тайну прирожденной симпатии, которая существует у собак по отношению к детям. Эта симпатия столь всеобща и аномальна (какое другое животное согласилось бы на то, чтобы малыш дергал его за уши, совал пальцы в пасть или тыкал ими в глаза), что существует даже теория: организм маленьких детей, более богатый калием и магнием, нежели у взрослых, выделяет якобы особый запах, к которому чувствительны собаки. Когда ребенок подрастает, эта особенность пропадает».

Очень интересная гипотеза! Но если из области догадок обратиться к бесспорным фактам, то очевидно: ребенок для собаки нечто особо дорогое, можно сказать, самое ценное в собачьей жизни.

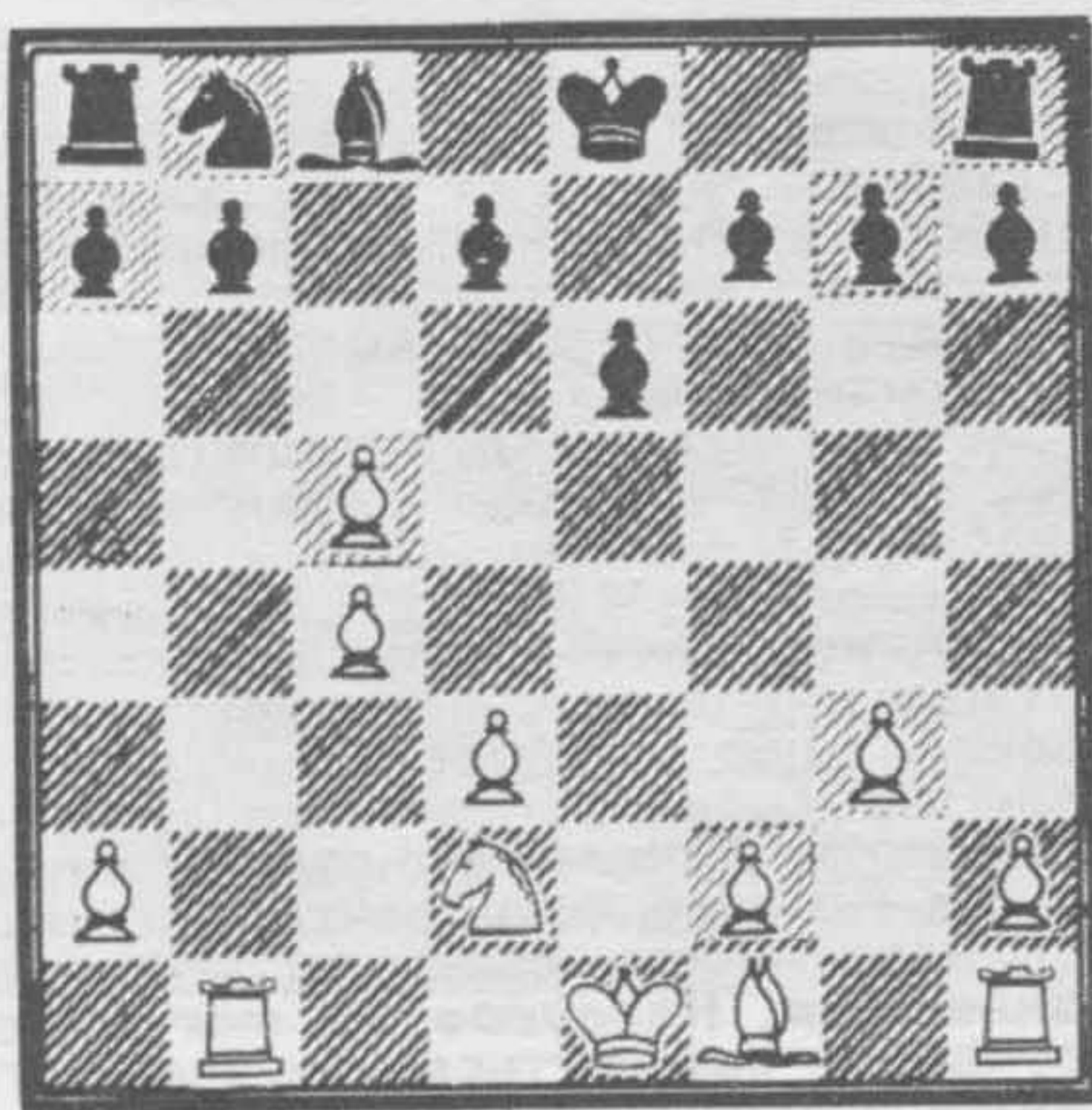
Дикая собака — волк — тоже относится к человеческим детям по-особому. Как утверждают опытные охотники, волчица никогда не причинит вреда малышу, если тот случайно окажется в лесу, но затащит его в логово, даст сосцы, постарается выкормить. Вот почему никого не удивляют истории о детях, воспитанных волками. А древняя легенда о Ромуле и Реме явно имеет под собой реальное основание.

Чем, собственно, собака ближе ребенку, нежели кошка, черепаха,

Этого момента шахматный мир ждал с особым нетерпением. Слишком много спорных и интригующих вопросов породил предыдущий поединок, и только новому матчу дано ответить на них с полной объективностью и убедительностью.

Когда 3 сентября чемпион мира и претендент привычно заняли места за шахматным столиком, казалось, что и не было полугодовой паузы в их увлекательном соперничестве. Внешне все выглядело, как прежде, — тот же дружеский ритуал приветствий, та же естественная внутренняя возбужденность в связи с торжественностью момента. И все же чувствовалось, что это не прямое продолжение давно начавшейся дуэли. На этот раз все начиналось сначала — при новом динамичном регламенте, при новом творческом статусе обоих соперников, умудренных полустадийным опытом предыдущих встреч.

Уже первая партия должна была приоткрыть завесы над некоторыми тайнами их подготовки, наметившейся стратегией, боевого настроя — служить своеобразной прикидкой сил. Известно, что у первой партии и предназначение особое. От ее результата и самого характера развернувшихся событий порой зависит настроение и творческое состояние шахматистов по крайней мере на стартовый период. Поэтому в ней важно все: и выбор дебюта, и темп игры, и сюжет. Даже цвет фигур небезразличен для соперников в день первой встречи. Здесь Г. Каспарову посчастливилось. Покровительница шахмат Каисса уже на жеребьевке словно позаботилась о своей репутации лояльной и беспристрастной богини и, памятуя, что в прошлом поединке она отдала предпочтение чемпиону мира, на этот раз преимущество выступки передала претенденту. И, судя по всему, Каспаров оценил этот знак благосклонности... Так или иначе, но в первой партии цвет оказал существенное влияние на ход борьбы.

Достаточно беглого взгляда на диаграмму, чтобы понять, что черные проиграли дебютное сражение. Если даже по формальному признаку подсчитать количество полезных для развития темпов, получится необычное сочетание — семь у белых и одному у черных! Причем даже не видно перспектив, как черным мобилизовать свои силы ферзевого фланга, — пешка c5 блокирует все их шлязы. Когда в пресс-центре обсуждалось это положение, самым убедительным оказался довод Э. Гуфельда. Остроумный гроссмейстер прервал дискуссии шуточной репликой: «Если кто-либо сомневается в трудностях черных, пусть спросит мнение... слона c8!»

Так как же могло случиться, что чемпион мира, великодушный знаток теории и большой специалист в защите Нимцовича, оказался уже к тринадцатому ходу в столь бесперспективной ситуации? В чем его просчет? Можно только гадать, почему несколько ранее Каспаров предпочел надежным, апробиро-

ванным теоретическим путем явно экспериментальный план, рассчитанный скорее всего на внезапность. Но, судя по времени, затраченному на обдумывание (к этому моменту он израсходовал уже более часа, а Каспаров — всего 10 минут), чемпион мира не ожидал предложенной ему темы диспута и сам долго колебался в своем решении...

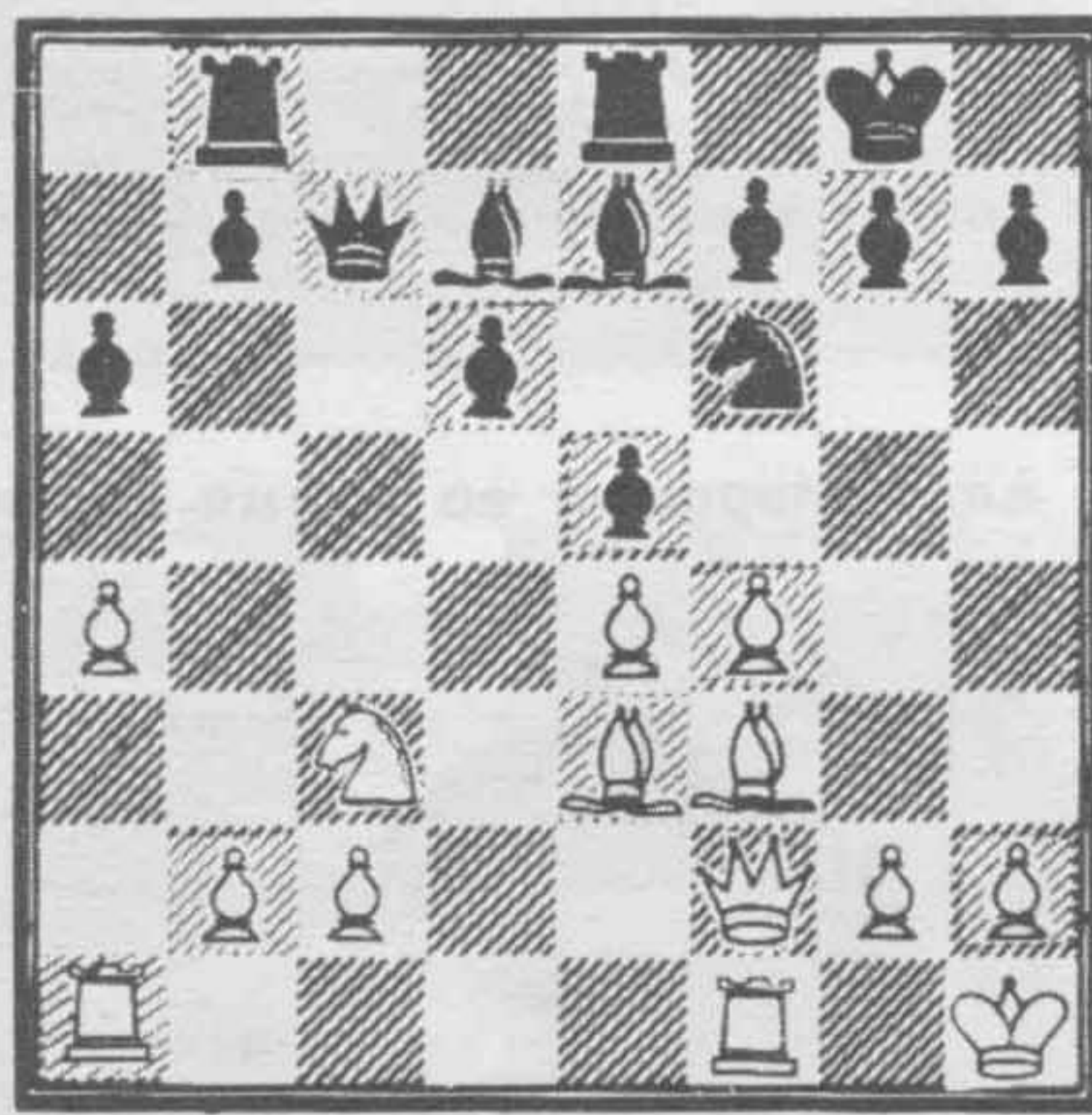
Так или иначе, но дальнейшая борьба происходила под знаком нарастающей инициативы игравшего уверенно и последовательно Каспарова, и даже присущее Карпову упорство в защите не могло компенсировать рискованность его дебютной стратегии. Хотя партия и была отложена, не требовалось много времени, чтобы установить бесспорный диагноз — продолжение не сулило надежд на спасение, — и чемпион мира по телефону признал свое поражение.

Это было принципиальным успехом Каспарова. Претендент не только одержал первую победу, но, что особенно важно, одержал ее первым.

Тем с большим интересом ожидалось продолжение поединка. Какую тактику выберет чемпион мира после неудачи? Ведь в блистательной матчевой практике Карпова ему еще никогда не выпадало доли отстающего. Ответ на это был получен сразу и исчерпывающий — борьба во втором поединке по своему накалу превзошла все ожидания.

В зале Чайковского привычно звучат симфонии великих музыкантов. На этот раз в нем была исполнена симфония великих шахматистов. Исполнена «con brio»¹ по всем законам гармонии и в классической строгой форме — с многозначительным вступлением, могучей главной темой борьбы за инициативу, с побочной темой, отраженной в тактических мотивах фигурной игры, с захватывающей сложностью разработанной и, наконец, оптимистичным финалом, примиряющим все конфликты. Эти музыкальные ассоциации не случайны. Достаточно было видеть завоороженный впечатлениями зал, чтобы вспомнить крылатую фразу выдающегося шахматиста прошлого Зигберта Тарраша: «Шахматы, как и музыка, могут сделать человека счастливым!»

Чтобы не быть голословным и в какой-то мере приобщить истинных ценителей шахмат к красоте замыслов соавторов этого произведения, приведу его центральный фрагмент:

Это положение возникло после 16-го хода белых. По всем стратегическим канонам Каспаров мог здесь разрядить обстановку в центре и после напрашивающегося продолжения 16...ef 17. Cf4 Lb8 (или 17...Ce6) спокойно смотреть в будущее. Но именно спокойствия претендент не хотел. Его парадоксальный маневр 16...Ce6 был дерзким вызовом на бескомпромиссный бой. Карпов не был вынужден пойти навстречу замыслу партнера. При желании он мог сохранить спокойный характер игры, скажем, маневром 17. Lfd1. Но чемпион мира не из тех, кто равнодушно взирал на брошенную перчатку. Принципиальным ответом 17.f5 с дальнейшим форсированным продолжением —

17... Ce4 18. Cb6 Fc8 19. Lfc1 — Карпов смело принял вызов и развернулось грандиозное сражение с не поддающейся рациональной оценке стремительной сменой ситуаций. Последовало:

19...d5! 20. b3 (ответим, что на 20. ed неприятно возражение 20...Cb4) 20...Cb4 (не годится 20...de ввиду 21.K:e4) 21.Ka2! (на 21.K:d5 придается считать с 21...C:d5 22.ed e4!) 21...Ca3 22.bc C:c1 23.K:c1 F:c4 24.ed e4! 25.Ce2 F:c2.

Пора сделать передышку и оценить последствия первой фазы тактических осложнений. На стороне белых некоторый материальный перевес, и, стоит им наладить взаимодействие фигур, их шансы сразу станут предпочтительнее. Но инициатива пока принадлежит черным, чьи силы лучше скоординированы. Борьба теперь принимает характер дуэли на краю пропасти. Каждый шаг должен быть выверен.

26.Fd4! Lvc8! 27.h3! «Форточка» для короля, во всяком случае, полезна...

В коротком обзоре нельзя исследовать все тайны глубоких решений соперников. На это потребуются рефераты и время. Но для характеристики возможностей, оставшихся за кулисами, приведем лишь несколько наиболее впечатляющих вариантов. К примеру: 27. d6 F:c1+!! 28.L:c1 L:c1+ 29.Cd1 e3 30.d7 e2! 31.deF+ K:e8, и, несмотря на подавляющий материальный перевес, белые должны сложить оружие. Или другой: 27.Cd1 F:c1!! 28.L:c1 L:c1 29.Fd2 Lb1 30.Cg1! (В случае 30.Ce3 Kg4! 31.Fc2 L:d1+ 32.F:d1 K:e3 33.Fd2 Kc4 34.Fe2 e3! белым нелегко защищаться) 30... e3 31.Fd3 L:d1 32.F:d1 e2 33.Fe1 K:d5 34.Cf2 Kf4 35.Fd2! Kd3! 36.Ce1 K:e1 и здесь не 37.F:e1 ввиду 37... b5, а неожиданно 37. Fd7! и белые спасаются. Не правда ли, красиво? И это только часть из обогативших рифов...

27...e3 28. d6! Снова лучший контршанс. В случае 28.Cf3 очень сильно 28...Lc4 29. Fd3 e2! 30.Ce2 F:d3 31.C:d3 Le1+.

28... Fd2! 29.Kd3! Обилие восклицательных знаков не признак эмоциональной неуравновешенности комментатора, а справедливая дань удивительной изобретательности партнеров.

29... F:e2 (аналитикам предстоит еще разобраться в последствиях возможного маневра 29...Kd7 ...) 30. d7 K:d7 31. F:d7 Fd2 32. Le1 e2.

Положение несколько упростилось, и стало по крайней мере ясно, что некоторый перевес теперь на стороне черных.

33.Kpg1! Трудный ход. Его величество лично спешит принять участие в окружении главного врага — пешки e2.

33...a5! А теперь хитрая ловушка. На намеченный маневр 34.Kpf2 последовал бы сокрушительный ответ 34...Lcd8! и если 35.C:d8, то 35...Fe3 мат!

34.g3. Пожалуй, лишь здесь Карпов проходит мимо лучшего способа защиты. Надежнее было 34. Fb5. 34...Fh6! 35.Cf2 Fc6 (не годится 35...Lcd8 ввиду 36.L:e2!) 36.F:c6 L:c6 37.Lb1 Lc4 38.L:b7 La4 39.Ce1 La3 40.Ld7 a4 41. Kpf2.

Здесь партнеры, наконец, смогли перевести дыхание. Контроль кончился, и партия была отложена. Предварительный диагноз гласил: у черных по-прежнему перевес, но выиграть им, пожалуй, труднее, чем белым сделать ничью. Этот вывод был подтвержден затем и многотрудным долгим анализом, и самим доигрыванием, насыщенным решением сложных проблем в необычном окончании. Здесь уже читателю придется поверить на слово, что борьба шла до истощения всех возможностей. Мир был подписан на 65-м ходу при полном истощении боевых сил. И не только на шахматной доске...

...Когда этот обзор дойдет до читателя, на матче произойдут новые события, опять-таки непредсказуемые. Но уже сейчас нужно отдать должное и бескомпромиссности мужественных соперников, и их удивительному мастерству, что в счастливых сочетаниях определило необыкновенный творческий накал начавшегося единоборства.

¹ Con brio — с огнем, оживленно, с жаром (итал.). Музыкальный термин.

аквариумные рыбки? А тем, что собака может стать товарищем по игре в мяч, в погонялки, в возне и всякого рода борьбе; необходимо лишь следить, чтобы ребенок от избытка чувств не душил животное в своих объятиях, не причинял ему боль, не кормил бы собаку сладостями, не утомлял бегом и возней, не загонял в угол или пугал, не трогал пищу животного, не будил бы его. И, конечно, не позволял бы собаке лизать лицо и руки, не играл бы никогда с чужими собаками. Необходимо предварительная подготовка малыша со стороны родителей. И если за ребенком нужен глаз да глаз, то за двумя детьми нужно особо тщательное наблюдение. С той только разницей, что ребенок вырастает, а собака всю жизнь остается ребенком.

Собака может стать и приятелем, утешить в горе: ведь даже в самых благополучных семьях и у любящих родителей бывают конфликты с детьми, когда чадо вдруг получит заслуженный выговор или даже шлепок. И, вполне сознавая справедливость наказания, тем не менее как бывает хорошо выплакаться рядом со всепонимающим четвероногим

Обычно это девочки, у которых нет сестрички или брата. Но у них есть большая потребность любить существо меньше себя, заботиться о нем, воспитывать; действует могучий инстинкт материнства. Кукол уже становится недостаточно. Собака для девочки-подростка превращается в необходимое промежуточное звено между неодушевленной игрушкой и будущим собственным ребенком. Но сколько таких девочек остаются без собаки в детстве, лишаясь радостного и неповторимого, крайне важного для будущей женщины, матери, хозяйки чувства заботы, и внимания, и ответственности за живое существо! И только потому, что родители боятся обременять себя немногими лишними хлопотами.

Но и мальчишке собака тоже необходима. Известно: дети, особенно мальчишки, бывают иногда жестоки, прежде всего к животным. Правильное воспитание призвано развивать добрые начала. Собака для ребенка не просто благо, она необходима. Если ребенок провел свое раннее детство без собаки, считает Конрад Лоренц, всемирно известный австрийский зоопсихолог, лауреат Но-

бъектом может стать щенок, котенок, небольшая собака, кошка.

Некоторые родители выражают опасение, как бы собака вдруг не укусила ребенка. Опаснее другое. Конрад Лоренц писал в своей книге «Человек находит друга»: «Бояться, что собака причинит вред ребенку, нелепо; наоборот, существует опасность, что собака, спуская детям слишком много, может приучить их к грубости и неумению замечать чужую боль. Этого следует остерегаться».

И в то же время нельзя полностью согласиться с мнением К. Лоренца. Осторожность следует соблюдать всегда, у собаки — она ведь живое существо — тоже могут быть отклонения от нормы, вызванные какими-либо особыми обстоятельствами, в частности испугом. Мне известен прискорбный случай, когда нандобродушный и архивоспитанный спаниель на прогулке укусил малыша: тот гавкнул на собаку, она испугалась...

Зафиксировано и такое: терьер, баловень бездетной семьи, после рождения младенца был вдруг посажен на цепь. При первом же удобном случае, сорвавшись с цепи, пес прыгнул в коляску, стал кусать малыша, «причину» своей несправедливой опалы. Но и в данном случае виновато не животное. Терьер был оскорблен, и его снесла ревность, к которой все собаки весьма склонны: попробуй-

хастую, в болячках и наверняка зараженную глистами. Постарайтесь оказаться на высоте. Проявите важнейшее качество человека — мудрость. Не браните ребенка — проповедь оставьте на потом. Вымойте собаку. Ликвидируйте блох и глистов. Накормите животное и приласкайте. Отведите ему достойное место в удобном углу. И постарайтесь полюбить.

Грубое изгнание незваного гостя может тяжело сказаться на психике ребенка и в конечном счете на его отношении к родителям, к другим людям. Собака не игрушка; если ребенок захотел ее иметь или принес в дом — смириться. Возможно, в ребенке пробудились такие добрые чувства, что подавлять их было бы тяжелейшей педагогической ошибкой. Подобная ошибка может носить пагубный характер. Не съест вас собака в конце концов! Постарайтесь только правильно ее воспитать, дать подобающее место в семье. И добро воздастся добром. Но проповедь, повторяю, суровую проповедь потом ребенку прочтите: он не должен пока принимать серьезные решения, не посоветовавшись со старшими.

Коза на поводке

другом! В этом качестве собака особенно ценима подростками, считают кинологи и психологи.

Наконец, в тех семьях, где дети по тем или иным причинам вынуждены оставаться одни, без взрослых, особенно по вечерам, собака в доме помогает ребенку без страха переносить одиночество, а в случае необходимости может и защитить его.

Согласно последней переписи населения, в Советском Союзе средний размер семьи городских жителей составляет 3,3 человека. Иными словами, большинство семей советских горожан имеют одного-двух детей или вообще бездетны. Сегодня семья с одним ребенком — весьма распространенное явление, даже, можно сказать, правило. Исписаны горы страниц, на которых объясняется, чем это может обернуться для общества, для самих родителей и в конечном счете для ребенка. Появление в доме щенка сразу смещает центр внутрисемейного притяжения, как бы дробит его на равные или даже неравные части: щенок быстро становится всеобщим любимцем.

В общении детей и собак я заметил удивительный аспект. Обратите внимание, как часто можно встретить на прогулке с собаками девочек лет десяти — пятнадцати.

белевской премии, — значит, ему не повезло.

Общение с собакой при разумном, разумеем, руководстве — важная составная часть воспитания растущего человека, который с малых лет приучается быть добрым, отзывчивым, человечным. В определенной степени собака, бесспорно, воспитатель человека. Собака в доме благотворно действует на ребенка во многих отношениях: малыш учится ухаживать за животным, справедливо относиться к нему, нести определенную долю ответственности за воспитание и дрессировку. Но никогда и ни в коем случае все заботы о собаке нельзя полностью доверять ребенку, особенно маленькому, 6—8-летнему. Дрессировка животного — это дело родителей, равно как и постоянный контроль за взаимоотношениями собаки и ребенка. В частности, необходимо следить, чтобы дружба между животными и малышом не переходила во взаимные облизывания и вылизывания.

И еще: наш ребенок мал и слаб, нам хочется его защищать, и мы его защищаем. Но, чтобы стать человеком, он должен сам попробовать защищать кого-то, должен убедиться, что он сильный. Хорошо, если в семье есть младший, беспомощный малыш, — многие проблемы тогда решаются как бы сами собой. Если же нет — таким

те в присутствии своей собачки погладить чужую и сказать, какая та красивая и умная.

Особая осторожность должна соблюдаться по отношению к чужим собакам. Правилom любого воспитанного человека должно стать: не трогай чужую собаку, не дразни, не провоцируй ее!

И еще: решение приобрести собаку должно быть принято с должной степенью ответственности. Собака должна стать членом семьи, она требует заботы, любви, доверия. Собака будет любить и уважать вас, если вы станете заниматься с нею дрессировкой, заставите подчиняться дисциплине. Только при таких условиях она станет настоящим другом человека.

Задумка приобрести щенка должна быть серьезно, и не раз, обсуждена всеми членами семьи. Щенок ни для кого в семье не должен стать нежелательной обузой, а тем более предметом разлада и ссор. Иначе судьба собачьего пасынка может оказаться незавидной или даже трагичной.

Другой вариант: вдруг юный отпрыск притащит в дом приبلудного кутенка или брошенную собаку. Беспородную, несчастную, бло-

Необходимо, конечно, и обезопасить ребенка от возможности — крайне редкой, надо сказать! — заполучить от собаки какое-либо заболевание. Опытные кинологи и педагоги советуют сделать собаке предохранительные прививки, регулярно осуществлять профилактику и лечение от глистов, не допускать появления у животных блох, клещей и прочих паразитов.

С незапамятных времен собака помогала человеку в труде, охраняла его жилище от врагов и диких зверей. Но шли годы. Человек распахивал поля и луга, строил заводы. В наши дни большинство населения в целом ряде стран живет в городах, в многоквартирных домах, среди асфальта мостовых и автомобильных дорог. Казалось бы, количество собак должно резко уменьшиться: в городе кому он нужен, Шарик или Дружок?

Но собака нужна людям и «для души»: чем больше человек отрывается от живой природы, тем сильнее его потребность видеть частицу этой природы у себя дома. Конечно, содержать собаку в городе, в многоквартирном доме особенно трудно. Но и необходимо.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

В пустынной местности испытывают новую взрывчатку. После испытаний редактор киногруппы Аллен Лоуэлл тайком уезжает. В Нью-Йорке он проникает в номер отеля к режиссеру Карсону и уничтожает его паспорт.

Заместитель помощника министра юстиции Джордж Уильямс получает анонимное письмо, в котором угрожают смертью ему и еще пятерым. Среди них режиссер Карсон, ведущий разгуль-

ную жизнь; беспринципная красавица Стефани Сполдинг, затевающая тяжбу из-за наследства своего бывшего мужа-миллионера; Роберт Уорнки, сотрудник президентской программы физического развития в администрации Кеннеди, ныне за гроши работающий тренером в общеобразовательной школе; конгрессмен Томас Медуик, замешанный во взяточничестве. Всех их грозят убить в связи с десятой годовщиной со дня гибели Кеннеди.

ЭВЕРЕТТ МЕЛЛОН

Из досье ФБР:

«Н-19578, проверенный осведомитель, сообщает, что Эверетт Меллон пожертвовал 200 долларов организации движения за предоставление неграм избирательных прав. Чек № 14 выписан на банковский трест г. Стоningтона, штат Массачусетс, 3/IX—1966 г.»

1

— Оргия! Устроили оргию на моей яхте, черт побери!— Джим Хартфорд звонил из Нью-Йорка, его надтреснутый голос был негодующим.— Я могу привлечь вас к суду!

Эверетт Меллон старался не выказывать беспокойства, хоть и понимал, что у Хартфорда для этого есть основания. История о том, что патруль береговой охраны вытащил из воды девицу, а потом обнаружил, что «Треска» полна голых парней и девиц и у них громадный запас гашиша, обошла все газеты. И Меллон ответил:

— Вы наняли меня сдавать напрокат свою яхту, и я сдавал. Она потребовалась журналу «Плейхауз» для совещания по сбыту. Они обманули меня, так что привлекайте и их.

— Но ответственность несете вы,— сказал Хартфорд.— Я свяжусь со своими адвокатами, потом позвоню вам еще.

И повесил трубку.

«Ну и ну,— подумал Меллон.— Вот тебе и прокат яхт. Два года обивал в Нассау пороги бесчестных белых бизнесменов и продажных черных политиканов, в конце концов сумел завести прибыльное маклерство, а тут на тебе. И поделом мне!»

Меллон понимал, что Хартфорд прав. Сдавая этот большой ял, он догадывался, что у Келлнера, сотрудника журнала, на уме не дело, а что-то другое: большинством «распространителей» оказались восемнадцатидевятинадцатилетние нимфы. Но он пошел на этот риск. Сделка была очень удачной — восемь тысяч долларов за неделю. Никто еще не вкладывал столько!

Надо ж было одной идиотке шлепнуться за борт! Из-за нее он попал на первые страницы газет и лишился своего дела. Ну и везет же тебе, Меллон!

Он вышел из дока и поглядел на «Треску», прекрасный ял с изящными очертаниями быстрого судна ньюпортской постройки. Из-за таких вот яхт он и занялся маклерством. Вся его жизнь, не считая того краткого эпизода в Вашингтоне, была связана с яхтами.

Его подручный, негр Рафаэль, оттирал палубу.

— Плохо дело,— бормотал он,— плохо дело.

— Что плохо?

— Все прожжено сигаретами. Миста Хартфорд увидит и будет сердит.

— А что еще они натворили?

Негр улыбнулся, обнажив ослепительно белые и сверкающие золотые зубы.

— Поломали стулья, разбили стаканы, порвали матрацы... На славу повеселились, да!

— А мы с тобой из-за них потеряем работу,— раздраженно сказал Меллон. Он шагнул на сходни и осторожно перешел на палубу, потом нырнул в проход, ведущий к каютам. Бар с высокими, привинченными к полу табуретами и беспорядочно расставленными красными шезлонгами находился в кормовой части. Выглядел он не так уж скверно. Рафаэль, как всегда, поработал на совесть.

Ну и накурили же здесь они, господа! Запах гашиша еще держался три дня спустя. Вся обстановка пропиталась им. Меллон зашел за стойку и увидел картонные коробки с битой посудой, потом вышел в коридор и тут же наткнулся на сломанную мебель, собранную Рафаэлем. На окрашенной стене бросалась в глаза длинная, безобразная царапина. Чем тут занимались эти идиоты?

На сегодня хватит. Завтра он подсчитает

— Ваша фамилия есть в письме с угрозой убийства,— сказал Уильямс.

— Моя фамилия? Угроза убийства? С какой стати кому-то убивать меня! Господи, я всегонавсего яхт-маклер.

— Вы работали в администрации Кеннеди? Меллон пришел в такое недоумение, что едва смог ответить.

— Вряд ли это можно назвать так. Я три месяца был служителем в сенате, это мое самое близкое отношение к Кеннеди.

2

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 23.X.73 г.:

«...Как эти шестеро будут удивлены, увидев меня! Я знаю их лучше, чем кто-либо.

В каком-то смысле я начинаю любить их... так охотник любит утку, севшую на воду воз-

Последний — на Арлингтонском кладбище

убытки и отправит Келлнеру письмо. Келлнер побоится огласки и немедленно вышлет чек.

Но его делам в Нассау пришел конец. Если маклер хочет оставаться при деле, он не станет зарабатывать легкие деньги, рискуя чьей-то яхтой.

Меллон поднялся наверх, похлопал Рафаэля по спине и сошел на берег. К нему подбежала девочка-негритянка, дочка его секретарши.

— Телли-грамма,— сказала она.

Через две минуты он звонил Джорджу Уильямсу в Вашингтон. Этот человек из министерства юстиции сказал, что прилетит повидать его. А потом задал странный вопрос:

— Вы не получали анонимного письма?

— Все мои кредиторы подписываются,— ответил Меллон.

ле его укрытия, видя, как от его выстрела разлетаются перья и брызжет кровь. Я люблю их так. Кровь за кровь, смерть за смерть, шестерых за Томми».

Глава II

СМЕРЬ ТОМАСА МЕДУИКА

1

Вашингтонский поезд стоял у перрона, пар и сжатый воздух окутывали колеса. Аллен Лоуэлл поднялся с портфелем и чемоданом во второй вагон и сел недалеко от двери. Портфель он поставил на соседнее сиденье и все время держал на нем руку; но была пятница,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36, 37.

вторая половина дня, в вагоне почти не оставалось свободных мест, и рослый негр в дашки¹ захотел сесть рядом с ним.

Аллен поставил портфель на пол между ногами.

Поезд дернулся, тронулся и вскоре бойко застучал колесами. Аллен равнодушно смотрел на проплывающие за окном пейзажи Нью-Джерси, на простирающиеся до горизонта болота. Вдали из Ньюаркского аэропорта плавно поднимался самолет.

Все было спокойно, но Аллену не давал покоя сидящий рядом негр.

Аллен взял портфель и вышел в проход. Пошел в конец вагона мимо усталых, полусонных бизнесменов и студентов. Нажал кнопку на двери, дверь отворилась, и он вышел. Направился к небольшому бару, где стояло несколько мужчин со стаканами и сандвичами, вагон болтало, и люди в тесноте с трудом удерживали равновесие.

Нужно было оставаться здесь до конца пути или искать другое место. Но Аллен видел, что поезд переполнен.

Он заказал виски со льдом, хотя пить ему не хотелось, и отошел к окну, подальше от напористой толпы у стойки. Неторопливо потягивая виски, он размышлял. ФБР! Не иначе как этот негр оттуда. Собирается засадить в тюрьму каких-то ничего не подозревающих ребят, сыграть с ними веселую шутку.

ФБР в расшифровке некоторых его друзей — Феноменально Бестолковый Розыск. Но Аллен знал, что это не так. Действительно знал!

Через час Аллен вернулся в вагон и от двери увидел, что негр ушел. Подойдя к своему месту, он обнаружил записку:

«ДЕРЬМО ТЫ, БЕЛЫЙ».

Разумеется, эта записка не обманула его.

Руки с портфеля он не снимал.

2

Когда человек получает анонимную угрозу, каждое скопление людей становится опасным, каждое высокое здание увеличивает вероятность смерти. Но Джордж Уильямс ни о чем таком не думал; он был уверен, что человек, пославший это письмо, умен, ведет какую-то жестокую игру и не удовольствуется просто стрельбой. Причиной тому была связь с убийством Кеннеди. По каким-то соображениям, может, политическим, может, иным, убийца связывал их либо с окружением покойного президента, либо с его врагами, иначе в чем же здесь дело?

После получения письма Уильямс взял выходной, чтобы узнать адреса остальных и отправить им телеграммы. Но первый же телефонный звонок подтвердил его подозрения: он единственный из всех получил угрожающее письмо.

Почему? То ли автор письма сознавал, что высокопоставленный служащий министерства юстиции сможет немедленно разыскать остальных, то ли на Уильямса у него были особые планы.

Как бы то ни было, Уильямсу требовалось повидать Харли Коннора. Из-за отправленных накануне телеграмм об угрозе станет известно. Уильямс предпочел бы заниматься этим делом без помощников — один волк-одиночка против другого: в безмолвной борьбе умов он мог рассчитывать на успех. Но он знал, что Коннорс не допустит этого. Коннорс был его начальником.

В пятницу утром Уильямс поставил свою машину в гараж скромного административного здания на Девятой-стрит, где размещался отдел внутренней безопасности вместе со множеством других правительственных отделов, не умещавшихся в своих штаб-квартирах. Отделы внутренней безопасности и гражданских прав были расквартированы здесь, далеко от здания министерства юстиции.

Уильямс заглянул к себе в кабинет, просмотрел почту, потом пошел по коридору к большому угловому кабинету своего начальника.

— Есть у него время? — спросил он секретаршу.

¹ Мужская рубашка в африканском стиле.

Та взглянула на свой календарь.

— В десять он должен быть у министра, но сейчас не занят. Я позвоню ему.

Две минуты спустя Уильямс беседовал с Харли Коннорсом.

— Взгляни, — сказал он, протягивая анонимное письмо.

Коннорс, грузный человек с нездоровым румянцем и быстрыми, умными глазами за стеклами очков в роговой оправе, профессионально прочел его.

— Какой-нибудь психопат?

— Это предстоит выяснить, — ответил Уильямс.

— Остальных пятерых ты знаешь?

Уильямс достал сигарету и закурил.

— Только женщину.

— Странно, — сказал Коннорс. — Какая связь между Кеннеди и этими людьми?

— Это первое, о чем я подумал.

Коннорс снова уставился в письмо, словно пытаясь найти ключ, который проглядел.

— Черт возьми, где же Сэлинджер, Соренсен, О'Брайен, О'Доннел? Если это игра на публику, то почему не избрать мишенью его ближайших помощников? Почему вас?

— Я не встречался с Кеннеди ни разу в жизни. Очевидно, и большинство остальных тоже.

— Странно, — снова сказал Коннорс и поджал губы. — Но не настолько, чтобы я не верил этому.

Он отложил письмо.

— Беда в том, что мы не можем из-за этого письма приставить к каждому трехменную охрану. Таких писем мы получаем из Белого дома по сотне в день.

Уильямс откинулся на спинку кресла.

— Знаю. Поэтому сам и предупредил остальных.

Коннорс поглядел на него.

— От тебя можно было ожидать несколько большего. — Он улыбнулся. — Черт возьми. В этом маленьком перечне он сделал одну большую ошибку. Пятеро неизвестных — ладно. Но Джордж Уильямс? Неужели он ничего о тебе не знает?

Уильямс не ответил. Помолчав, он сказал:

— Возможно, в течение ближайшего месяца мне время от времени придется отпрашиваться с работы.

— Об этом не беспокойся, — ответил Коннорс. — Вот что, Джордж, я хочу сказать тебе кое-что начистоту. В Белом доме противились твоему переводу ко мне в отдел, но я сказал, что нуждаюсь в тебе и сумею ладить с тобой. Пусть мы и не особенно ладим, ты мне нужен, и я не хочу, чтобы тебя убил какой-то озверевший маньяк.

— О себе я могу позаботиться. Меня беспокоят остальные.

— Ты уже связался с ними?

— Отправил телеграммы.

— Дай мне немного подумать, — сказал Коннорс. — Поскольку ты есть в этом списке, можно будет подключить министерство. Угроза государственному служащему дает к тому основание. Если это письмо нельзя истолковать как угрозу, можно будет организовать все молчком.

Уильямс встал.

— Буду действовать сам. Не думаю, что есть смысл подключать министерство.

Удивленный Коннорс поднялся вместе с ним.

— Квазиофициально, Джордж. Это не бог весть что. Но нам потребуется помощь бюро, не так ли? Давай я свяжусь с Джимом по телефону, отправлю ему ходатайство о помощи, а попозже мы с тобой поговорим еще. Да, и вот что. Можешь ты оставить мне это письмо?

— Нет.

Они поглядели друг на друга, потом Коннорс кивнул, и Уильямс ушел. Коннорс еще долго смотрел на дверь после того, как она закрылась. Коннорс был жестким, кое-кто считал его беспощадным, а Уильямс вообще был загадкой.

Коннорс щелкнул выключателем, и через минуту из динамика магнитофона послышался их разговор. «Не думаю, что есть смысл подключать министерство», — говорил Уильямс.

Почему? Опасался чего-нибудь?

3

Негр в дашки сошел в Вашингтоне с поезда и стоял в укромном месте, пока не увидел проходящего Аллена. Он знал этого стервеца. И не хотел иметь с ним ничего общего. Ничего.

Тогда они пробивались в Лонсан под непрерывным огнем, вьетнамцы, как всегда, открыто преследовали их, а не прятались; негр зашел за хижину и обнаружил троих «зеленых беретов», охраняющих толпу пленных. «Береты», видимо, пробрались сюда раньше и теперь небрежно держали автоматы, хотя не вдалеке бушевал бой.

Негр терпеть не мог «беретов». Они совсем озверели. Кастрировали взятых в плен, коллекционировали отрезанные уши и убивали не моргнув глазом. И этот «берет», стройный парень с покатыми плечами, которого негр только что узнал в поезде, вдруг открыл огонь по толпе безоружных пленных. Прямо у него на глазах! Вопли, залитые кровью лица, кто-то пытался бежать, а этот скот косил их. Зверски! Ни с того ни с сего!

У него не выходили из памяти эти серые глаза, и вот на тебе, этот самый тип в яркой спортивной куртке торопливо усаживается в такси.

«ДЕРЬМО ТЫ, БЕЛЫЙ», — написал он на карточке и оставил ее на сиденье. Ни об одном другом белом он так не думал.

4

В сотнях миль к северу от Вашингтона готовилось первое поступление сведений на Аллена Лоуэлла в Национальный информационный центр ФБР. Все началось с допроса.

Джо Игнелли, начальник отдела охраны комбината «Ю. С. стил» в Ларго Фоллз, тянул жилы из Гарри Эндрюса.

— Гарри, соберись с мыслями!

Эндрюс утер лоб зеленым платком.

— Я заметил, что тот парень вел себя странно. Нужно было б приглядывать за ним.

— Когда, по-твоему, он взял их?

Эндрюс задумался.

— Это могло произойти в любое время, но, по-моему, когда подбросил чуть ли не на милю вверх один патрон и я смотрел, кто его поймает.

— Он вытащил из кузова два патрона, припрятал их, а потом, когда ты уже пил мартини, вернулся?

Эндрюс поднялся.

— Съезжу опять туда. Все-таки возможно, что их по ошибке куда-то засунули. Там никто не знал, что делать.

Игнелли позвал секретаршу:

— Эй, Мери!

Секретарша вошла. Игнелли объявил ей:

— Нам с тобой предстоит работа.

А Эндрюсу сказал:

— Гарри, прочеши каждый дюйм этой проклятой, пустыни. Если нужно, проводи там неделю. Но каждый дюйм!

5

«23 октября 1973 года

От начальника отдела охраны «Ю. С. стил», Ларго Фоллз, начальнику отдела промышленных взрывчаток

Доклад о пропавшей взрывчатке

1. Инвентаризация показала, что два бруска «кемита» исчезли после киносъемок компании «Колмен продакшнз» 22 октября 1973 года. Гарри Эндрюс, служащий, назначенный на объект, не заметил вовремя исчезновения брусков. Оправдывается общей суматохой и незнанием съемочного процесса.

2. Пять брусков из привезенных двенадцати были взорваны во время съемок. Пять возвращено на склад.

3. Редактор фильма, находившийся при съемочной группе, внештатник, то есть человек, не состоящий в штате компании, исчез вечером после демонстрации «кемита». Есть основания полагать, что он нашел способ похитить бруски и припрятать их до отъезда.

4. Зовут этого человека Джефф Болтон. Указанный адрес: Мериленд, Балтимор, Марлтон-авеню, 1340.

5. Президент компании «Колмен продакшнз» Леонард Колмен нанял его специально для съемок этого фильма. Он обещал незамедлительно связаться с Болтоном.

6. Дальнейшие меры будут приняты, как только мистер Колмен поговорит с ним.

Джозеф Игнелли,
начальник отдела охраны».

Телефонный разговор Мартина Харвестера, служащего «Ю. С. стил», Ларго Фоллз, с агентом № 12 сиракузского отделения ФБР, записанный на пленку с ведома звонившего:

ХАРВЕСТЕР. Как положено, сообщаем о пропаже двух зарядов взрывчатки. Называется взрывчатка «кемит».

АГЕНТ. «Кемит»?

ХАРВЕСТЕР. Да.

АГЕНТ. На упаковке есть отличительные пометы?

ХАРВЕСТЕР. Да, минутку. У меня здесь есть один патрон. Написано красным «Рейнолдс кемикл», это все. Упаковка, кстати, белая.

АГЕНТ. При каких обстоятельствах они исчезли? Может, это просто ошибка при инвентаризации?

ХАРВЕСТЕР. Киногруппа использовала для съемок рекламного фильма настоящую взрывчатку. Редактор исчез в один день с зарядами. Это и вызывает у нас тревогу.

АГЕНТ. У вас есть его фамилия и адрес?

ХАРВЕСТЕР. Джеффри Болтон, Мериленд, Балтимор, Марлтон-авеню 1340.

«СТС¹ сиракузского отделения ФБР Национального информационному центру ФБР, Вашингтон:

Джеффри Болтон адрес Мериленд Балтимор Марлтон-авеню 1340 подозревается в краже двух зарядов взрывчатки с комбината «Ю. С. стил» в Ларго Фоллз, штат Нью-Йорк. Произведите проверку».

«СТС НИЦ ФБР, Вашингтон сиракузскому отделению ФБР:

Возраст и внешние данные подозреваемого?»

«СТС сиракузского отделения ФБР НИЦ ФБР, Вашингтон:

Возраст двадцать с лишним, шесть футов, стройный, глаза серые, особых примет не замечено, коротко стрижен, описан как «чисто американский тип», то есть не хиппи».

«25 октября 1973 года

Джозефу Игнелли, начальнику отдела охраны «Ю. С. стил», Ларго Фоллз, штат Нью-Йорк

Уважаемый мистер Игнелли!

Я звонил Джеффри Болтону по номеру, которым мы пользовались прежде, сотрудничая с этим человеком. Телефон оказался отключенным. Визит по адресу привел в дом с меблированными комнатами, где он снимал квартиру на втором этаже, домовладелица миссис Маргарет Смит сообщила, что Болтон заплатил за квартиру авансом и съехал в прошлый четверг по неизвестному адресу.

Я не могу разобраться в происшедшем. Мы привлекали Болтона к съемке двух рекламных фильмов и нашли, что он прекрасный редактор. В доказательство можем продемонстрировать вам оба его фильма.

Тем не менее я узнал от режиссера, что на съемках он вел себя странно, и его исчезновение подчеркивает, что там произошло что-то необычное.

Могу лишь принести свои глубочайшие извинения и обещать вам всяческое сотрудничество в розыске этого человека. Я связался с профсоюзом киноредакторов в Нью-Йорке, но Болтон не является его членом, и профсоюз ничем не может помочь. Ирвинг Миллер, президент союза, утверждает, что никогда не слышал этой фамилии.

Пожалуйста, немедленно свяжитесь со мной и передайте инструкции.

С почтением

Леонард Колмен, президент
фирмы «Колмен продакшнз».

«СТС НИЦ ФБР, Вашингтон сиракузскому отделению ФБР:

¹ Служба телетайпной связи.

Джеффри Болтону, проживающему в Род-Айленде, Мапл-стрит, 1308, 8 марта 1968 года было предъявлено обвинение в краже автомобиля № РВ 50083 с завода Олсли, повторяем, Олсли моторз, Мейн-стрит, 1600. Обвинение снято.

Никакого другого Болтона в досье НИЦ нет. Джеффри Болтон из Род-Айленда, Провиденс, Мапл-стрит, 1308,— негр.

Подозреваемый Джеффри Болтон, Мериленд, Балтимор, Марлтон-авеню, 1340, съехал, не оставив нового адреса. Компьютерные поиски проведены по опознавательным номерам социального страхования, налогового управления и министерства обороны».

«25.X.1973 года

Директору отдела промышленных взрывчаток от начальника отдела охраны «Ю. С. стил», Ларго Фоллз

Рапорт о пропавшей взрывчатке

1. Не волнуйтесь. Два пропавших заряда «кемита» найдены.

2. Гарри Эндрюс провел поиск на месте съемок и сообщил, что оба заряда оказались зарыты в песок футах в пятидесяти от того места, где находилась камера.

3. На съемках работал персонал, не знающий правил обращения со взрывчаткой, очевидно, кто-нибудь положил заряды там и забыл.

4. Жду инструкций насчет выговора или штрафа Гарри Эндрюсу. Эта оплошность достаточно серьезна даже для увольнения. Но обстоятельства киносъемки были внове для него, и, возможно, этим оправдывается его заявление о неразберихе.

Джозеф Игнелли,
начальник отдела охраны
«Ю. С. стил», Ларго Фоллз».

«СТС сиракузского отделения ФБР НИЦ ФБР, Вашингтон:

«Отмените розыск. Взрывчатка найдена».

6

Молодой человек в зеленой ветронепроницаемой куртке ждал в условленном месте перед банком Риггса на Дюпон-серкл. Увидев Аллена, он направился к перекрестку Девятнадцатой и Н-стрит, где свернул направо. Аллен следовал за ним в нескольких футах, пока они не подошли к синему «фольксвагену». Оба сели в машину.

Как только машина тронулась, бородатый молодой человек с рябоватым лицом достал из кармана конверт и протянул Аллену.

Аллен вскрыл его и стал читать:

«Вы обманываете нас. Почему?

Удалось ли достать белое вещество?

Все контакты через человека у банка Риггса в девять утра по вторникам и пятницам, как условлено. Вас он знает как Стена Хейкера, жителя Сент-Луиса, дезертира.

Пока вы в Вашингтоне, он и его группа будут снабжать вас оружием и оказывать содействие. Зовите его Алекс».

Аллен устроился поудобнее в углу сиденья. Алекс спросил:

— Взрывчатку достали?

— Два заряда,— ответил Аллен.— Этого должно хватить.

— Динамит?

— Нечто новое под названием «кемит». Вот квитанция.— Он протянул багажную квитанцию.— Взрывчатка в портфеле. Храните ее в прохладном месте.

— Ясно,— сказал Алекс.— Вы делаете успехи, приятель.

Они подъехали к закуской на Коннектикут-авеню и выпили по чашке кофе.

— Когда все будет готово, я дам знать,— сказал Аллен.— Тем временем мне потребуется от вас кое-что.

— Что именно?

— Девушка, согласная провести ночь в кутузке. И пистолет со слезоточивым газом. Ей придется применить его.

Бородатый парень взглянул на него с огоньками в глазах.

— Такая у меня есть. Она уцепится за возможность помочь.

Аллен условился о встрече с ней на К-стрит в пять часов, потом попросил отвезти его на

Дамбартон-стрит в Джорджтаун¹. Бородатый высадил Аллена, Аллен подождал, пока машина скроется, потом пошел на Р-стрит. Через несколько минут он постучал в дверь одной квартиры. Из-за двери послышался девичий голос:

— Кто там?

— Джефф,— ответил Аллен.

Дверь отворилась, раздался радостный крик, и девушка, брюнетка в джинсах и желтом лифчике, бросилась к Аллену и обняла его.

— Где ты пропадал? Господи!

Аллен высвободился.

— Только что приехал из Сан-Франциско по служебным делам.

— Не ври, что ты работаешь,— сказала она, ведя его в квартиру. Аллен увидел простую серую кушетку, несколько ярко-желтых кресел, стереопроектор, альбом для пластинок, валяющиеся вокруг конверты и баньяновое дерево в кадке.

— Гостиная у меня для показухи,— сказала Пегги Бартон.— Пойдем туда, где я бываю сама собой.

И повела его в комнату, где не было ничего, кроме крошечной статуи Будды на шестидюймовой подставке у стены.

— Здесь я предаюсь размышлениям.

Но Аллена не интересовало, где предается размышлениям Пегги.

— Я привез кое-что от Томми,— сказал он.

Эта новость ошеломила ее.

— Правда?

Аллен открыл картонную коробочку, там лежал золотой браслет с медалью св. Христофора.

— Он купил его тебе. С тех пор я все искал тебя. Я не знал, что ты уезжала в Европу.

У Пегги навернулись слезы. Она вышла в гостиную и с коробочкой в руке села на кушетку.

— Господи, это невыносимо,— сказала она.

Аллен неподвижно стоял посреди комнаты.

— Сядь ты ради бога,— попросила она, чуть не плача.— Неужели не можешь проявить немного... сочувствия?

Аллен ничего не ответил, но сел. Пегги полезла в сумочку и вынула пергаминовый пакетик.

— Джефф, ты не любишь этого, я знаю, но сейчас мне необходимо. Я сама не своя.

Она набила гашишем маленькую белую трубку, зажгла ее и глубоко затянулась, потом легла вверх лицом и выпустила струйку голубого дыма. И тут же стала более сдержанной.

— Не понимаю, почему вы с Томми были так близки,— сказала она.— Ты не куришь, почти не пьешь, ты такой... правильный. И заставлял Томми поступать по-твоему.

— Пегги, мне пора.

Но Пегги уже была или во власти воспоминаний, или гашиша. Она с деланной улыбкой протянула трубку Аллену.

— Сделай мне одолжение, Джефф, ради Томми. Затянись. Докажи, что в тебе есть что-то человеческое.

Аллен выбил трубку из ее руки. Горящие крошки разлетелись по всему ковру, Пегги, стоя на коленях, пыталась смести их, а Аллен направился к двери.

— Я правильный, а Томми мертвый,— сказал он.

Пегги сверкнула на него глазами.

— Без тебя знаю, гад.

Час спустя Аллен, сняв пиджак, лежал на кровати в скромном отеле на углу Четырнадцатой и К-стрит и думал. Стефани Сполдинг в Паунд-Ридже, Карсон в Манхэттене, Меллон в Нассау, Уорнки в Итаке.

Для Аллена важно было начать в Вашингтоне, поэтому жребий выпал Медуику. Уильямса Аллен решил держать на горячих углях.

Конечно же, Уильямс знал кое-что о смерти. Еще бы. Но даже Джордж Уильямс будет поражен методом отправки Медуика на тот свет. Есть разные способы убивать. Рояльные струны и тапочки, классический способ особых подразделений? Слишком примитивно.

Медуик заслуживал чего-нибудь получше.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

¹ Фешенебельный район Вашингтона.

2 метра 41 сантиметр

Таков теперь мировой рекорд в прыжках в высоту. Его установил на соревнованиях всемирной Универсиады в Японии 22-летний легкоатлет из города Фрунзе Игорь Паклин.

Не прошло и месяца с того дня, когда Рудольф Поварницын первым в мире преодолел планку на высоте 2,40. Напомним, что в 1980 году на Московской Олимпиаде победитель Герд Вессиг установил мировой рекорд, взяв 2,36. Так что к рубежу 2,40 спортсмены подбирались довольно долго. Теперь психологический барьер преодолен, и, видимо, новому рекорду стоять недолго. Чтобы верить в это, есть веские основания — прекрасный «штат» прыгунов, прежде всего — советских.

Фото ТАСС

Достоинство ПОБЕДИТЕЛЯ

Когда президент Международной футбольной ассоциации — ФИФА — бразилец Жоао Авеланж предложил учредить чемпионат мира для игроков не старше двадцати лет, это не вызвало всеобщего одобрения. Многие национальные федерации отвергали идею такого турнира, полагая, что соревнования за титул чемпиона мира сопряжены со слишком большой физической и психологической нагрузкой, а это вредно для не окрепших телом и духом юных спортсменов. Вероятно, такие соображения отчасти справедливы, но перевесило иное мнение: соревнования будут способствовать распространению и развитию футбола. Главная же проблема — финансовая — была решена вне спортивной аудитории и без дискуссий: знаменитая трансконтинентальная фирма дала деньги и соответственно свое имя в название турнира — «Кубок ФИФА/«Кока-кола».

Звание чемпиона мира раз в два года разыгрывают шестнадцать

команд. Определяются они по результатам различных соревнований, которые на различных континентах считаются как бы отборочными турнирами (у нас это — первенство Европы для юношей 18 лет).

Советские юниоры за короткую историю этих соревнований успели испытать все: были чемпионами и занимали последнее место, завоевывали серебряные медали и вообще не попадали в число шестнадцати.

Конечно, когда речь идет о командах, состав которых обновляется каждые два года, делать какие бы то ни было сравнения неправомерно и некорректно: другие игроки, другие соперники. Но все же любопытно сопоставить первый чемпионат, проходивший в 1977 году в Тунисе, с нынешним, пятым, разыгранным на полях Баку, Еревана, Минска, Тбилиси, Ленинграда и Москвы.

В Тунисе наша команда, победив юниоров Парагвая и Ирака и сыграв вничью с австрийцами,

заняла в своей группе первое место и вышла в полуфинал (тогда не было четвертьфиналов). Игра со сборной Уругвая закончилась вничью — 0:0, а пенальти наши ребята били точнее — 4:3. В финале их ждала команда Мексики, которая также по пенальти победила бразильцев — 5:3. Закончив игру вничью — 2:2, сборные СССР и Мексики решали спор за звание чемпиона опять-таки посредством пенальти. Точнее оказались наши футболисты — 9:8. Лучшим игроком турнира был признан киевлянин Бессонов.

Футбольные специалисты, обозреватели и телекомментаторы единодушно утверждают, что юношеский футбол непредсказуем — в том смысле, что совершенно невозможно предугадать исход борьбы ни в отдельном матче, ни в турнире вообще. В пятом чемпионате, как и в первом, свою полуфинальную игру советские юниоры свели вничью, но по пенальти уступили испанцам — 3:4, а в борьбе за третье место — силь-

ной команде Нигерии — 1:3. Последний матч, между прочим, заслуживает быть отмеченным особо. Он оставил удручающее впечатление, и вовсе не потому, что наши ребята проиграли. Не хочется верить, что тренер нигерийской команды поставил своим футболистам задачу победить во что бы то ни стало и не стеснясь в средствах, но они действовали именно так. 120 минут длилась встреча, и каждую минуту судейский свисток звучал по два-три раза, фиксируя грубые, запрещенные приемы. В этом матче нигерийские юниоры не только доказали справедливость утверждения, что футбол юношеский копирует все недостатки взрослого, но и превзошли оригинал. Судья четыре раза показывал желтые карточки-предупреждения. В конце концов, исчерпав терпение, он вынужден был удалить с поля одного игрока. Побеждать на футбольном поле, конечно, нужно, но не любой же ценой! Когда видишь, как юный игрок в стремлении помешать, удерживать, разрушить бьет по ногам другого игрока, у которого и мяча-то нет, невольно возникает мысль: а не правы ли люди, считающие слишком чрезмерными и вредными для молодого организма физические и психологические нагрузки, сопряженные с борьбой за мировое первенство?

И все же есть основания думать, что дело обстоит не так. Порукой тому лучшие матчи турнира — в них юноши продемонстрировали техничную, мягкую, быструю, точную игру, показали поклонникам футбола всю красоту этой великолепной игры. А самых добрых слов заслуживает сборная Бразилии — несомненно, лучшая команда турнира. Знаменательно, что, напутствуя своих питомцев на финальную игру с испанцами, тренер Ж. Нуньес сказал: «Главное — уважать соперника». Слова, достойные победителя! Бразильцы привезли в Москву кубок чемпиона, завоеванный ими в 1983 году на последнем мировом первенстве в Мексике, они его и увезли.

М. ДМИТРИЕВ

Сборная команда юниоров Бразилии второй раз стала чемпионом мира.

Фото А. Бочинина

Лирические Одностиишия

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК

Когда в метро закроют переходы...

И всякий раз, вступая в брак законный...

Порой в местах, специально отведенных...

Уж если отдыхать, так от всего...

В ногах нет правды и на дискотеке...

Уже в глубоком детстве став ребенком...

Случалось, что и я не ошибался...

Как трудно совмещать в одном лице...

Есть рыцари без страха, но с упреком...

Как часто эскалаторы ходили!..

Уже сроднившись с чувством дискомфорта...

Дружить домами легче, чем в домах...

ИЗ ЦИКЛА «ПРОЗА В СТИХОТВОРЕНИЯХ»

Сбежать от дел,
зарыться в стог...
Но ведь зароешься едва лишь,
Услышишь четкий шепоток:
«Вы зарываетесь,
товарищ...»

Прочитал с чувством.
Ему говорят: «Плохо!»,
а он им: «Ну это у меня из старых».
Прочитал с толком,
а ему — опять: «Плохо!» —
а он: «Да это у меня из новых, сырые еще».
Прочитал с расстановкой,
а они вдруг: «О, это нормально. То, что надо».

А это у него из чужих.

Поначалу ему жутко не хотелось
тонуть в водовороте.
Он противился этому
всем своим существом —
душой и телом.
Но стоило начать — и ничего:
как-то втянулся.

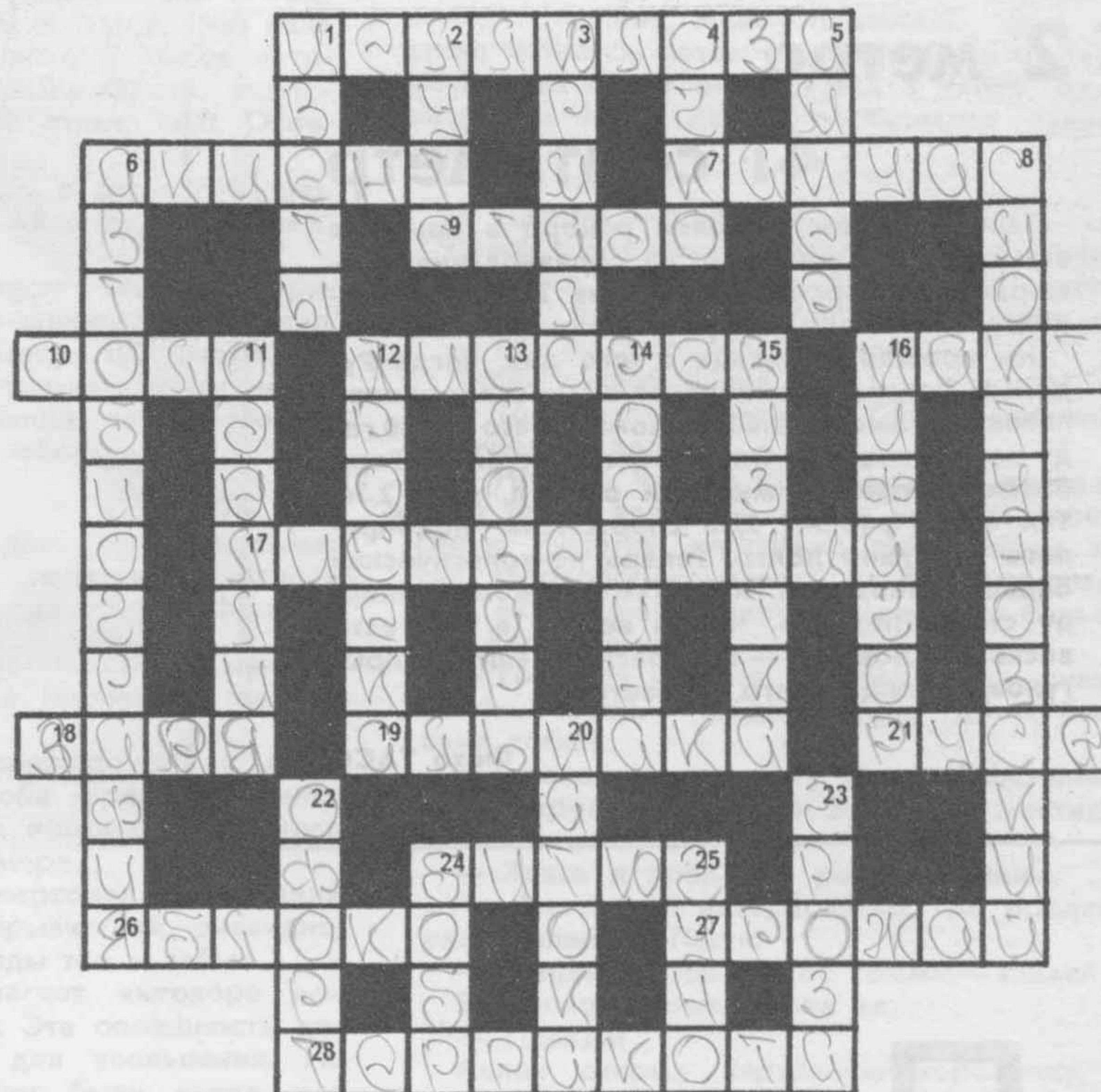
Ему говорят: «Плохо!» —
А он им с улыбкой: «О, что вы!..
Это — внешнее...»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весь мир следил за уникальной «ледовой» операцией: ледокол «Владивосток», пробившись сквозь тяжелые льды Антарктики, вызволил из «плена» затертое торосами экспедиционное судно «Михаил Сомов». Суда возвращаются в родные порты, экспедиция завершается. Интервью с руководителем этой операции А. Н. Чилингаровым и фотоснимки, которые он предоставил редакции, напечатаны в предыдущем номере «Огонька». Сегодня мы публикуем цветные снимки, доставленные из Антарктики. На одном из них — ледовый разведчик вертолет Ми-8, во многом способствовавший успеху экспедиции, после очередного вылета возвращается на палубу «Владивостока». На втором видно, как выглядел дизель-электроход «Михаил Сомов», когда «Владивосток» нашел его во тьме полярной антарктической ночи.

Фото А. Чилингарова и АПН

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На высоковольтной линии электропередачи Экибастуз — Урал.

Фото У. ПАТЕ (ТАСС)

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Клетчатка. 6. Особенности произношения. 7. Река на острове Калимантан. 9. Пасущийся вместе скот. 10. Музыкальное произведение для одного исполнителя. 12. Русский публицист и литературный критик. 16. Международный договор. 17. Хвойное дерево. 18. Советское немагнитное исследовательское судно. 19. Домашнее животное в Перу и Боливии. 21. Город в Болгарии. 24. Приток Дона. 26. Плод фруктового дерева. 27. Валовой сбор продукции сельскохозяйственной культуры. 28. Керамические изделия.

По вертикали: 1. Басня И. А. Крылова. 2. Народный писатель Эстонии. 3. Курорт в Латвии. 4. Единица счета в спортивных соревнованиях. 5. Французский ученый, один из основоположников электродинамики. 6. Описание собственной жизни. 8. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 11. Действующее лицо балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 12. Дорога в лесу. 13. Лексика. 14. Трехкратная олимпийская чемпионка в парном катании на коньках. 15. Однооборотный сюртук с закругленными полами. 16. Древнегреческий мыслитель, математик. 20. Густое сладкое вещество из крахмала. 22. Вид гравюры. 23. Пьеса А. Н. Островского. 24. Пушной зверь. 25. Композитор, автор оперы «Фауст».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 4. «Коммунист». 7. Аммоний. 9. Рыбалко. 12. Маринка. 15. Ракетка. 16. Регистр. 17. Фаворский. 18. Танкодром. 20. Квинтет. 22. Исаакян. 24. «Хуторок». 27. Автобус. 28. Тампере. 29. Коростель.

По вертикали: 1. Ямайка. 2. Гусеница. 3. Кибрик. 5. Робот. 6. «Набег». 8. Марковников. 10. Конструктор. 11. Графика. 12. Маркотх. 13. Аронник. 14. Кремень. 19. Смоленск. 21. Тагор. 23. Альпы. 25. Уссури. 26. Острец.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономика быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.08.85. Подписано к печати 11.09.85. А 00384. Формат 70 × 108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр. отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 2420. Заказ № 1292.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

РАЗ и НАВСЕГДА ПОКОНЧИМ С ПЬЯНСТВОМ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

это нам мешает?

ISSN 0131-0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

